САМОДЕРЖАВИЕ И ЛИБЕРАЛЫ

В РЕВОЛЮЦИЮ 1905-07

ЛЕНИН: СТОЛЫПИН И РЕВОЛЮЦИЯ — **МИЛЮКОВ**: ТРИ ПОПЫТКИ — **ВИТТЕ**: ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ — ПОЛЕМИКА ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ МИНИСТЕРСТВЕ

СОСТАВИЛ С. А. АЛЕКСЕЕВ

…ТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
…9 2 5

САМОДЕРЖАВИЕ И ЛИБЕРАЛЫ

В РЕВОЛЮЦИЮ 1905—1907 ГОДОВ

СОСТАВИЛ
И СНАБДИЛ ПРИМЕЧАНИЯМИ
С. А. АЛЕКСЕЕВ

ПРЕДИСЛОВИЕ
С. ДУБРОВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ⋆ 1925 ⋆ ЛЕНИНГРАД

1я ОБРАЗЦОВАЯ
ТИПОГРАФИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
МОСКВА - ПЯТНИЦКАЯ
Главлит 43346.
Гиз 9681. Тир. 3000

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Одним из любопытнейших эпизодов первой русской революции являются несколько раз повторявшиеся попытки образования «общественного министерства», «министерства доверия» тож, путем сговора между самодержавием и нашим ответственным либерализмом. В этих попытках, из которых каждая неизменно кончалась позорной неудачей, как солнце — в малой капле вод, отразилось подлинное лицо российского либерализма. А не понять нашего либерализма значит не понять характера русской революции. Вот почему Ленин так интересовался выяснением «великой важности исторического вопроса об отношении либералов к правительству в октябре 1905 г.» (первые переговоры об общественном министерстве) («Собр. соч.», том XI, ч. 2, стр. 483) и уделял так много внимания тем сведениям о переговорах либералов с правительством, которые были опубликованы в то время.

После Октябрьской революции появились новые и в высшей степени интересные мемуарные документы, посвященные этим переговорам и принадлежащие перу их участников. Первый из них — «Воспоминания» известного земца, мирнообновленца Д. Н. Шипова (Москва, изд. Сабашниковых, 1918 г.), второй — брошюра Милюкова «Три попытки» (Париж, 1921 г.). В этой последней автор подробно останавливается и излагает книгу Шипова в интересующей нас части (очевидно, в интересах читателя-эмигранта, которому она не-

доступна). Это обстоятельство избавляет нас от необходимости приводить здесь извлечения из книги Шипова. Что касается брошюры Милюкова, то и по фактическому содержанию, и по характерному освещению вопроса она представляет значительный интерес не только для историка, но и для широкой читательской публики, интересующейся историей революции 1905—1907 г.г. Поэтому мы сочли полезным сделать ее доступной для нашего читателя, перепечатав в предлагаемом издании.

В интересах исторической ориентировки читателя, брошюре Милюкова предпосланы две статьи Ленина: «Столыпин и революция» и «Начало разоблачений о переговорах партии к.-д. с министрами», дающие превосходное введение в эпоху, а заодно — и оценку переговоров в связи с классовым анализом движущих сил революции. Вслед за брошюрой Милюкова мы приводим, в интересах полноты материала, извлечение из «Воспоминаний» Витте. Наконец, в приложениях приводятся ранее опубликованные документы, бывшие известными Ленину. В конце книги даны справочного характера примечания о событиях и лицах, упоминаемых в основном тексте. Примечания эти в большинстве принадлежат составителю. В незначительной части они воспроизведены, с надлежащими изменениями, из сочинений Н. Ленина и Л. Д. Троцкого. Смысл и значение взаимоотношений между либералами и царским правительством в трактуемый момент освещает предпосланное книге предисловие тов. С. Дубровского.

Составитель полагает, что собранный им материал послужит полезным пособием при изучении первой русской революции, 20-летний юбилей которой мы празднуем в настоящем году.

С. А. Алексеев.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 20-летнюю годовщину революции 1905 г. является небесполезным подвести итог и позиции так называемой либеральной буржуазии в русской революции.

Что русская буржуазия отнюдь не являлась классом революционным, что даже наиболее либеральная ее часть, представляемая кадетской партией, не вела действительной борьбы с царизмом, — это теперь общепризнанная истина, утвержденная опытом гражданской войны. Однако не секрет, что среди части сохранившейся в Советской России мелко-буржуазной и средне-буржуазной интеллигенции еще существует предрассудок, что буржуазия превратилась в класс контрреволюционный лишь в момент пролетарской революции, в отношении же буржуазной революции, в отношении борьбы с царизмом за буржуазное освобождение России она будто бы выполняла свою историческую миссию.

В настоящее время последнее убеждение является лишь достоянием современных буржуазных «сменовеховцев» в широком смысле этого слова, которые, «прияв» теперь революцию, готовы утверждать, что и «они пахали», что и они в свое время «боролись» и даже «страдали за революцию». До революции же версия о борьбе либеральной буржуазии с царизмом за буржуазное освобождение была весьма распространенной. Эту версию распространяла не только сама буржуазия, заинтересованная в привлечении на свою сторону мелко-буржуазных и средне-буржуазных попутчиков, но и

часть представителей самой мелкой буржуазии. Напр., на признании факта борьбы буржуазии против диктатуры помещиков-крепостников меньшевики строили всю свою тактику, фактически сводившуюся к утверждению буржуазной диктатуры в России. Только большевики во главе с Лениным еще при самом зарождении русского буржуазного «либерализма» прекрасно поняли его об'ективную контр-революционную сущность, поэтому в противоположность меньшевистской тактике, строившейся на союзе с буржуазией и ее поддержке, — большевики выдвинули против буржуазии лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, которая единственно могла дочиста смести полукрепостной строй в России и тем совершить демократическую революцию.

История всецело доказала правильность большевистского понимания контр-революционной роли буржуазии и правильность большевистской ставки на крестьянство, в союзе с которым пролетариат совершил не только буржуазную демократическую революцию, но и социалистическую.

Когда-то один из лидеров современной буржуазии Петр Струве на заре своей политической юности обмолвился фразой о том, что, чем дальше на восток, тем буржуазия подлее. Дело заключается, разумеется, не в личных психологических качествах буржуазии, а в своеобразии буржуазных революций в странах, позже других вступающих на путь капиталистического развития по сравнению с западно-европейскими странами. В этих странах, и в частности в России, конфликт между старым порядком и буржуазией наступает в тот момент, когда уже всецело назрели противоречия между буржуазией и пролетариатом. Последнее и заставляет буржуазию с чрезвычайной осторожностью относиться ко всевозможным «толчкам слева», как об этом пишет Милюков

в печатаемой ниже брошюре. Помимо того громадного значения, которое имело царизм для русской буржуазии, как полицейский аппарат подавления рабочего класса и крестьянства, полукрепостнический аппарат старого режима был использован буржуазией для капиталистического накопления путем грабежа деревни.

Миллиарды туземного капитала, которые были собраны царизмом за счет грабежа крестьян путем выкупных платежей, путем высоких податей и налогов, как раз и поступили в распоряжение буржуазии, получавшей от правительства громадные промышленные заказы, поставки и проч.

Таким образом, царизм являлся тем насосом, который перекачивал прибавочную стоимость, создаваемую в деревне, в карманы буржуазии. Если к этому мы прибавим, что царизм являлся передаточным звеном по получению из-за границы капиталов и вложению их в промышленность, то для нас будет понятна та тесная связь, — не только экономическая, но и политическая, которая установилась между старым режимом и буржуазией.

Это предопределило то, что крепостники могли осуществлять свою диктатуру при непосредственном сочувствии и поддержке буржуазии.

Хотя сохранение полукрепостного строя в деревне и фактическое господство крепостников вступало в острое противоречие со все более укрепляющейся по мере роста и развития капитализма буржуазией, но в то же время этой буржуазии, как писал Ленин, слишком необходим и нужен был царизм, чтобы она могла пойти на действительную с ним борьбу. Поэтому даже наиболее либеральная часть буржуазии в лице кадет решительно отмежевывается от революционного разрушения имевшихся противоречий. Она пытается лишь путем реформы, путем медленного спуска на тормозах кре-

постного строя приспособить его к нуждам буржуазного развития. Этим и об'яснялось, что буржуазия ни в коем случае не идет на открытый разрыв с царизмом, а, наоборот, стремится всеми доступными ей средствами добиться политического с ним соглашения.

Вот именно с этой стороны чрезвычайно характерны те попытки переговоров, которые велись лидерами буржуазных партий и представителями царизма в наиболее критические моменты для старого режима, как в момент революции 1905—1907 годов, когда, казалось, бил уже последний час существования старого порядка в России.

Первая попытка сговора с царизмом относится как раз к октябрьским дням 1905 года, т.-е. к дням наибольшего напора массового революционного движения.

Начало переговоров с царизмом в октябрьские дни характерно в том отношении, что это был как раз период наибольшего под'ема «либерализма» буржуазии. Именно в момент всеобщей октябрьской забастовки кадетский учредительный с'езд признал «общность своих интересов с интересами народа» и приветствовал «организованное мирное, но в то же время грозное выступление рабочего класса, политически бесправного, но общественно могучего».

В то же время в принятой резолюции с'езд заявлял, что члены партии «решительно отказались добиться своих целей путем каких-либо переговоров с представителями власти». Это, конечно, не помешало им лишь через несколько дней вступить в переговоры.

Нужно иметь в виду общую обстановку октябрьских дней, чтобы понять эти на вид столь решительные заявления русской либеральной буржуазии.

В этот момент, момент небывалого под'ема революции, паника охватила господствующие классы. Царское правитель-

ство уже готово было капитулировать и отчасти капитулировало манифестом 17 октября. Либеральная буржуазия, как писал один из кадетских лидеров, «поняла» силу и значение «общественного движения» (так кадеты называли революцию) и сознавала, что «тщетно было бы ему противодействовать», что «можно лишь стремиться направить ее в закономерное русло». Как писал этот же кадетский лидер, остается один выход — «*стать во главе движения и смелой рукой повести его вперед*». Кадеты, разумеется, собирались «повести его вперед» не по пути революции, а по пути ликвидации революции, по пути превращения его в мирное реформистское движение, — как писал тот же кадетский лидер, — ввести революцию «в конституционное русло».

Характерно, что в период октябрьских дней кадеты готовы были даже, по удачному выражению Покровского, спекулировать на революционном движении, чтобы у терроризованного революцией правительства вырвать необходимые для буржуазии политические реформы, прежде всего конституцию, и достигнуть «примирения власти с обществом путем создания министерства с участием общественных деятелей» (см. далее стр. 41). Как раз этой цели и служили переговоры с властью.

История этих переговоров сравнительно удовлетворительно освещена Шиповым, который пересказал виденное и слышанное им в период этих переговоров. Однако им освещено главным образом его личное участие в них и участие октябристов.

Переговоры кадет пока что освещены значительно слабее. Вообще эти переговоры были вскрыты как раз в 1911 г., в момент выборов в 4-ю Думу, момент предвыборной конкуренции кадет и октябристов. Именно к этому периоду и относятся печатаемые ниже письма Гучкова и Витте, корреспонденция в «Голосе Москвы», интервью с Трубецким

в «Речи» и последующая полемика Трубецкого и Петрункевича. Как писал Ленин по поводу этой полемики, «когда два вора дерутся, то от этого всегда бывает некоторый выигрыш для честных людей, а если три вора дерутся, то выигрыш, вероятнее всего, увеличится» (см. стр. 31). Однако, «дерущиеся воры» оказались весьма скупы на разоблачения. Лишь «нескромность» третьих лиц вскрывает кое-какие факты, как это и видно из помещенной в «Речи» беседы с кн. Трубецким. В печатаемой брошюре Милюкова «Три попытки» он не столько вскрывает историю этих переговоров, сколько фактически ее затушевывает, ограничиваясь лишь некоторыми комментариями к широко цитируемым им воспоминаниям Шипова.

Однако, несмотря на все это, позиция буржуазных партий в момент этих переговоров выявляется достаточно четко.

Остановимся сначала на первой попытке сговора либеральной буржуазии с царизмом, именно, на попытках переговоров Шипова, Гучкова, Урусова, Трубецкого, Милюкова и др. в октябре 1905 г. с тогдашним председателем совета министров Витте.

Разумеется, царское правительство, правительство помещиков-крепостников, отнюдь не от хорошей жизни шло на переговоры с лидерами буржуазных партий. Как это видно из опубликованной переписки Николая и Александры Романовых, буржуазные лидеры не пользовались благорасположением и особой симпатией правящей клики, так как в ее глазах они являлись непосредственными претендентами на власть. Однако в весенние месяцы 1905 года и в течение первой половины 1906 года положение царизма, вследствие сильнейшего напора революционных масс, было таково, что он для подавления рабоче-крестьянской революции пытался опе-

реться на умеренно-либеральную монархическую буржуазию. Буржуазия же рассчитывала путем сговора добиться более полного участия во власти, минуя опасный для нее путь революции.

В порядке своеобразной политической очереди переговоры начались с октябристов Шипова и Гучкова, правого кадета Трубецкого и кончились Гессеном и Милюковым. Милюков изображает дело так, будто Витте обратился к нему после неудачи переговоров с Гучковым, Шиповым, Урусовым и другими, «но уже не с предложением портфелей, а для личного совета» (см. стр. 53), — так скромно Милюков прикрывает свою попытку сговора с правительством. Самое характерное то, что эти переговоры велись секретно, как и предшествующие переговоры с кн. Трубецким, которые происходили лишь с ведома кадетского руководящего ядра. И в данном случае Милюков идет к Витте «не в качестве делегата, кем-либо уполномоченного, а в качестве частного лица, совета которого просил высший представитель власти в момент, когда решалось направление, которое должна принять русская история». Так Милюков пытается замаскировать действительный характер и действительное значение этих переговоров. Милюков говорит с Витте «не как с простым бюрократом». На вопрос Витте: «что делать?», Милюков «решил ответить по совести и по личному убеждению, не связывая себя общепринятыми политическими формулами своих единомышленников» (стр. 53).

«Я хотел, — пишет Милюков,—свести спор с академических высот в сферу реальной действительности» (стр. 53). Этим признанием Милюков как нельзя лучше доказал, что политическая программа буржуазии, наполненная либеральными требованиями, предназначалась, так сказать, лишь для внешнего употребления. «Программы, — писал Ленин, —

стояли у господ либералов на девятом месте, были пустой вывеской, «словесностью», — живым же делом было для них распределение портфелей, укрепление власти и подавление революции».

Цель переговоров прекрасно вскрывает и сам Милюков. «Если бы, — пишет он, — мы пошли к конституции через такие пять стадий, как выборы в учредительное собрание, совещание учредительного собрания, утверждение и опубликование выработанной им конституции, выборы в законодательное собрание и, наконец, само это законодательное собрание, то по пути могло бы случиться столько боковых толчков справа и слева, что я не знаю, дошли ли бы мы до конца». Так Милюков формулировал свой страх перед революцией. Именно из боязни последней он и предлагал Витте «кратчайшую дорогу». Какова была эта дорога, мы, комичности ради, передадим словами Милюкова: «Произнесите, — убеждал он Витте, — слово «конституция». Опять-таки для ускорения и для упрощения дела позовите сегодня кого-нибудь и велите перевести на русский язык бельгийскую или еще лучше болгарскую конституцию, завтра поднесите ее царю для подписи и послезавтра опубликуйте... это будет конституция октроированная (введенная по приказу сверху), и вас будут бранить за такой образ действий, но потом успокоятся, и все войдет в норму». Так Милюков изображал возможность «конституционного переворота» и изображал, очевидно, всерьез, так как в 1921 году он без каких-либо замечаний сообщает об этом простом плане введения конституции «сверху». И Милюков и теперь, очевидно, считает это «дельным советом» крепостническому правительству, которое не хотело говорить о конституции. («Царь этого не хочет», ответил Витте Милюкову.) О том, что конституции не даются сверху, а даже самые ублюдочные берутся снизу,

этого и теперь профессор истории Милюков упорно не понимает.

Итак, переговоры Милюкова так же, как и предшествовавшие ему переговоры Шипова и др., оказались неудачными. Однако показательно, что у буржуазии и царизма не оказалось непримиримых принципиальных разногласий. Из приложенных писем следует, что «общественные деятели», т.-е. умеренно-либеральная монархическая буржуазия, не сошлись с Витте главным образом по вопросу о кандидатуре Дурново в министры внутренних дел. Но даже и это разногласие, как это видно из писем Трубецкого, было весьма сомнительным, к тому же оно отнюдь не было принципиальным, — в отношении необходимости «твердой власти» и важности полицейских функций (см. стр. 9 и 60) явно было полное единство.

Причиной неудачи этих переговоров так же, как и последующих со Столыпиным, — являлось то, что Милюков и К-о сознавали «невозможность удержаться при революционном настроении страны» (стр. 64). «Серьезный компромисс, — писал Милюков, подводя итоги своим переговорам (стр. 96) был невозможен, а несерьезный — бесполезен». Вступать же в правительство с тем, чтобы потом из него вылететь, дискредитировав себя этим в глазах мелкой и средней буржуазии, — это, конечно, было не в расчетах кадетов. Поэтому-то они так тщательно скрывали свои переговоры с царизмом. Они понимали, что без мелко- и средне-буржуазных попутчиков — без голосов «мелкоты» — в тот период (до изменения избирательного права указом 3 июня 1907 года) невозможно было пройти даже в думу.

Вторая попытка переговоров относится уже к последнему месяцу существования 1-й государственной думы. Известно, что в 1-й думе кадеты, располагая большинством, разыгры-

вали гнусную, двуличную политику игры в оппозицию. Как прекрасно вскрыл это кадет Винавер в книжке «Конфликты в 1-й думе», вся тактика кадетов фактически заключалась в «симуляции борьбы» ради одурачения мелко-буржуазных масс. Напр., об амнистии кадеты произносят оппозиционные речи исключительно затем, чтобы «дать выход народному возмущению». Фактически же по секрету, тайно даже от большинства партии (см. стр. 65—66), Милюков ведет переговоры с Треповым и со Столыпиным о вхождении кадет в министерство. Правительство пыталось, как писал Шипов, лишь обновить правительство, поставить во главе его «общественного деятеля, пользующегося доверием в широких кругах общества» (читай: «в кругах буржуазии»), и все это для того, чтобы с наименьшими потрясениями произвести разгон государственной думы, которая под напором революционных масс шла к принятию проекта об отчуждении помещичьих земель. Именно для этого Столыпину «нужны были услуги общественных деятелей». «Очевидно, — метко сказал один из них, — нас с вами приглашали на роли наемных детей при дамах легкого поведения» (стр. 84). Но даже зная это, кадеты все же шли на переговоры, рассчитывая, что «кадетское министерство во всяком случае было (бы) той первой зарубкой, на которой революционный процесс мог задержаться» (стр. 64).

Кадеты всерьез готовились войти в кабинет, рассчитывая на страх правительства перед революционным под'емом в связи с роспуском думы — занять министерские посты. Милюков даже сговаривался с Муромцевым о том, кто из них двоих будет премьером. Отказ Милюкова от премьерства в пользу Муромцева, как отмечает Милюков, видимо, произвел на последнего «самое приятное впечатление». Как видим, возможность кадетского премьерства представлялась

тогда вполне реальной, хотя Милюков тут же утверждает, будто бы он был убежден в обратном. Но если действительно было бы так, то непонятно, как могла итти речь о дележе шкуры того медведя, которого даже не собирались убивать.

То, что кадеты в тот момент бесспорно рассчитывали на министерские портфели, — это косвенно признает и Милюков на стр. 77, ибо он указывает на свое отрицательное отношение «к неосторожно поднятому в Думе вопросу об обращении к населению» в ответ на наглое «правительственное сообщение по аграрному вопросу». Милюков, узнавший об этом обращении «уже тогда, когда дело было на ходу», «предупредил фракцию об опасных последствиях этого шага для судьбы вопроса о кабинете» (т.-е. вхождения кадет в министерство).

Милюков добился только «некоторых смягчений в политическом толковании этого шага».

Как писал Ленин, все это поведение буржуазии, даже кадетской, «показывало, что она во сто раз больше боится революции, чем реакции». «Буржуазия вся вплоть до кадетов шла советоваться с царем, с погромщиками, с вождями черной сотни о средствах борьбы с революцией, но буржуазия с конца 1905 года никогда ни одной своей партии не послала на совещание с вождями революции о том, как свергнуть самодержавие и монархию» (стр. 29).

Но царизм заигрывал с вождями буржуазии лишь пока революционное движение было сильно. Характерно, что вопрос о роспуске 1-й думы, как это указывает в своих воспоминаниях Витте, был решен еще до ее созыва. Именно, на совещаниях по выработке положения о думе фактически было решено распустить последнюю, если она поставит вопрос об отчуждении помещичьей земли. И формально еще за месяц до роспуска, именно 7 мая 1906 г., совет мини-

стров постановил распустить думу, выжидая лишь для этого удобного момента. И лишь в ожидании этого момента правительство пока что, по определению Ленина, «водило за нос буржуазию».

Дума была распущена. Однако, пока не миновала опасность, столыпинское правительство еще пыталось опять завязать переговоры «с общественными деятелями»; по мере того, как спадала революция, и крепчала реакция, царское правительство становилось все наглее и наглее. «Царизм, — писал Ленин, — привлекал буржуазию на совещание, когда революция еще казалась силой, — и постепенно отбрасывал прочь, пинком солдатского сапога, *всех* вождей буржуазии, когда революция переставала оказывать давление снизу». Расправившись с революцией, правительство попыталось путем реформы приспособить крепостнический строй к потребностям буржуазного развития, в чем и заключалась суть всей так называемой столыпинской реформы. Вместе с упадком революции буржуазия в лице кадетов все более и более переходила на положение благонамеренной оппозиции, «общественной оппозиции его величества», как называли себя сами кадеты в 3-й думе, отказываясь даже от оппозиционной фразеологии.

Лишь в момент империалистической войны, когда обнаружилась несостоятельность царизма осуществить империалистические цели русского капитала и когда уже начиналась вторая русская революция, обостряется конфликт между буржуазией и царизмом. Однако и здесь до самого последнего момента ее лидеры пытаются спасти монархию. Революционные массы свергли царскую монархию и вскоре за тем и буржуазное временное правительство.

С. Дубровский.

САМОДЕРЖАВИЕ И ЛИБЕРАЛЫ

* * *

В. И. ЛЕНИН

СТОЛЫПИН И РЕВОЛЮЦИЯ *)

Умерщвление обер-вешателя Столыпина [1]) совпало с тем моментом, когда целый ряд признаков стал свидетельствовать об окончании первой полосы в истории русской контрреволюции. Поэтому событие 1 сентября [2]), очень маловажное само по себе, вновь ставит на очередь вопрос первой важности о содержании и значении нашей контр-революции. Среди хора реакционеров, лакейски воспевающих Столыпина или копающихся в истории интриг черносотенной шайки, командующей Россией, — среди хора либералов, качающих головой по поводу «дикого и безумного» выстрела (к либералам относятся, конечно, и бывшие с.-д. из «Дела Жизни», употребившие приведенное в кавычках избитое выражение) слышатся отдельные ноты действительно серьезного принципиального содержания. Делаются попытки взглянуть на «столыпинский период» русской истории, как на нечто целое.

Столыпин был главой правительства контр-революции около пяти лет, с 1906 по 1911 г. Это — действительно своеобразный и богатый поучительными событиями период. Его можно охарактеризовать с внешней стороны, как период подготовки и осуществления государственного переворота

---

*) «Собр. соч.», т. XI, ч. 2-я.

3-го июня 1907 г. [3]). Именно летом 1906 г., когда Столыпин в роли министра внутренних дел выступил перед 1-й думой [4]), началась подготовка этого переворота, который показал теперь уже все свои плоды во всех областях нашей общественной жизни. Спрашивается, на какие общественные силы опирались деятели этого переворота или какие силы направляли этих деятелей? Каково было социально-экономическое содержание «третьеиюньского» периода? — Личная «карьера» Столыпина дает поучительный материал и интересные иллюстрации по этому вопросу.

Помещик и предводитель дворянства становится губернатором в 1902 г., при Плеве [5]), — «прославляет» себя в глазах царя и его черносотенной камарильи зверской расправой над крестьянами, истязаниями их (в Саратовской губернии), — организует черносотенные шайки и погромы в 1905 г. (Балашевский погром), — становится министром внутр. дел в 1906 г. и председателем совета министров со времени разгона 1-й гос. думы. Такова, в самых кратких чертах, политическая биография Столыпина. И эта биография главы контр-революционного правительства есть в то же время биография того класса, который проделал нашу контр-революцию и у которого Столыпин был не более, как уполномоченным или приказчиком. Этот класс — русское благородное дворянство, с первым дворянином и крупнейшим помещиком Николаем Романовым во главе. Этот класс — те тридцать тысяч крепостников-землевладельцев, в руках которых находятся 70 миллионов десятин земли в Европейской России, т.-е. столько же, сколько имеют десять миллионов крестьянских дворов. Земельные латифундии *) в руках этого класса — основа той крепостнической эксплоатации, кото-

*) Т.-е. крупные поместья. *Ред.*

рая под разными видами и названиями (отработки, кабала и т. д.) царит в исконно-русском центре России. «Малоземелье» русского крестьянина (если употребить излюбленное либеральное и народническое выражение) есть не что иное, как оборотная сторона *многоземелья* этого класса. Аграрный вопрос, стоявший в центре нашей революции 1905 г., сводился к тому, сохранится ли помещичье землевладение, — в таком случае *неизбежно* сохранение на долгие и долгие годы нищенского, убогого, голодного, забитого и задавленного крестьянства, как массы населения, — или масса населения сумеет завоевать себе сколько-нибудь человеческие, сколько-нибудь похожие на европейские свободные условия жизни, — а это было неосуществимо без революционного уничтожения помещичьего землевладения и неразрывно связанной с ним помещичьей монархии.

Политическая биография Столыпина есть точное отражение и выражение условий жизни царской монархии. Столыпин не мог поступать иначе, чем он поступал, при том положении, в котором оказалась при революции монархия. Монархия *не могла* поступать иначе, когда с полной определенностью выяснилось, и выяснилось на опыте, и *до* думы, в 1905 г., *и при* думе, в 1906 г., что громадная, подавляющая масса населения уже сознала непримиримость своих интересов с сохранением класса помещиков и стремится к уничтожению этого класса. Нет ничего более поверхностного и более фальшивого, как уверения кадетских писателей, что нападки на монархию были у нас проявлением «интеллигентского» революционизма. Напротив, об'ективные условия были таковы, что борьба крестьян с помещичьим землевладением неизбежно ставила вопрос о жизни или смерти нашей помещичьей монархии. Царизму *пришлось* вести борьбу

не на живот, а на смерть, *пришлось* искать иных средств защиты, кроме совершенно обессилевшей бюрократии и ослабленной военными поражениями и внутренним распадом армии. Единственное, что оставалось царской монархии в таком положении, была организация черносотенных элементов населения и устройство погромов. Высокоморальное негодование, с которым говорят о погромах наши либералы, не может не производить на всякого революционера впечатления чего-то до нельзя жалкого и трусливого, — особенно, когда это высокоморальное осуждение погромов соединяется с полным допущением мысли о переговорах и соглашениях с погромщиками. Монархия не могла не защищаться от революции, а полуазиатская, крепостническая, *русская* монархия Романовых не могла защищаться иными, как самыми грязными, отвратительными, подло жестокими средствами: не высокоморальные осуждения, а всестороннее беззаветное содействие революции, организация революции для *свержения* такой монархии есть единственно достойный, единственно разумный для всякого социалиста и для всякого демократа прием борьбы с погромами.

Погромщик Столыпин подготовил себя к министерской должности именно так, как только и могли готовиться царские губернаторы: истязанием крестьян, устройством погромов, умением прикрывать эту азиатскую «практику» — лоском и фразой, позой и жестами, подделанными под «европейские».

И вожди нашей либеральной буржуазии, высокоморально осуждающие погромы, вступали в переговоры с погромщиками, признавая за ними не только право на существование, но и гегемонию в деле устройства новой России и управления ею! Умерщвление Столыпина послужило поводом к целому ряду интересных разоблачений и признаний, касающихся

этого вопроса. Вот, напр., письма Витте [6]) и Гучкова [7]) *) о переговорах первого с «общественными деятелями» (читай: с вождями умеренно-либеральной монархической буржуазии) о составлении министерства после 17 октября 1905 года. В переговорах с Витте — эти переговоры, видимо, были продолжительны, ибо Гучков пишет о «томительных днях длящихся переговоров», — участвовали Шипов [8]), Трубецкой [9]), Урусов [10]), М. Стахович [11]), т.-е. будущие деятели *и* кадетской [12]) *и* «мирнообновленческой» [13]), *и* октябристской [14]) партий. Разошлись, оказывается, из-за Дурново [15]), которого «либералы» не допускали в роли министра внутр. дел, а Витте ультимативно отстаивал. При этом Урусов, кадетское светило в 1-й думе, явился «горячим защитником кандидатуры Дурново». Когда князь Оболенский [16]) выдвинул кандидатуру Столыпина, «кое-кто подтвердил, кое-кто отозвался незнанием». «Определенно помню, — пишет Гучков,— отрицательного отзыва, о котором пишет гр. Витте, *никто не делал*».

Теперь кадетская печать, желающая подчеркнуть свой «демократизм» (не шутите!) особенно, может быть, в виду выборов по 1-й курии [17]) в Петербурге, где кадет боролся с октябристом, пытается кольнуть Гучкова по поводу тогдашних переговоров .«Как часто г.г. октябристы под предводительством Гучкова, — пишет «Речь» [18]) от 28 сентября, — в угоду начальству оказывались коллегами единомышленников г. Дурново. Как часто, обращенные взорами к начальству, они оказывались спиной к общественному мнению!» Передовица «Русск. Ведомостей» [19]) от того же числа повторяет на разные лады тот же самый кадетский упрек октябристам.

*) Письма Витте и Гучкова и полемика между ними см. приложение 1—5. *Ред.*

Позвольте, однако, г.г. кадеты: какое право *вы*-то имеете упрекать октябристов, если в тех же самых переговорах участвовали и *ваши* люди, даже защищавшие Дурново? Разве кроме Урусова *все* кадеты не были тогда, в ноябре 1905 г., в положении людей, «обращенных взорами к начальству» и «спиной к общественному мнению»? Милые бранятся — только тешатся; не принципиальная борьба, а конкуренция одинаково беспринципных партий — вот что *приходится* сказать по поводу теперешних попреков кадетов октябристам в связи с «переговорами» конца 1905 года. Препирательство подобного рода служит только для затушевывания действительно важного, исторического, бесспорного факта, что *все* оттенки либеральной буржуазии, от октябристов вплоть до кадетов, были «*обращены взорами к начальству*» и поворачивались «спиной» *к демократии* с тех пор, как наша революция приняла действительно народный характер, т.-е. стала демократической по составу ее активных участников. Столыпинский период русской контр-революции тем и характеризуется, что либеральная буржуазия отворачивалась от демократии, что Столыпин *мог* поэтому *обращаться* за содействием, за сочувствием, за советом то к одному, то к другому представителю этой буржуазии. Не будь такого положения вещей, Столыпин не мог бы осуществлять гегемонию *) совета об'единенного дворянства над буржуазией, настроенной контр-революционно, при содействии, сочувствии, активной или пассивной поддержке этой буржуазии.

Эта сторона дела заслуживает особенного внимания, ибо именно ее упускает из виду — или намеренно игнорирует — наша либеральная печать и такие органы либеральной рабочей политики, как «Дело Жизни». Столыпин — не только

*) Господство, предводительство. *Ред.*

представитель диктатуры крепостников-помещиков; ограничиться подобной характеристикой значит ровно ничего не понять в своеобразии и в значении «столыпинского периода». Столыпин — министр такой эпохи, когда во *всей* либеральной буржуазии, вплоть до кадетской, господствовало контрреволюционное настроение, когда крепостники *могли* опираться и опирались на такое настроение, *могли* обращаться и обращались с «предложениями» (руки и сердца) к вождям этой буржуазии, *могли* видеть даже в наиболее «левых» из таких вождей «оппозицию его величества», *могли* ссылаться и ссылались на поворот идейных вождей либерализма в их сторону, в сторону реакции, в сторону борьбы с демократией и оплевания демократии. Столыпин — министр такой эпохи, когда крепостники-помещики изо всех сил, самым ускоренным темпом повели по отношению к крестьянскому, аграрному быту *буржуазную* политику, распростившись со всеми романтическими иллюзиями и надеждами на «патриархальность» мужичка, *ища* себе союзников из новых, буржуазных элементов России вообще и деревенской России в частности. Столыпин пытался в старые мехи влить новое вино, старое самодержавие переделать в буржуазную монархию, и крах столыпинской политики есть крах царизма на этом последнем, ***последнем мыслимом*** для царизма пути. Помещичья монархия Александра III пыталась опираться на «патриархальную» деревню и на «патриархальность» вообще в русской жизни; революция разбила вконец *такую* политику. Помещичья монархия Николая II после революции пыталась опираться на контр-революционное настроение буржуазии и на буржуазную аграрную политику, проводимую теми же помещиками; крах этих попыток, несомненный теперь даже для кадетов, даже для октябристов, есть крах *последней возможной* для царизма политики.

Диктатура крепостника-помещика не была направлена, при Столыпине, против всего народа, включая сюда и все «третье сословие», всю буржуазию. Нет, эта диктатура была поставлена в лучшие для нее условия, когда октябристская буржуазия служила ей не за страх, а за совесть; когда помещики и буржуазия имели представительное учреждение, в котором было обеспечено большинство их блоку и была оформлена возможность переговоров и сговоров с короной; когда г.г. Струве [20]) и прочие веховцы [21]) с истерическим надрывом обливали помоями революцию и создавали идеологию, радовавшую сердце Антония Волынского [22]); когда г. Милюков [23]) провозглашал кадетскую оппозицию «оппозицией его величества» (его величества крепостника-последыша). И тем не менее, несмотря на эти более благоприятные для г.г. Романовых условия, несмотря на эти самые благоприятные условия, какие только мыслимы с точки зрения соотношения общественных сил в капиталистической России XX века, несмотря на это, политика Столыпина потерпела крах; Столыпин умерщвлен был тогда, когда стучится в дверь новый могильщик — вернее, собирающий новые силы могильщик — царского самодержавия.

★

Отношения Столыпиина к вождям буржуазии, и обратно, характеризуются особенно рельефно эпохой 1-й думы. «Время с мая по июль 1906 года, — пишет «Речь», — было решающим в карьере Столыпина». В чем же был центр тяжести этого времени?

«Центр тяжести того времени, — заявляет официальный орган кадетской партии, — заключался, конечно, не в думских выступлениях».

Неправда ли, вот поистине ценное признание! Сколько копий было сломано кадетами в то время из-за вопроса

о том, можно ли видеть «центр тяжести» той эпохи в «думских выступлениях»! Сколько сердитой брани, сколько высокомерных доктринерских поучений было тогда в кадетской печати по адресу социал-демократов, утверждавших весной и летом 1906 года, что *не* в думских выступлениях заключается центр тяжести того времени! Сколько попреков всему русскому «обществу» бросала тогда «Речь» и «Дума» [24]) за то, что общество мечтает о «конвенте» и недостаточно восторгается кадетскими победами на «парламентской» перводумской арене! Прошло пять лет, приходится дать общую оценку перводумской эпохе, и кадеты с такой легкостью, точно они меняют перчатки, провозглашают: «центр тяжести того времени заключался, конечно, не в думских выступлениях».

Конечно, нет, господа! В чем же был центр тяжести?

«...За кулисами, — читаем в «Речи», — шла острая борьба между представителями двух течений. Одно рекомендовало искать соглашения с народным представительством, не отступая и перед составлением «кадетского министерства». Другое требовало резкого шага, роспуска Гос. Думы и изменения избирательного закона. Такую программу проводил совет об'единенного дворянства, опиравшийся на могущественные влияния...» «Столыпин некоторое время колебался. Есть указания, что он два раза через Крыжановского [25]) предлагал Муромцеву [26]) обсудить возможность кадетского министерства, при участии Столыпина в качестве министра внутренних дел. Но в то же время Столыпин, несомненно, находился в сношениях с советом об'единенного дворянства».

Так пишут историю г.г. образованные, ученые, начитанные вожди либералов. Выходит, что «центр тяжести» был *не* в выступлениях, *а* в борьбе двух течений внутри черно-

сотенной царской камарильи! Политику «натиска» сразу и без оттяжек вел совет об'единенного дворянства — т.-е. не лица, не Николай Романов, не «одно течение» в «*сферах*»[27]*), а определенный класс.* Своих соперников *справа* кадеты видят ясно, трезво. Но то, что было *слева* от кадетов, исчезло из их поля зрения. Историю делали «сферы» — совет об'единенного дворянства и кадеты; простонародье, *конечно,* в делании истории не участвовало! Определенному классу (дворянству) противостояла *над*классовая партия «народной свободы», а сферы (т.-е. царь-батюшка) колебались.

Ну, можно себе представить более корыстную классовую слепоту? Большее искажение истории и забвение азбучных истин исторической науки? более жалкую путаницу, смешение класса, партии и личностей?

Хуже всякого слепого тот, кто *не хочет* видеть демократии и ее сил.

Центр тяжести перводумской эпохи заключался, *конечно,* не в думских выступлениях. Он заключался во внедумской борьбе классов, борьбе помешиков-крепостников и *их* монархии с народной массой, рабочими и крестьянами. Революционное движение масс именно в это время снова стало подниматься: и стачки вообще, и политические стачки, и крестьянские волнения, и военные бунты грозно поднялись весной и летом 1906 г. *Вот почему,* господа кадетские историки, «сферы» колебались: борьба течений внутри царской шайки шла из-за того, можно ли *сразу* совершить государственный переворот при данной силе революции, или надо еще выждать, еще поводить за нос буржуазию.

Помещиков (Романова, Столыпина и К°) первая дума вполне убедила в том, что мира у них с крестьянской мас-

сой и рабочими быть не может. И это их убеждение соответствовало об'ективной действительности. Оставалось решить второстепенный вопрос: когда и как, сразу или постепенно изменить избирательный закон. Буржуазия колебалась, но все ее поведение — даже кадетской буржуазии — показывало, что она во сто раз больше боится революции, чем реакции. Поэтому помещики и соблаговоляли привлекать вождей буржуазии (Муромцева, Гейдена [28]), Гучкова и К°) к совещаниям, нельзя ли *вместе* составить министерство. И буржуазия *вся,* вплоть до кадетов, шла советоваться с царем, с погромщиками, с вождями черной сотни о средствах борьбы с революцией, — но буржуазия с конца 1905 года никогда ни одной своей партии не послала на совещание с вождями революции о том, *как* свергнуть самодержавие и монархию.

Вот основной урок «столыпинского периода» русской истории. Царизм привлекал буржуазию на совещания, когда революция еще казалась силой, и постепенно отбрасывал прочь, пинком солдатского сапога, *всех* вождей буржуазии, сначала Муромцева и Милюкова, потом Гейдена и Львова [29]), наконец, Гучкова, когда революция переставала оказывать давление снизу. Различие между Милюковыми, Львовыми и Гучковыми совершенно несущественно — вопрос очереди, в которой эти вожди буржуазии подставляли свои щеки под... «поцелуи» Романова — Пуришкевича [30]) — Столыпина и получали таковые... «поцелуи».

Столыпин сошел со сцены как раз тогда, когда черносотенная монархия взяла все, что можно было в ее пользу взять от контр-революционных настроений всей русской буржуазии. Теперь эта буржуазия, отвергнутая, оплеванная, загадившая сама себя отречением от демократии, от борьбы масс, от революции, стоит в растерянности и недоумении,

видя симптомы нарастания новой революции. Столыпин дал русскому народу хороший урок: итти к свободе через свержение царской монархии, под руководством пролетариата, или — итти в рабство к Пуришкевичам, Марковым [31]), Толмачевым [32]), под идейным и политическим руководством Милюковых и Гучковых.

* * *

В. И. ЛЕНИН

НАЧАЛО РАЗОБЛАЧЕНИЙ О ПЕРЕГОВОРАХ ПАРТИИ К.-Д. С МИНИСТРАМИ *)

Те, кто шесть и пять с половиной лет тому назад били тревогу по поводу переговоров к.-д. с министрами вообще и о министерских портфелях в особенности, не могут не испытывать теперь чувства глубокого удовлетворения. Историческая правда берет свое и выплывает наружу иногда с такой стороны, с которой менее всего можно бы было ожидать правды. Теперь разоблачения начаты и, несмотря на все усилия «заинтересованных» лиц (и партий) замять их, разоблачения не остановятся. С полной уверенностью можно сказать, что эти разоблачения будут подтверждать и подтвердят вполне правильность наших тогдашних нападениий на кадетов.

Разоблачения начал Витте [6]) своей полемикой с Гучковым [7]). Цель выступления Витте и характер его выступления — самые низменные; интриги худшего сорта, желание подставить ножку и пододвинуться к портфелю, — вот его мотивы. Но известно, что когда два вора дерутся, то от этого всегда бывает некоторый выигрыш для честных людей, а если три вора дерутся, то выигрыш, вероятнее всего, увеличится.

*) «Собр. соч.», т. XI, ч. 2-я.

В письме Витте самым существенным было, конечно, то, что он должен был волей-неволей установить некоторые *факты*, — открывая возможность (и вызывая необходимость) проверять эти факты опросом всех участников дела. Основные факты из письма Витте вытекают следующие:

1) На совещании с Витте участвовали Шипов [8]), Гучков, Урусов [10]), Е. Трубецкой [9]) и М. Стахович [11]), т.-е. деятели партий кадетской, мирнообновленческой и октябристской.

2) «В первом заседании совещания между графом Витте (мы цитируем его письмо) и вышеупомянутыми общественными деятелями последовало принципиальное согласие по всем главным вопросам, за исключением вопроса о назначении министра внутренних дел».

3) «Граф Витте настаивал на назначении Дурново [15]), а общественные деятели, за исключением князя Урусова, высказывались против этого назначения. Князь же Урусов убеждал своих коллег по совещанию, ввиду трудного момента и невозможности медлить, согласиться на назначение Дурново и, с своей стороны, чтобы показать пример, заявил, что готов принять пост товарища Дурново по министерству... В следующем заседании Шипов, Гучков и кн. Трубецкой заявили, что они не могут войти в министерство, где будет Дурново...»

4) Кандидатура Столыпина [1]) была выдвинута, но на ней не сошлись, одни были за, другие — против.

Спрашивается, какие поправки внес в это изложение дела Гучков? Он подтвердил, что «горячим защитником кандидатуры Дурново явился кн. Урусов, впоследствии член 1-й гос. думы». Витте, по словам Гучкова, колебался и готов был один момент отказаться от Дурново, ибо в печати готовились разоблачения и громовые статьи против него. «Все описываемое происшествие, — добавлял Гучков, — имело

место сейчас же после манифеста 17 октября [33]), когда царствовала самая широкая, я бы сказал, необузданная свобода печати».

Переговоры были долгие: Гучков пишет о «томительных днях длящихся переговоров». О Столыпине, дескать, «никто не делал отрицательного отзыва, о котором пишет гр. Витте». Характеризуя тогдашнее положение вообще, Гучков говорит: «Много явилось теперь «спасателей» отечества... А где они тогда были?.. Многие из них тогда еще не решили, по какую сторону баррикады встать».

Таковы существенные пункты разоблачений Витте и Гучкова; мелочи, конечно, оставляем в стороне. Историческая правда выступает наружу вполне определенно: 1) *никаких серьезных различий между кадетами и октябристами в этот серьезнейший момент русской истории не было;* 2) «многие» (из буржуазных деятелей, а по «тонкому» намеку Гучкова, пожалуй, и из министров) «тогда еще не решили, по какую сторону баррикады встать». Но факт тот, что собирались на совещание, и не раз, люди *одной определенной «стороны баррикады»*. И министры, и октябристы, и кадеты в совещаниях стояли на одной стороне баррикады. Историческая правда не допускает ни сомнений, ни перетолкований: это были совещания, переговоры правительства с контр-революционной либеральной буржуазией.

Теперь взгляните на поведение кадетов. После разоблачений Витте и Гучкова (письма того и другого напечатаны в Петербурге 26, в Москве 27 сентября ст. ст.) кадеты *хранят полное молчание о своем* участии, пытаясь только «дразнить» Гучкова. И «*Речь*» от 28 сентября и «*Русские Ведомости*» от того же числа именно «дразнят» Гучкова, что он-де потом был коллегой единомышленников Дурново, но *ни поправок, ни опровержений насчет исторических фак-*

тов не печатают. Третий вор надеется, что за спором Витте и Гучкова его не заметят!

Тогда октябристы начинают «мстить» и Витте, и кадетам сразу. В «Голосе Москвы» [34]) от *14 октября* (две недели разведок у октябристов, трусливого и подлого молчания у кадетов!) появляется «справка» под заглавием: «Союз графа Витте и П. Н. Дурново с кадетами *). Новые разоблачения сводятся к следующему: 1) Е. Трубецкой в то время состоял членом к.-д. партии. 2) «Не желая вводить графа Витте в какое-либо заблуждение, кн. Трубецкой счел себя обязанным предупредить его, что о всех его переговорах с общественными деятелями (понятно, что рабочих и крестьянских демократов к «общественным деятелям» ни октябристы, ни кадеты не относят: в октябре 1905 года рабочие и крестьяне были, очевидно, «деятелями» *вне*общественными!) он, кн. Трубецкой, будет поставлять в известность бюро своей партии, ежедневно собиравшееся для обсуждения текущих дел в квартире проф. Петражицкого» [35]). 3) Против кандидатуры Столыпина особенно горячо восстал г. Петрункевич [36]), находивший, «что в крайнем случае (sic!) надо посоветовать графу Витте назначить министром вн. дел скорее Дурново, чем Столыпина. Прочие деятели к.-д. партии вполне согласились с мнением Петрункевича, и князю Трубецкому было поручено передать гр. Витте заключение общественных деятелей, заседавших в квартире Петражицкого». Трубецкой на следующее утро поехал к гр. Витте и в точности передал отзыв бюро к.-д. партии об обоих кандидатах.

Подтвердил ли Е. Трубецкой ссылку на него? Вполне подтвердил **), назвав сообщение «Голоса Москвы» «*совершенно*

*) См. прил. № 6. *Ред.*
**) См. прил. № 7. *Ред.*

точным» — и корреспонденту «Нового Времени»[17]) (№ от 15 октября) и *корреспонденту «Речи»*[18]) (№ от 19 октября). «*Пожалуй, не годится* слово «бюро»,—говорил Трубецкой,— следовало бы сказать: «руководители партии» (к-д.); другая столь же несущественная «поправка» Трубецкого относится к тому, что он ездил к Витте «может быть, и не на другое утро, а через 2 или 3 дня». Наконец, корреспонденту «Речи» Трубецкой сказал:

«Следовало бы возразить на одно утверждение Гучкова. Он говорил, что общественные деятели не вступили в кабинет только из-за Дурново. Это не совсем так (не совсем так!) по отношению ко мне и, если не ошибаюсь, к Шипову. Я и Шипов выражали согласие вступить в состав кабинета при условии предварительной выработки программы, но Витте убеждал нас вступить в министерство, не ставя этого условия. В этом и заключается наше отличие от Гучкова, который, сколько помнится, такого условия не ставил». Осторожно выражается по этому пункту г. Трубецкой: «не совсем так», «сколько помнится»!

Г. Петрункевич выступает в *«Речи»* 19 октября*) — через *три недели* после начала разоблачений!! И посмотрите, *как* выступает.

Начинает он с длинного рассуждения (27 строк) о том, что на память полагаться нельзя, а мемуары вел один Шипов.

К чему это рассуждение? Хотите вы оглашения истины немедленно и полно? Тогда нет ничего легче, как *назвать всех* участников и опросить их. Если же вы не хотите оглашения истины о *своей* партии, то не к чему играть в прятки, ссылаясь на Шипова.

---

*) См. прил. № 8. *Ред.*

Далее, *на 27 строках* идет рассуждение о склонности октябристов к «уткам». — При чем это рассуждение, раз «Голос Москвы» назвал *лицо,* подтвердившее сообщение?? Г. Петрункевич, явно, стремится загромоздить простой и ясный вопрос кучей литераторского и дипломатического сора. Это — прием *не честный.*

Следует *20 строк* колкостей по адресу г. Трубецкого: «личное воспоминание» — никаких других воспоминаний, кроме личных, не бывает! — князь об этом «*никому ни слова не говорил*» — курсив Петрункевича, явно упрекающего этим Трубецкого за нескромность. Вместо прямого ответа на вопрос кадеты начинают упрекать друг друга за нескромность! Какой смысл *может* иметь подобный прием, кроме того, что он выдает *досаду* кадетов за разоблачения? выдает их попытками *замять* дело (дескать, не будьте, князь, нескромным дальше!).

После 74 строк предисловия следует, наконец, опровержение по существу: 1) бюро к.-д. партии было в Москве и не могло поэтому собираться у Петражицкого; 2) Петражицкий «в то время не входил в состав лиц, руководивших делами партии»; 3) «некоторые члены (бюро к.-д. партии), находившиеся в Петербурге, не были уполномочены входить в какие-либо переговоры, а тем более в союзы с графом Витте, Дурново, или с кем-либо другим»; 4) «лично я (г. Петрункевич) был у Петражицкого *один* (курсив г. Петрункевича) раз и в этот раз действительно происходила беседа о возможности кандидатуры кн. Е. Трубецкого в министры народного просвещения, при чем все присутствующие выражали убеждение, что князь может занять предлагаемый пост лишь под условием ясной и определенной программы всего министерства, вполне соответствующей условиям политического момента, притом министерства, которому «обще-

ство» (припомните, *что* понимают под «обществом» *все* спорящие: рабочие и крестьяне — *не* «общество») могло доверять. Весьма может быть, что при этом оценивались личные и политические качества различных кандидатов, в том числе Дурново и Столыпина, но ни моя память не сохранила горячей речи, убедившей всех присутствующих, ни память последних, к воспоминаниям которых я обратился».

Вот и все деловое «опровержение» г-на Петрункевича, добавляющего на 48 строках еще ряд колкостей по адресу Трубецкого, что-де память ему изменила, что партия к.-д. союза с Дурново не заключала «и не допустила члена своей партии кн. Трубецкого вступить в министерство, которое партия не могла поддерживать».

Ничего нового не прибавляют письма Трубецкого и Петрункевича в «Речи» от 27 октября *): первый настаивает, что именно Петрункевич «советовал предпочесть Дурново Столыпину», второй отрицает это.

Что же получается в итоге?

Г. Петрункевич заявил, что некоторые члены бюро, находившиеся в Петербурге, *не были уполномочены входить в какие-либо переговоры,* но *факт* переговоров он подтверждает против своей воли! «На совещании у Петражицкого, — пишет сам г. Петрункевич («Речь» 27/X), — мы обсуждали кандидатуру кн. Трубецкого».

Значит, *переговоры были.* Если «партия», как пишет тот же г. Петрункевич, «не допустила» Трубецкого, *значит,* переговоры *велись от имени партии!*

Г. Петрункевич побивает сам себя с замечательным искусством. Не было переговоров, но... но было «совещание

*) См. прил. №№ 9 и 10. *Ред.*

о кандидатуре». Не было заседаний бюро партии, но... но было решение партии. Подобные жалкие увертки характеризуют людей, тщетно пытающихся *спрятаться*. Чего бы проще, в самом деле, как назвать *всех* участников совещания? как привести точное решение «бюро» или партии, или руководящих лиц? как изложить будто бы ясную, будто бы определенную программу, которой требовали (будто бы) кадеты от министерства Витте? Но в том-то и беда наших либералов, что они *не могут* сказать правды, что они *боятся* ее, что она их *губит*.

Вот и являются мелкие, мизерные уловки, увертки, отговорки, затрудняющие (для невнимательного, по крайней мере, читателя) уяснение великой важности исторического вопроса об отношении либералов к правительству в октябре 1905 года.

Почему правда губит кадетов? Потому, что факт переговоров, обстановка и условия их опровергают басню о «демократизме» кадетов и доказывают контр-революционность их либерализма.

Могла ли вообще демократическая на деле партия вступать в переговоры с таким человеком, как Витте, в такое время, как октябрь 1905 года? Нет, не могла; для подобных переговоров неизбежна была известная общая почва, именно общая почва контр-революционных стремлений, настроений, поползновений *). Не о чем было вести переговоры с Витте,

*) См. прекрасное выяснение *этой* общей почвы на основании статей *самого* г. Милюкова («Год борьбы» [38]) в статье Ю. К.: «Из истории русского либерализма» в сборнике «Зарницы», Спб. 1907 г. «Отставка гр. Витте равносильна потере последнего шанса сговориться», писал г. Милюков 18 апреля 1906 года, признавая тем самым вполне ясно и определенно, что *сговоры* были и были *шансы*, был смысл в *повторении* попыток к сговору.

кроме как о прекращении демократического, массового движения.

Далее. Если даже допустить на минуту, что кадеты вступали в переговоры *не без* демократических целей, то могла ли бы демократическая партия умолчать перед народом об этих переговорах, когда они были прерваны? Никоим образом не могла. Тут-то и проявляется различие между контр-революционным либерализмом и незаслуживающим подобной характеристики демократизмом. Либерал *хочет* расширения свободы, *но так,* чтобы демократия от этого не усилилась, чтобы переговоры и сближение со старой властью продолжались, укреплялись, упрочивались; поэтому либерал *не может* после разрыва переговоров публиковать об них, ибо этим он затруднит возобновление переговоров, «выдаст себя» демократии, порвет с властью, а именно с ней-то либерал рвать и не в состоянии. Напротив, демократ, если бы он попал в положение переговаривающегося с Витте и увидел бы тщету переговоров, тотчас опубликовал бы их, осрамив этим господ Витте, разоблачив их игру, вызвав дальнейшее движение демократии вперед.

Обратите также внимание на вопрос о программе министерства и о составе его. О втором говорят все участники и говорят точно и ясно: портфели такие-то предлагались такому-то. О *первом* же, т.-е. о программе, — *ни единого* ясного и точного слова! Каковы были претенденты на портфели, это и Трубецкой, и Петрункевич хорошо помнят и говорят. Какова была «программа», *ни один* из них *не говорит!!* Что же это, случайность? Конечно нет. Это — результат того (и несомненное доказательство того), что «программы» стояли у господ либералов на девятом месте, были пустой вывеской, «словесностью» — на деле никакой иной программы, кроме укрепления власти и ослабления демократии,

Витте иметь не мог, и при любых обещаниях, посулах и заявлениях он *вел* бы только такую политику, — «живым» же делом было для них распределение портфелей. Только поэтому мог, например, Витте *совсем* забыть о программе (по словам Витте, было даже полное принципиальное согласие!), а вот о том, кто лучше (или кто хуже?), Дурново или Столыпин, — об этом споре все помнят, все говорят, все приводят ссылки то на речи, то на аргументы того или иного лица.

Шила в мешке не утаишь. Историческая правда даже из умышленно подкрашиваемых рассказов трех-четырех лиц выступает с достаточной определенностью.

Вся либеральная буржуазия России, от Гучкова до Милюкова, — который, несомненно, политически ответственен за Трубецкого, — повернула сейчас же после 17 октября *от* демократии *к* Витте. И это не случайность, не измена отдельных лиц, а переход *класса* на соответствующую его экономическим интересам контр-революционную позицию. Только стоя на этой позиции, могли кадеты переговариваться с Витте через Трубецкого в 1905 году, с Треповым через Муромцева — в 1906 и т. д. Не поняв отличия контрреволюционного либерализма от демократии, нельзя ничего понять ни в истории этой последней, ни в ее задачах.

* * *

П. Н. МИЛЮКОВ

ТРИ ПОПЫТКИ

(Из истории русского лжеконституционализма)

ОТ АВТОРА

В печати недавно появились обширные отрывки из записок Д. Н. Шипова, освещающие его роль в трех интереснейших эпизодах истории нашего псевдоконституционализма [39]). Речь идет о трех попытках примирить власть с обществом путем создания министерства с участием общественных деятелей. В этих попытках пришлось и мне сыграть некоторую роль. Воспоминания Д. Н. Шипова [8]) пробудили мои собственные, и мне хочется к его свидетельству прибавить мой комментарий. Я думаю, это всего лучше будет сделать попутно, следя за изложением Д. Н. Шипова и сопровождая его моими пояснениями.

Я не хочу предсказывать тот вывод, который должен получиться из этого сопоставления. Д. Н. Шипов и я — мы представляли два разные, порою враждебные, течения общественного мнения. Но мы стояли бесконечно ближе друг к другу, чем к служителям старого самодержавия. Для Витте [6]), особенно для Столыпина [1]) Шипов был, разумеется, гораздо более *свой* человек, чем я: свой по социальной среде, по предыдущей общественной деятельности, по личным связям. Но Шипов, при всех его славянофильско-монархических

склонностях, был настоящим представителем русской общественности и, как таковой, был, вместе со мной, «по сю сторону баррикады». По ту сторону начиналась бюрократия, образовавшая «средостение» между царем и народом. Шипов знал это «средостение» лучше, чем я, его отталкивание от него было органическое, вынесенное из опыта. В этом запасе опыта, земского и служебного, он черпал ту твердость и последовательность поведения, которой не могли бы ему дать политические убеждения.

Наблюдения с двух точек зрения сообщают наблюдаемому предмету рельефность. Игра представителей старой бюрократии с представителями общественности не всегда находит в Шипове достаточно проницательного и скептического наблюдателя. Проверка этих наблюдений с несколько иного наблюдательного пункта может их не только исправить и дополнить, но и дать им их настоящую цену.

★

ПЕРВЫЙ ОПЫТ МИНИСТЕРСТВА ДОВЕРИЯ

Гр. С. Ю. Витте, после издания манифеста 17 октября, попытался составить, впервые в русской истории, кабинет общественных деятелей. Но слово «конституция» было тогда строго запрещено свыше, и гр. Витте пытался найти людей, которые, подобно ему, были бы убежденными противниками конституции и — тем не менее — помогли бы ему привлечь на свою сторону общественное мнение.

Задача была — уже тогда — совершенно непосильная и утопическая. Гр. Витте не знал русской общественности и шел к ней ощупью. И первый опыт так подобрать букет русских общественных деятелей, чтобы удовлетворить одних и обмануть других, — закончился плачевной неудачей.

Д. Н. Шипов рассказывает с подробностями, публикуемыми впервые, историю этой первой неудачи, об'ясняющей столько неудач последующих... Мы присутствуем здесь при зарождении русской революции. Прислушаемся к свидетелю, который далек от понимания этого рокового значения эпизода, в котором лично участвует, но рассказывает о нем откровенно и правдиво.

«18 октября 1905 года мною была получена в Москве телеграмма от гр. С. Ю. Витте, помеченная 16-м числом, но задержанная при передаче происходившей в то время общей забастовкой, в том числе и служащих в почт.-телеграфном ведомстве. Гр. Витте просил меня приехать немедленно в С.-Петербург. Вечером в тот же день я воспользовался единственным поездом, отправлявшимся из Москвы, и 19-го был в С.-Петербурге. По приезде я вместе с кн. П. Н. Трубецким [40]), приехавшим одновременно из Москвы, посетил кн. Алексея Дмитриевича Оболенского [16]), человека, бывшего в то время правою рукою гр. Витте, и от него узнал о намерении гр. С. Ю. Витте пригласить меня войти в состав образуемого им кабинета и о намеченных уже изменениях в положении о выборах в гос. думу, высочайше утвержденном 6 августа 1905 года. В час дня я был у гр. Витте, у которого застал кн. А. Д. Оболенского».

Гр. Витте предложил Д. Н. Шипову занять пост государственного контролера. Ответ Д. Н. Шипова был следующий:

«Нужно, чтобы общество было уверено, что старый строй государственного управления уступил бесповоротно место новому строю, возвещенному 17 октября, а для создания такой уверенности необходимо привлечь в состав правительства представителей различных общественных кругов. Я принадлежал к правому крылу земского с'езда в ноябре 1904 года [41]), к его меньшинству. В настоящее время я не

вхожу в состав с'ездов земских и городских деятелей, по несогласию с принятым ими направлением, и потому мое единоличное вступление в кабинет не может иметь значения. Я указывал на необходимость привлечь представителей большинства этих с'ездов, более левого направления, и говорил, что для создания атмосферы доверия желательно, чтобы общественным деятелям были предоставлены портфели министров: внутренних дел, юстиции, земледелия, народного просвещения, торговли и промышленности. Гр. Витте признавал мои соображения правильными и заметил, что он не боится людей более левого направления, но считает необходимым, чтобы общественные деятели, которые согласятся войти в состав кабинета, обладали сильной волей, серьезным отношением к государственному делу и определенно сознавали необходимость поддержания авторитета государственной власти и порядка в стране в переживаемое переходное время».

Д. Н. Шипов предложил тогда Витте обратиться к бюро земских и городских деятелей, «высказав предположение», что бюро изберет для переговоров с Витте И. И. Петрункевича [36]), С. А. Муромцева [26]) и кн. Г. Е. Львова [42]). Он, Шипов, тут же наметил для Муромцева портфель министерства юстиции, а для двух остальных — министерства внутренних дел и земледелия. С своей стороны, Витте сообщил Шипову, что имеет в виду предложить Е. Н. Трубецкому [9]) — министерство народного просвещения и А. И. Гучкову [7]) — торговли и промышленности.

Д. Н. Шипов опоздал с своими «предложениями». Получив телеграмму гр. Витте, Ф. А. Головин [43]) собрал экстренно бюро с'ездов, которое послало для переговоров Ф. Ф. Кокошкина [44]) и кн. Г. Е. Львова.

Я был в этом утреннем заседании на квартире Ф. А. Головина. И. И. Петрункевича, сколько помнится, не было

в Москве: иначе он, конечно, попал бы в депутацию. С. А. Муромцев, пользовавшийся громадным уважением, не принадлежал к ядру политической группы, руководившей тогда земскими с'ездами. Его политическое настроение не было достаточно известно большинству: да и по личным свойствам он не мог играть инициативную роль. Напротив, молодой Ф. Ф. Кокошкин уже тогда выдавался ясностью политической мысли и твердостью политического поведения. Будучи земцем, он в то же время был и интеллигентом и хорошим знатоком конституционного права. В московском кругу друзей он почти один проявлял задатки настоящего политика. Выбор Кокошкина для беседы с Витте означал, что бюро не хочет итти на компромиссные решения.

«Основные положения, выставленные депутацией, были следующие: единственный выход из переживаемого положения — созыв учредительного собрания для выработки основного закона, при чем собрание это должно быть избрано путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования: возвещенные в манифесте свободы должны быть немедленно осуществлены: необходима полная политическая амнистия. Все эти реформы неизбежны, и лучше дать их сразу, чем итти к ним болезненным путем через видоизмененную гос. думу. Очевидно,—замечает Шипов,—что такая постановка вопроса свидетельствовала о полном отсутствии сознания необходимости сохранения и поддержания авторитета государственной власти в переживаемое страной время и исключила для правительства возможность дальнейших переговоров с членами бюро с'езда земских и городских деятелей и привлечения его представителей к участию в государственном управлении».

Резкий отзыв Шипова об условиях, поставленных делегацией бюро с'ездов, показывает, как далек был не только Витте, но и сам Шипов, от приятия политической формулы,

которая в течение поколений сделалась аксиомой для передовой русской общественности. Указывать на единственный теоретически правильный путь создания конституции для него, как и для Витте, значило — подрывать авторитет государственной власти. Так и должен был смотреть недавний принципиальный сторонник неограниченной власти монарха, ставший «конституционалистом по приказу его величества» после октябрьского манифеста, т.-е. за пять дней до своего разговора с Витте.

Конечно, можно было смотреть на предложения бюро с'ездов, воспроизводившие точку зрения только что образовавшейся партии народной свободы [45]), как на политическое доктринерство, и обвинять делегацию за срыв переговоров, *если бы* дело шло *только* о принятии или отвержении формулы делегации. Но мы сейчас увидим, что дело было вовсе не так. Разграничительная грань между властью и обществом проходила не на идее учредительного собрания, а на самом понятии конституции. Что касается всеобщего избирательного права, эту идею, несколько недель спустя, защищали сами Шипов и Гучков, как представлявшую, с их точки зрения, реальные преимущества перед куриальным представительством [46]) крестьянства.

После того как переговоры перешли от бюро с'ездов (т.-е. будущих к.-д.) к будущим октябристам, я не мог следить за ними непосредственно. Из кандидатов Витте только кн. Е. Н. Трубецкой поставил вопрос о своей кандидатуре на пост министра (народного просвещения) на обсуждение кружка единомышленников. Трубецкой ждал от нас поощрения, чтобы принять кандидатуру. Но мнение большинства было, что нельзя давать Витте возможности вырывать из рядов общественности отдельных лиц, пока самые основные и принципиальные вопросы, связанные с осуществлением манифеста

17 октября, были неясны. Быть может, повлияла на наше отношение и личность кн. Трубецкого, с которой трудно сочеталась мысль о высоком административном посте. Передавали слова Витте, после свидания с Трубецким: «Я ожидал найти кандидата в министры, а нашел какого-то Гамлета».

После неудачи переговоров с бюро, т.-е. с будущими кадетами, Витте снова обратился к деятелям более умеренного типа, к тому же Д. Н. Шипову и А. И. Гучкову, — к будущим октябристам.

«Тотчас после приема депутации, гр. Витте телеграфировал мне, прося немедленно приехать, и 22 октября я был в С.-Петербурге. Одновременно был приглашен приехать А. И. Гучков. Утром 22-го гр. Витте сообщил мне о своей беседе с членами бюро с'ездов земских и городских деятелей, исключившей возможность дальнейших переговоров, сказав, что он доложил государю о согласии моем на назначение меня государственным контролером, что назначение мое состоялось, и что завтра, 23-го, я должен представиться его величеству. Я выразил гр. С. Ю. Витте мое удивление, что он, зная о моем согласии вступить в его кабинет лишь при известных условиях, тем не менее счел возможным теперь же доложить о моем назначении государю; я сказал, что считаю себя обязанным изложить его величеству те же соображения, о которых я говорил ему, гр. Витте. Гр. С. Ю. Витте и присутствующий при этом разговоре кн. А. Д. Оболенский, с своей стороны, удивились моему заявлению и считали мое намерение неосуществимым, так как мое назначение уже состоялось. Я повторил, что как общественный деятель считаю своим долгом, раз его величеству угодно наградить меня своим доверием, откровенно высказать ему мое убеждение. После этого гр. Витте обратился по телефону в Петергоф

к статс-секретарю, кажется, Воеводскому, и просил его задержать указ о моем назначении впредь до моего представления государю императору, а меня просил по возвращении из Петергофа приехать к нему».

Получив аудиенцию, Д. Н. Шипов повторил государю те же доводы, которые приводил гр. Витте. Но так как общественные деятели указанного им типа оказались непримиримыми, то он видоизменил свое предложение: «Может быть, окажется возможным привлечь в состав правительства несколько лиц, пользующихся доверием различных кругов общества, и в таком случае и мое участие в кабинете могло бы иметь значение, приглашение же меня одного из среды общества, в котором я принадлежу по своим убеждениям к незначительному его меньшинству, скорее может дать нежелательные результаты».

Николай II нашел соображения Шипова «правильными». Начались новые совещания: на этот раз с Шиповым, Гучковым, М. А. Стаховичем [11]) и Е. Н. Трубецким. Увы, обнаружились новые затруднения, перед которыми и эти общественные деятели оказались слишком «левыми».

«Наибольшее разногласие вызвал вопрос о замещении поста министра внутр. дел. Гр. Витте с самого начала высказал, что при назначении лица на этот пост нужно иметь в виду, что с министерством внутренних дел соединено заведывание всей как секретной, так и общей полицией, а потому необходимо, чтобы министр, вступающий в управление этим министерством в момент революции, был хорошо ознакомлен с организацией русской полиции и мог бы нести ответственность за безопасность царствующего дома и за ограждение жизни и имущества граждан. Лицами, удовлетворяющими этим требованиям, являются, по мнению гр. С-я Ю-ви-

ча *), двое — Д. Ф. Трепов [47]) и П. Н. Дурново [15]). Все участвовавшие в совещании общественные деятели горячо возражали против этих кандидатур и отмечали, что назначение этих лиц, пользующихся резко отрицательным к ним отношением широких кругов общества и тесно связанных со старым режимом, исключит возможность создания необходимого правительству доверия населения. Сознавая безусловную необходимость обеспечить безопасность царствующего дома и возложить эту ответственную задачу на лицо, вполне компетентное и пользующееся доверием государя, все члены совещания выражали желание видеть Д. Ф. Трепова на посту дворцового коменданта. Что касается замещения поста министра внутренних дел, то общественные деятели полагали, что, при всей важности полицейских задач, им не могут быть принесены в жертву задачи внутренней политики, которые должны составлять главное содержание деятельности министерства. Существенные возражения против кандидатуры П. Н. Дурново относились не только к политической его физиономии, но и к облику его моральной личности. А. И. Гучков и я заявили решительно, что о вступлении нашем в состав кабинета не может быть и речи, если П. Н. Дурново будет предложен пост министра внутр. дел».

Перед этим протестом Витте принужден был остановиться. Но он отнюдь не отказался от своей мысли. Он только принялся искать обходного пути.

«Гр. Витте пожелал узнать наше мнение о кн. С. Д. Урусове [10]) и сообщил, что он телеграфировал кн. С. Д. приехать в С.-Петербург, так как имеет в виду предложить ему вернуться к активному участию в администрации.

---

*) Сергея Юльевича, т.-е. Витте. *Ред.*

При этом гр. Витте сказал, что имел намерение предложить кн. Урусову должность товарища мин. вн. дел и спросил, как отнеслись бы мы к кандидатуре князя на пост министра внутр. дел? Все присутствовавшие, как знавшие князя лично, так и бывшие лично с ним знакомыми, признавали, что в среде административных лиц имя кн. С. Д. Урусова пользуется уважением и доверием в обществе, и находили назначение его министром внутренних дел желательным. Гр. Витте выражал опасение, что кн. Урусов встретит затруднения при руководстве полицейской деятельностью, так как он не знаком со сложной техникой охранной полиции, и, еще раз указав, какое важное значение в переживаемое время имеет правильное функционирование полицейского аппарата, признавал необходимым, чтобы, при министре кн. Урусове, товарищем министра по заведыванию полицией был П. Н. Дурново. Эта комбинация всеми присутствующими была признана приемлемой, после чего наши совещания были приостановлены до приезда кн. С. Д. Урусова, и вечером в тот же день, т.-е. 24-го, А. И. Гучков и я уехали в Москву».

Итак, дело улажено. Но за двое суток, которые отделяют это свидание от следующего, гр. Витте подверг терпение общественных деятелей новому испытанию:

«26-го утром А. И. Гучков, кн. Е. Н. Трубецкой, М. А. Стахович и я отправились к гр. Витте и застали у него незадолго до нас приехавшего кн. С. Д. Урусова. Познакомив А. И. Гучкова и меня с кн. Урусовым, гр. Витте сказал, что он уже переговорил с князем, и что кн. Урусов согласен быть товарищем министра при министре П. Н. Дурново. Трудно передать, насколько это сообщение нас всех возмутило, явившись для нас вполне неожиданным после всего высказанного нами на предыдущих совещаниях. Я спросил гр. Витте, зачем же он, придя к решению предоставить пост министра

П. Н. Дурново, просил меня вновь приехать, имея мое категорическое заявление, что войти одновременно с этой личностью в состав кабинета я для себя не считаю возможным. Такое же возражение было сделано А. И. Гучковым. Кн. С. Д. Урусов был нашими словами очень смущен и сказал, что ему не был известен обмен мнений, происходивший на предыдущих совещаниях, и что он чувствует себя в неловком положении, согласившись быть товарищем министра при П. Н. Дурново, слыша теперь такое резкое отрицательное к нему отношение общественных деятелей. Гр. Витте старался аргументировать свое решение приводимыми им ранее соображениями».

Эта последняя капля переполнила чашу. Самые умеренные из общественных деятелей поняли, что их третируют, как чиновников.

«А. И. Гучков и я решили настоятельно отклонить сделанные нам предложения. Кроме обнаружившегося во время совещания отсутствия искренности и прямоты со стороны гр. Витте, а также очевидной его неспособности освободиться от усвоенных им привычек и приемов бюрократического строя, мы имели в виду следующие соображения. Наше вступление в кабинет могло бы иметь значение в том случае, если бы одновременно с нами вошли представители большинства с'ездов земских и городских деятелей, об'единившихся в партии народной свободы, и если бы общественным представителям было предоставлено в кабинете достаточное число мест, обеспечивающее их влияние на государственное управление. Вступление же нас двоих в кабинет, состоящий из представителей бюрократии, чуждых пониманию справедливых общественных запросов, не могло обеспечить общественного доверия и принести пользу положению дела. В то же время манифест 17 октября, призывавший общество к но-

вой политической жизни, вызывал необходимость политической группировки общественных элементов, и мы считали своей обязанностью содействовать об'единению лиц, принадлежащих к меньшинству земских с'ездов, в политическую партию («октябристов»). Эти мотивы нашего отрицательного ответа на сделанное нам предложение мы условились сообщить гр. Витте, и с этим решением вечером вновь его посетили».

Переговорам суждено было закончиться комическим эпилогом, который Д. Н. Шипов и сообщает в заключение своего рассказа о неудавшемся кабинете общественных деятелей.

«Поднимаясь по лестнице в помещение, занимаемое гр. Витте на Дворцовой набережной, рядом с Зимним дворцом, мы увидали неизвестную нам личность в вицмундирном фраке. Встретивши нас в кабинете, гр. Витте извинился, что должен покинуть нас на некоторое время, чтобы принять пришедшего к нему с докладом Рачковского [48]). Возвратясь в скором времени, гр. Витте имел встревоженный вид и сказал нам, что от кандидатуры П. Н. Дурново, может быть, придется отказаться. Рачковский сообщил, что в распоряжении многих редакций имеется различный материал из прошлой деятельности П. Н. Дурново, разоблачающий его личность, и что, в случае его назначения, материал этот будет немедленно опубликован, не исключая и известной резолюции императора Александра III: «убрать этого м......а в 24 часа». А. И. Гучков высказал удивление, что то, чего не могли достигнуть доводы общественных деятелей, оказывается возможным из опасения скандала. Гр. Витте после этого замечания опять стал говорить о необходимости назначения П. Н. Дурново, «а относительно угроз редакций, могут быть,—сказал он,—приняты меры». Я заявил гр. Витте, что мы, независимо от того, будет или нет П. Н. Дурново мини-

стром внутренних дел, во всяком случае не считаем в настоящее время возможным вступить в состав образуемого им кабинета, и изложил соображения, побуждающие нас к такому решению. Гр. С. Ю., выразив нам свое сожаление, просил нас изложить письменные мотивы нашего отказа, чтобы он мог их огласить».

После перерыва переговоров с Шиповым и Гучковым, Витте обращался и к другим общественным деятелям, но уже не с предложением портфелей, а для личного совета. Так, он обратился к И. В. Гессену [49]) и ко мне.

Я нашел Витте на Дворцовой набережной, в кабинете внизу. Я видел его в первый раз. В нескладно скроенной долговязой фигуре, в его жестах и всем обращении было что-то, располагавшее говорить с ним не как с простым бюрократом. Я приходил не в качестве делегата, кем-либо уполномоченного, а в качестве частного лица, совета которого просил высший представитель власти в момент, когда решалось направление, которое должна принять русская история. И на поставленный мне сразу вопрос Витте: «что делать», я решил ответить по совести и по личному убеждению, не связывая себя общепринятыми политическими формулами моих единомышленников. Я хотел свести спор с академических высот в сферу реальной действительности.

Если бы я выражал мнение партии, ответил я Витте, то я повторил бы то же, что сказал вам Кокошкин. Но я понимаю, что для вас это мнение не может иметь той силы, как для нас, и что положение слишком сложно, чтобы применять теоретически правильные советы во всей чистоте. Несомненно, что если бы мы пошли к конституции через такие пять стадий, как выборы в учредительное собрание, совещания учредительного собрания, утверждение и опубликование выработанной им конституции, выборы в законодательное

собрание и, наконец, само это законодательное собрание, то по пути могло бы случиться столько боковых толчков и справа, и слева, что я не знаю, дошли ли бы мы до конца. А потому, на вашем месте я выбрал бы кратчайшую дорогу, если бы, конечно, ваша цель — конституция была бы окончательно установлена. Я не начинал бы с составления кабинета общественных деятелей. Общественные деятели, популярные в стране, к вам теперь не пойдут, потому что вам — и правительству вообще — никто не верит. Приобретите сперва право на доверие, доказавши серьезность своих намерений. Для этого составьте в спешном порядке деловой кабинет из приличных людей, возьмите для этого товарищей министров...

В этом месте разговора Витте вдруг вскочил, протянул мне свою длинную руку и, потрясая мою, которую я подал ему с некоторым недоумением, воскликнул: «Вот, наконец, я слышу первое здравое слово. Я так и решил сделать».

Я продолжал: я не знаю тех полномочий, которыми вы располагаете. Если верить слухам, боюсь, что они недостаточны (я говорил об этом со слов моего французского приятеля, Поля Бойе, посетившего перед этим Витте и в этом убедившегося). Но если они достаточны, произнесите слово «конституция». Опять-таки для ускорения и для упрощения дела, позовите сегодня кого-нибудь и велите перевести на русский язык бельгийскую или, еще лучше, болгарскую конституцию, завтра поднесите ее царю для подписи и после завтра опубликуйте. Это будет конституция октроированная, и вас будут бранить за такой образ действий, но потом успокоятся, и все войдет в норму. Нельзя говорить, что мы, русские, не доросли до этого, раз я вам ссылаюсь на такую страну, как Болгария, откуда я недавно приехал.

Одушевление Витте прошло. Он ответил мне просто и ясно: *«Я этого не могу, я не могу говорить о конституции, потому что царь этого не хочет»*. Я так же просто сказал ему: тогда нам не о чем разговаривать, и я не могу подать вам никакого дельного совета.

★

ПЕРВАЯ ПОПЫТКА ПАРЛАМЕНТАРНОГО КАБИНЕТА

I

Второй эпизод из записок Д. Н. Шипова бросает новый свет на попытку переговоров о парламентарном кабинете, сделанную незадолго до роспуска гос. думы *). В этих переговорах участвовал и пишущий эти строки. Сравнивая мои тогдашние наблюдения с показаниями Шипова, я нахожу в них подтверждение того, что думал и раньше. Было два центра переговоров о кабинете думского большинства. Первый был при дворе; второй — в министерстве. Только первая инициатива, принадлежавшая Трепову, была серьезна. Прямое обращение ко мне Трепова и было началом переговоров. Наше свидание, о котором я рассказал подробно в «Речи» [18]), было секретное, и некоторое время тайна его сохранялась. Я догадываюсь, что именно результатом нашей беседы была передача дальнейших переговоров в руки нескольких министров. Из них некоторые, видимо, тоже были добросовестно заинтересованы в успехе плана, который спасал думу от роспуска, а Россию — от риска революционного исхода. К таким я отношу А. С. Ермолова [50]), который сам мне говорил, что беседует со мной по поручению государя,

---

*) Речь идет о роспуске 1-й гос. думы, см. прим. 4. *Ред.*

и свидание с которым было устроено у С. А. Муромцева. Вероятно, искренно относился к плану и А. П. Извольский [51]), присутствовавший при моей беседе с П. А. Столыпиным и рассказавший в своих воспоминаниях, как мы вместе возвращались с Аптекарского острова в белую петроградскую ночь. Но самого П. А. Столыпина я считаю злейшим врагом парламентарного министерства, преследовавшим с самого начала цель — расстроить комбинацию, в которой для него самого не находилось места. И это мое впечатление находит себе полное подтверждение в записках Шипова.

Вот как передает Шипов свою беседу с Н. Н. Львовым [29]) 26 июня 1906 г. по поводу того, что именно заставило П. А. Столыпина обратиться к нему, Шипову.

«Все более и более обостряющиеся отношения между правительством и гос. думой и вызывающее положение, занимаемое последней, говорил Н. Н. Львов, приводят П. А. Столыпина к убеждению в необходимости роспуска думы. Но, приходя к такому заключению, П. А. Столыпин оценивает все значение этого опасного шага и признает, что он не может быть сделан настоящим правительством с И. Л. Горемыкиным [52]) во главе, не пользующимся надлежащим авторитетом, и полагает, что роспуск думы должен быть произведен обновленным правительством, имеющим во главе общественного деятеля, пользующегося доверием в широких кругах общества, и таковым лицом П. А. считает меня. Государь одобрил предположения П. А. Столыпина и поручил ему переговорить со мной».

Итак, идея П. А. Столыпина была создать министерство «общественного доверия» для роспуска думы, — и эта идея была усвоена государем, «одобрившим» его предложения. Понятно, что на такой акт даже и умеренные общественные деятели типа Д. Н. Шипова пойти не могли. Шипов отвечал

Н. Н. Львову решительным отказом от каких-либо переговоров на эту тему и, «увидав, что многие считают возложение на него поручения образовать новый кабинет вопросом предрешенным», решил, чтобы «не давать повода для укрепления такого рода слухов», немедленно вернуться в Москву, откуда только что приехал.

Сравнительно с позицией Н. Н. Львова (тогдашнего кадета), это была позиция чрезвычайно лойяльная, что вполне соответствовало прямоте характера Д. Н. Шипова. Но ему не удалось ее выдержать. На следующий день его предупредили, что 28 июня он будет принят государем. Тотчас же Н. Н. Львов передал ему приглашение П. А. Столыпина — повидаться перед аудиенцией. Вечером этого дня свидание состоялось в присутствии Н. Н. Львова и А. П. Извольского. Вот как передает Д. Н. Шипов заявления Столыпина.

«П. А. Столыпин говорил то, что мне уже было сообщено Н. Н. Львовым, очень резко отзывался о неработоспособности гос. думы, о выступлениях ее отдельных членов, доказывал необходимость ее роспуска и просил меня высказать мое отношение к этому предположению...

Все высказанное мною относительно роспуска думы, вступая в противоречие с сложившимся уже у П. А. Столыпина определенным мнением, видимо, производило на него неприятное впечатление, и он перевел речь на вопрос об образовании коалиционного кабинета под моим председательством. В состав коалиционного кабинета, по его предположению, должны были войти приглашенные мной общественные деятели и представители бюрократических кругов, в лице некоторых членов настоящего кабинета, при чем в числе последних, кроме министров двора, военного и морского, П. А. дал понять, что он *имеет в виду себя и* А. П. Извольского. Я выразил сомнение, чтобы образован-

ный указанным путем коалиционный кабинет мог пользоваться надлежащим авторитетом в глазах народного представительства и создать необходимое взаимодействие между правительством и гос. думой. Оставляя в стороне вопрос об участии в обновленном кабинете представителей старого государственного строя и того впечатления, которое это участие может оказать на думу, я говорил, что не могу рассчитывать на согласие вступить в состав предполагаемого кабинета представителей руководящего большинства гос. думы, а без их участия кабинет не может найти необходимую им опору в народном представительстве. Я не могу не сознавать, что пользуюсь известным авторитетом и доверием в земских кругах, но за последнее время, при постановке на очередь вопроса о преобразовании нашего государственного строя, в земской и городской среде наметились два течения, при чем я присоединился к сравнительно незначительному меньшинству. Н. А. Хомяков [53]) про себя и про меня отчасти верно говорит, что мы оба после манифеста 17 октября 1905 г. стали конституционалистами по высочайшему повелению. Хотя в настоящее время я, в силу сложившихся обстоятельств, признаю безусловно необходимым возможно полное и безотлагательное проведение в жизнь конституционных начал, возвещенных 17 октября, и всеми силами готов этому содействовать, но, однако, мне представляется несомненным, что если в образованный мною кабинет мне удастся привлечь только своих единомышленников, как напр.: гр. П. А. Гейдена [28]), кн. Г. Е. Львова, то такой кабинет встретит в госуд. думе такое же отношение, как и кабинет И. Л. Горемыкина, при чем этот новый кабинет, конечно, не может искать поддержки в традициях старого строя и будет поставлен в необходимость в самом скором времени, при неизбежном столкновении с думой, подать

в отставку. Затем я указал, что при данном составе Думы во вновь образуемый кабинет должны быть непременно привлечены представители конституционно-демократической партии, а для этого поручение образования кабинета следовало бы возложить на одного из лидеров этой партии. А. П. Извольский, повидимому, выслушивал мои заявления сочувственно, не возражал на них и лишь высказал предположение, что мне удастся убедить представителей к.-д. партии войти в состав *коалиционного* кабинета, и, обращаясь к П. А. Столыпину, сказал: «Что касается нашего участия, то вопрос этот мы должны предоставить вполне свободному решению Дмитрия Николаевича». П. А. Столыпин, *сделав вид,* будто он присоединяется к последним словам А. П. Извольского, возражал на высказанное мной по существу, считал невозможным и слишком рискованным образование кабинета из представителей партии к.-д. и настаивал на необходимости роспуска гос. думы».

Политический смысл разногласия Шипова со Столыпиным изложен здесь совершенно правильно. По существу Д. Н. Шипов был, конечно, прав, что его политическая окраска чересчур умеренна для первой думы, что участие в общественном кабинете министров старого режима немыслимо и что, наоборот, необходимо составление кабинета лидерами большинства думы. Все это было тогда ясно для всякого. И П. А. Столыпин принужден был сообщить Шипову, что он уже имел свидание со мной.

«П. А. сообщил, что он приглашал к себе П. Н. Милюкова, говорил с ним о вероятной перемене кабинета, и П. Н. Милюков дал понять, что он не уклонится от поручения образовать кабинет, если такое предложение ему было бы сделано. В заключение П. А. Столыпин сказал, что вопрос об образовании нового кабинета может быть разре-

шен только государем и что мои соображения по этому вопросу я буду иметь возможность представить его величеству, так как имеется предположение назначить мне завтра аудиенцию в Петергофе».

Видимо, П. А. Столыпин не сообщил Шипову подробностей о нашей беседе. Иначе последний понял бы, почему П. А. Столыпин так решительно настаивал на роспуске гос. думы, как на единственном исходе. С первых же слов беседы Столыпина со мной я понял, что он говорит со мной не для того, чтобы выяснить вопрос по существу, а только для того, чтобы формально исполнить данное ему поручение и при этом найти мотивы для подкрепления собственного отрицательного мнения о кадетском министерстве. Его отрицательное отношение к предмету нашей беседы стало особенно ясно с той минуты, когда я, подобно Шипову, дал понять ему, что об его личном участии в общественном министерстве не может быть и речи. Он полу-иронически об'яснял мне, что ведь министр внутренних дел есть в то же время шеф жандармов, выполняющий непривычные для интеллигенции функции. Вероятно, он был искренно удивлен (и в «Новом Времени» долго сохранялись следы этого удивления), когда я ответил что элементарные функции государственной власти известны моим единомышленникам. Очень вскользь и поверхностно он расспросил затем о разных пунктах нашей политической платформы. (Трепов расспрашивал об этом очень подробно, стараясь вникнуть в детали и записывая все в своей записной книжке.) Впоследствии официально было сообщено в «Новом Времени», что на основании беседы со мной П. А. Столыпин сделал доклад государю в том смысле, что принятие моих предложений «грозит гибелью России». А. П. Извольский молчал во все время беседы, но на возвратном пути выражал мне сочув-

ствие и прибавлял, что ему, как человеку, знающему Европу, понятно многое, что непонятно Столыпину. Вместе со мной он сокрушался о том, что русская власть всегда начинает понимать положение слишком поздно...

При таком характере нашей беседы со Столыпиным, очевидно, она не могла окончиться заявлением с моей стороны, что я «не уклонюсь» от составления кабинета. Было ясно, что до поручения составить кабинет еще очень далеко.

II

До аудиенции у государя Шипов решил проверить через гр. П. А. Гейдена мое отношение к идее коалиционного кабинета.

«На следующий день, считая своим долгом перед поездкой в Петергоф выяснить определенно отношение представителей к.-д. партии к мысли о возможности образования коалиционного кабинета, я просил гр. П. А. Гейдена повидаться с П. Н. Милюковым, так как я лично был мало с ним знаком, а сам в этот же день имел продолжительную беседу с С. А. Муромцевым. Гр. Гейден, как между нами было условлено, при свидании с П. Н. Милюковым не говорил об обращении ко мне П. А. Столыпина и о предстоявшей мне аудиенции, а спросил его, как относится он и политическая группа, к которой он принадлежит, к слухам и предположениям об образовании коалиционного кабинета под моим председательством и согласился ли бы он принять участие в таком кабинете. П. Н. ответил категорически, что он, стоя строго на почве принципа парламентаризма, находит такую комбинацию безусловно неприемлемой, что, по его убеждениям, новый кабинет должен быть образован исключительно из лиц, принадлежащих к руководящему большинству гос.

думы, и дал понять, что считает в этом смысле вопрос уже в сферах предрешенным и готов принять на себя составление кабинета, как только такое поручение будет ему сделано».

Действительно, гр. Гейден вел со мной разговор на указанные темы в кулуарах гос. думы. Он почему-то так был уверен в возможности создания общественного кабинета, что даже рекомендовал мне кандидатов в министры, — притом, как раз на один из тех портфелей (двора, военного, морского), которые сам считал забронированными от думы. Я, действительно, отвечал на его вопросы в духе мнения моей группы (вопрос о коалиции дебатировался во фракции и обсуждался мною в передовицах «Речи», см. «Год борьбы»). Но, понятно, я никак не мог сказать, что «считаю вопрос в сферах предрешенным». Вероятно, я намекал лишь, что мое мнение по этому поводу известно в сферах (подразумевая мой разговор с Треповым).

В тот же день (28 июня), все еще перед аудиенцией, Шипов виделся с С. А. Муромцевым, которого старался расположить в пользу коалиционного кабинета. «Главным, если не исключительным препятствием» для коалиции, по мнению Шипова, «являлось несогласие на эту комбинацию руководителей к.-д. партии».

«Исходя из этого убеждения, — говорит Д. Н. Шипов, — я приложил все возможные старания, чтобы повлиять на С. А. Муромцева и заручиться его содействием, Я обращал его внимание на то, что сформирование коалиционного министерства, повидимому, отвечает намерению государя и будет встречено сочувственно в влиятельных сферах, ныне отрицательно относящихся к народному представительству, что такой состав кабинета может об'единить в стране все общественные прогрессивные круги и освободить к.-д. от союза

с крайними, не государственными элементами. Участие в кабинете бюрократического элемента и в частности П. А. Столыпина должно, конечно, быть исключено. Главенство в кабинете должно быть предоставлено непременно кому-либо из представителей к.-д. партии, и, конечно, самым авторитетным и желательным председателем, по глубокому моему убеждению, является сам С. А. Муромцев, и его председательство обеспечивало бы кабинету необходимое ему доверие гос. думы. Я просил С. А-ча переговорить с П. Н. Милюковым и другими влиятельными лицами партии и постараться убедить их в целесообразности и необходимости принятия предлагаемой комбинации. Однако, все мои убеждения и просьбы оказались напрасными, и С. А. отказался содействовать образованию коалиционного кабинета. Он соглашался с правильностью моих соображений по существу, но не считал возможным повлиять на изменение уже вполне и окончательно сложившегося среди к.-д. отношения к данному вопросу и говорил, что П. Н. Милюков уже чувствует себя премьером. К своему личному участию в кабинете в качестве премьера и министра юстиции он отнесся совершенно отрицательно. По мнению С. А-ча, в виду господствующего в стране возбужденного настроения в широких кругах населения и воспитанного в обществе политикой правительства вообще отрицательного отношения к государственной власти, никакой состав вновь образованного министерства при переживаемых условиях не может рассчитывать в ближайшем времени на спокойную и продуктивную государственную деятельность и не сможет сохранить свое положение более или менее продолжительное время. Неизбежны революционные вспышки, против которых правительство будет поставлено в необходимость принимать строгие репрессивные меры, а это вызовет, несомненно, недовольство в общественных кругах

и лишит власть необходимой ей поддержки со стороны общества. В то же время С. А. был согласен со мной относительно условий, исключающих возможность образования кабинета под моим председательством, т.-е. предрешенное отрицательное отношение к.-д. партии к участию ее членов в коалиционном кабинете и неизбежный в ближайшем же времени конфликт его с гос. думой».

Для правильного понимания этой беседы надо иметь в виду то положение, которое С. А. Муромцев занимал в партии к.-д. Классический председатель гос. думы, выдвинутый партией на эту роль, наиболее отвечавшей его личным свойствам, С. А. не принадлежал, однако, к числу идейных руководителей партии. Особенно со времени занятия поста председателя, он оставался вне русла текущей работы фракции и уже поэтому не мог влиять на ее решения. Он, вероятно, и сам чувствовал, что весь строй его мысли не совсем подходит к настроению партии, и это заставляло его, при обсуждении текущих политических задач, уклоняться от высказывания своего отношения к ним по существу и ограничиваться чисто-формальными моментами. Такой характер носит и его беседа с Д. Н. Шиповым.

Отрицательный ответ на предложение о премьерстве мотивирован в этой беседе двумя соображениями: 1) нельзя изменить сложившегося отношения к.-д. и 2) невозможно удержаться при революционном настроении страны. Последнее соображение было обще нам всем, но при тогдашнем жертвенном настроении никто из нас перед этим не останавливался. Кадетское министерство, во всяком случае, было той первой зарубкой, на которой революционный процесс мог задержаться, — если не прибегать к другой альтернативе, бессилие которой показала история, — к столыпинским «галстухам» [54]). Первое соображение Муромцева было непра-

вильно в той части, в которой касалось меня лично. Ни разу в течение переговоров мое имя не было названо как имя будущего премьера, и фракция по этому поводу не имела случая высказаться. Так как переговоры оборвались на предварительной стадии, я не докладывал фракции подробностей, и совместно были лишь обсуждены условия вступления к.-д. в министерство: те самые, которые я излагал Трепову и Столыпину. Даже на эти две встречи я не получал предварительных полномочий от фракции и согласился на них за свой страх. После беседы со Столыпиным я окончательно убедился, что обращение к нам несерьезно и уже поэтому никак не мог «чувствовать себя премьером». Впрочем, С. А. Муромцев — как я теперь вижу, в связи с беседой с Шиповым — сам имел случай проверить свои слова обо мне. Он вызвал меня к себе в кабинет председателя думы и, после некоторых прелиминарий, прямо в упор поставил мне вопрос: «Кто из нас двух будет премьером?» Признаться, вопрос этот привел меня в веселое настроение. Я был уже тогда убежден, что ни я, ни он и никто другой из к.-д. премьером не будет, ибо дело шло, очевидно, к роспуску думы. Я так и ответил Муромцеву, но прибавил при этом, что своей кандидатуры я не ставил, охотно буду поддерживать его кандидатуру и вообще из-за лиц между нами не может быть никаких споров. Мой ответ, видимо, произвел на С. А. самое приятное впечатление.

Более прав был С. А. Муромцев в общем смысле своего первого возражения. Не то, что мнение к.-д. было уже составлено. Как я сказал, суждений о лицах во фракции вообще не было. Но при богатстве фракции выдающимися общественными деятелями, таланты, знания и репутации которых были общепризнаны, вообще нельзя было предрешить мнения фракции о той или другой кандидатуре. При полной моей готовности поддерживать кандидатуру Муромцева — а она,

очевидно, имела много за себя, если бы вопрос о кадетском министерстве был решен двором в утвердительном смысле,— могло случиться то же, что случилось с другой попыткой Д. Н. Шипова — послать С. А. Муромцева для переговоров с графом Витте в октябре 1905 года. Я уже упоминал выше, что тогда не случайно были посланы в Петербург кн. Г. Е. Львов и Ф. Ф. Кокошкин, а не С. А. Муромцев. Ибо те же свойства, которые делали кандидатуру С. А. Муромцева более приемлемой для Шипова — и для двора, — делали ее, в известные моменты, менее желательной для партии.

Вообще, партия (и фракция) была тогда настроена так непримиримо, что даже моя позиция, казавшаяся Шипову такой несговорчивой, во фракции представлялась многим чересчур далеко идущей на уступки. Позднее, уже во время 2-й думы, партия запретила мне дать Столыпину те заверения, которых он требовал для легализации партии и которые лично мне казались приемлемыми. Я думаю, во время 1-й думы мне могли бы запретить и самые свидания для переговоров о министерстве, если бы я поставил этот вопрос формально на решение фракции.

III

В беседе с государем 28 июня в Петергофе Д. Н. Шипов принял, несомненно, достойный и лойяльный по отношению к думе тон. Он выяснил царю многое, что могло бы еще предупредить кризис русского конституционализма, если бы вообще этого рода соображения могли быть приняты во внимание. Но его собственные взгляды еще раз показывают, насколько он был прав, когда утверждал, что человек с такими взглядами не может быть конституционным премьером при 1-й гос. думе.

«Коснувшись причин, вызывающих мысль о роспуске думы, я признавал, что присутствие в думе значительного левого крыла отражается вредно на ее настроении, получившем свое выражение как в резком выступлении отдельных ее членов, так и особенно в неуместном тоне представленного думою адреса. Однако, едва ли можно признать думу в общем ее составе неработоспособной, и притом нельзя не принять во внимание некоторые условия, независящие от самой думы, но крайне неблагоприятно на нее повлиявшие».

В частности, «правительство ничем не проявило признания, что с открытием гос. думы вступает в силу новый государственный порядок, не проявило желания установить нормальные отношения между административной властью и народным представительством, а продолжает держаться прежних традиций, которые получили особенно определенное выражение в правительственной декларации 13 мая и в правительственном сообщении 20 июня по аграрному вопросу [56]). Все эти условия не могли не создать крайне ненормальное положение, которое, однако, может быть исправлено, если правительство изменит свою тактику и сочтет своей непреложной обязанностью вступить определенно на новый путь, начертанный в манифесте 17 октября».

На вопрос, почему Д. Н. Шипов против сформирования коалиционного кабинета, он ответил, что, «к сожалению, сейчас мысль о таком коалиционном кабинете встречает отрицательное к себе отношение со стороны наиболее многочисленной и влиятельной партии конституционалистов-демократов. Я доложил его величеству о переговорах по этому вопросу с С. А. Муромцевым и П. Н. Милюковым и сообщил их отзывы, исключающие возможность предположения, чтобы кто-либо из влиятельных членов этой политической группы согласился войти в состав коалиционного кабинета,

а без участия в нем представителей руководящего большинства гос. думы такой кабинет встретит, несомненно, отрицательное к себе отношение думы и не сможет сколько-нибудь продолжительное время оставаться у власти. Положение, занятое по отношению к этому вопросу к.-д. партией, повидимому, особенно укрепилось после переговоров П. А. Столыпина с П. Н. Милюковым. В настоящее время и при сложившихся условиях возможно образование кабинета только из представителей большинства гос. думы. Оппозиционный дух, который в настоящее время ярко проявляется среди кадетской партии, не может внушать серьезных опасений. Такой характер ее в значительной мере обусловливается занимаемым ею положением безответственной оппозиции. Но если представители партии будут привлечены к осуществлению правительственной власти и примут на себя тяжелую ответственность, с ней сопряженную, то нынешняя окраска партии, несомненно, изменится, и представители ее, вошедшие в состав кабинета, сочтут своим долгом значительно ограничить требования партийной программы при проведении их в жизнь и уплатят по своим векселям, выданным на предвыборных собраниях, не полностью, а по 20 или 10 коп. за рубль».

Государь, естественно, заинтересовался этой идеей об об'явлении политического банкротства. На вопрос, как Шипов представляет себе эту уплату по гривеннику за рубль, последний развил проект политического компромисса, который оставлял далеко позади все, о чем я говорил с Треповым и Столыпиным.

«Вопрос об отмене смертной казни, отвечал я, уже рассмотрен гос. думой; соответствующий законопроект ею составлен, поступил в гос. совет и, в случае согласия с ним совета, будет представлен на благовоззрение вашего величе-

ства. По второму вопросу (о политической амнистии) я полагал, что к.-д. удовлетворятся предоставлением политической амнистии всем тем, которые в стремлении к скорейшему достижению свободы нарушили грани, поставленные законом, но при этом не посягали на чужие жизнь и имущество. Что касается аграрного вопроса, то я высказывал предположение, что к-д. прежде всего исправят ошибку положения 19 февраля 1861 г. и обеспечат за счет государства дополнительными наделами всех крестьян, получивших дарственные наделы, и затем организуют возможно широкое содействие крестьянству со стороны государства в покупке частновладельческих земель, прибегая к принудительному их отчуждению лишь в исключительных, безусловно необходимых случаях. Вопрос об уравнении пред законом всех граждан независимо от их вероисповедания и национальности, сказал я, уже предрешен вашим величеством по докладу гр. Витте, сопровождавшему манифест 17 октября. Наконец, вопрос об автономии Царства Польского, вероятно, может быть разрешен путем предоставления его населению широкого местного самоуправления и широких прав национальной польской культуре».

Несомненно, Шипов был прав в том, что к.-д. у власти оказались бы вовсе не такими разрушителями и революционерами, какими представлял их Столыпин и все, кому это было нужно.

Несомненно, что в порядке практического осуществления программы были бы введены все поправки и дополнения, диктовавшиеся государственными соображениями. Но, конечно, к.-д. не могли бы отказать в амнистии террористам (это был основной пункт расхождения, *даже* более серьезный, чем аграрная реформа), не могли бы и свести аграрной реформы к рамкам, приемлемым для Н. Н. Львова и других защитни-

ков интересов поместного класса. Они бы не могли урезать и польской автономии. С другой стороны, едва ли бы царь дал санкцию отмены смертной казни; опыт последних дум показал, что он не дал санкции и думскому закону о веротерпимости. Между правящим классом, с одной стороны, и демократической Россией, с другой, тогда уже стояла та непроходимая грань, разрушить которую с трудом удается даже теперь затянувшемуся (именно по этой причине) насильственному перевороту. Что же могло тут сделать министерство С. А. Муромцева? Сам Муромцев, отказываясь от своей кандидатуры в разговоре с Шиповым, очень хорошо и глубоко определил эту трагическую подкладку готовившегося переворота.

Мысль Д. Н. Шипова развивалась по другому пути. Польщенный внимательным отношением государя, он продолжал развивать ему самые оптимистические перспективы приглашения к.-д. к власти:

«Если представители к.-д. партии были бы призваны к власти, то весьма вероятно, что в ближайшем времени они признали бы необходимым распустить гос. думу (т.-е. исполнили бы план Столыпина!) и произвести новые выборы, с целью освободиться от многочисленного левого крыла и создать палату из сплоченных прогрессивных элементов страны (Шипов не говорит, какими средствами они могли бы это сделать). Государь, как мне казалось, был удовлетворен представленными мной пояснениями и спросил, кто из членов конституционно-демократической партии пользуется в ней большим авторитетом и более способен к руководящей роли?» (очевидно, в указанном Шиповым направлении).

В своих тогдашних статьях в «Речи» я не раз протестовал против такой постановки, которая весь вопрос сводила к вопросу о лицах. Вместо того, чтобы обсуждать, кто прием-

лем и кто неприемлем, я настойчиво предлагал говорить о том, *что* приемлемо и что неприемлемо в программе. К сожалению, вопрос все-таки продолжал решаться справками о лицах. Из воспоминаний Д. Н. Шипова я вижу, что так стал вопрос и в беседе его с государем. Повторяя то, что в то время было общепринятым мнением обо мне лично, Шипов ставил альтернативу: Милюков или Муромцев. А в мысли у Николая II, вероятно, уже стояло почти сложившееся решение: ни тот, ни другой.

«Отвечая на этот вопрос, Шипов высказал следующие мысли. Самым влиятельным членом к.-д. партии, бесспорно, нужно признать П. Н. Милюкова и, хотя он не состоит членом гос. думы, тем не менее, он является действительным лидером к.-д. фракции. Отдавая должную дань его способностям, его талантам и его научной эрудиции, мне в то же время думается, что он по своему жизнепониманию преимущественно рационалист, историк-позитивист, но в нем слабо развито религиозное сознание, т.-е. сознание лежащего на человеке нравственного долга как пред высшим началом, так и пред людьми. Ввиду этого, я думаю, если П. Н. Милюков был бы поставлен во главе правительстве, то едва ли он всегда в основу своей деятельности полагал бы требования нравственного долга и едва ли его политика могла бы содействовать столь необходимому духовному под'ему в населении страны. В то же время П. Н. Милюков человек очень властный; он слишком самодержавен («Это слово вырвалось у меня случайно, необдуманно, о чем я очень сожалею», — оговаривается в примечании Д. Н. Шипов) и если он будет поставлен во главе министерства, то можно опасаться, что он будет подавлять своих товарищей, а это может неблагоприятно отозваться на их самостоятельности. Присутствие П. Н. Милюкова в кабинете на посту министра иностранных

дел будет очень полезно и даже необходимо, если в состав кабинета будут призваны вообще представители к.-д. партии, но на посту председателя желательно было бы видеть С. А. Муромцева, человека высоко морального настроения. В это время государь сказал: «Я вынес самое хорошее впечатление от знакомства с С. А. Муромцевым и отношусь к нему с полным уважением». С. А. Муромцев как председатель гос. думы, продолжал я, пользуется общепризнанным авторитетом, и его появление на посту главы кабинета будет приветствовано в широких кругах общества, не только в среде к.-д. партии. Обладая сильною волею, С. А. в то же время отличается большим тактом и мягкостью характера. Будучи председателем кабинета, он сумеет обеспечить всем его членам необходимую самостоятельность и при его главенстве участие в кабинете П. Н. Милюкова будет особо полезно. На это государь сказал: «Да, таким образом может установиться правильное соотношение умственных и духовных сил».

Едва ли можно в последний гладкой фразе видеть выражение подлинной мысли Николая II. Одному из придворных, после одной из бесед с Шиповым (не этой ли?) царь сказал: «Вот, говорят, Шипов — умный человек, а я у него выспросил все, что хотел, ничего ему не сказавши».

Конечно, не этот фальшивый аккорд характеризует политический смысл беседы Шипова с государем. И если Д. Н. вернулся в Петербург «в бодром настроении», то это свидетельствует лишь о лойяльности роялиста, а не о проницательности политика.

IV

Чтобы быть, однако, справедливым к Д. Н. Шипову, необходимо упомянуть и о другой части беседы, в которой проглянуло истинное лицо власти и ее ближайших намерений.

Шипова спрашивали не только о кадетском кабинете, но и о другой стороне дилеммы, — о роспуске думы. И, отвечая на этот вопрос, он нечаянно задел несколько чувствительных струн, которые прозвучали очень отчетливо.

«Прежде всего, сказал я, я не вижу определенного конституционного повода для такого акта. Если между гос. думой и правительством возникло бы принципиальное разногласие на почве какого-либо существенного законопроекта, тогда роспуск думы явился бы как бы апелляцией к стране, которая путем новых выборов должна была бы высказаться по данному спорному вопросу, но до сих пор такое разногласие не имело места. Ненормальные отношения между думой и правительством проявляются, главным образом, на почве совершенно различного понимания высочайшего манифеста 17 прошлого октября. Дума, а с ней и вся страна понимают этот акт, как несомненный переход к новому конституционному государственному строю, а правительство совершенно иначе оценивает значение этого акта и держится традиций и приемов прежнего времени. При таком условии роспуск думы и назначение новых выборов поставит перед избирателями вопрос: желает ли страна осуществления прав, дарованных ей вашим величеством манифестом 17 октября, или желает она вернуться к старому строю? После этих слов государь остановил меня и сказал: «Об этом не может быть речи», и мне показалось, что в голосе государя звучало недовольство допущенным мной предположением. В таком случае, продолжал я, как может страна понять роспуск думы и отнестись к новым выборам? Кроме этих соображений принципиального характера, я остановился на практической стороне вопроса, на рассмотрении вероятных результатов новых выборов. Если первые выборы, говорил я, при действующем избирательном законе дали очень левый состав думы, то вто-

ричные выборы, произведенные после роспуска думы, при указанных условиях и на основе того же положения о выборах, дадут, несомненно, состав думы гораздо более левый, и тем еще более будет затруднено создание столь необходимого взаимодействия между правительством и народным представительством. «Впрочем, добавил я, может быть, ваше величество, имеете в виду одновременно с роспуском думы произвести некоторое изменение в положении о выборах?». «Об этом также не может быть речи», — сказал государь, и мне вновь послышалось его недовольство».

Это были единственные места разговора, в которых царь несколько приподнял маску непроницаемости. Шипов слишком близко подошел к его действительной мысли. И недовольство было понятно. Это был язык, которого или не понимали, или не хотели слышать в Петергофе. Шипов слишком приблизился к secreta secretorum *) этой власти. Он лучше угадал ее истинные намерения, чем полагалось для «ограниченного разума подданного».

Что касается «принципиального разногласия», которое могло повести к роспуску, Шипов, очевидно, не знал, что оно предусматривалось даже не в области конституционных прав гос. думы, а в области социального (именно аграрного) вопроса. Для составления министерства роспуска гос. думы не было вовсе надобности обращаться к Д. Н. Шипову. Из воспоминаний гр. Витте мы знаем, что таким министерством роспуска, намеченным до открытия думы, уже было именно министерство Горемыкина. А на изменении правительственного закона тогда уже энергически настаивало правящее сословие. Только расчет *сделать* выборы в пользу правительства путем предвыборных приемов остановил временно правитель-

*) Сокровеннейшим тайнам. *Ред.*

ство перед открытым нарушением основных законов. Но как только предсказание Шипова о «более левой» второй думе осуществилось, само собой стал тот вопрос, о котором «не могло быть и речи»: сокращение избирательных прав до тех пределов, которые обеспечивали поместному сословию преобладание в органах местного самоуправления.

Все это, конечно, выяснилось вполне гораздо позже, — тогда, когда завершился весь цикл событий, на которые я намекаю. Пока события происходят, естественно их непосредственным участникам питать надежды — или иллюзии, — что они могли бы повлиять на их ход. Я уже сказал, что и в то время я не разделял надежд многих из окружающих. Но пока борьба шла, нельзя было считать себя побежденным. И я понимаю Шипова, когда он утверждал, что «благоприятное отношение» к его докладу продолжалось до 5 июля (роспуск думы был 9-го). До этого дня, по словам Шипова, и он, и А. П. Извольский были убеждены, что С. А. Муромцев будет приглашен в Петергоф. И, очевидно, к этой стадии бесплодного ожидания относилась известная фраза Муромцева, что он «призван не был».

Когда Шипов рассказал Муромцеву о том, как он поставил перед царем его кандидатуру, Муромцев, по его словам, взволновался. «Какое право имеешь ты касаться вопроса, который должен быть решен самой политической партией?» Смысл этого вопроса ясен из сказанного раньше.

Д. Н. Шипов рассказывает, что после долгой беседы он «пришел к заключению, что С. А. Муромцев видит главное для себя затруднение в образовании кабинета при признаваемом им самим необходимом участии в кабинете П. Н. Милюкова. С. А. выразил опасения относительно совместного с П. Н. Милюковым участия в кабинете и, между прочим, сказал: «двум медведям в одной берлоге ужиться трудно», на что

я заметил, что «вы — два медведя из одной прежней берлоги, и я не сомневаюсь, что уживетесь и в новой».

Должен признаться, что слова эти являются для меня несколько неожиданными. Если бы они были сказаны до рассказанной выше беседы Муромцева со мной на тему, кто из нас будет премьером, то их можно было бы понять в смысле опасения, не придется ли С. А. уступить мне первое место. Но по тону разговора с Шиповым мне кажется, что вопрос о премьерстве уже не волновал Муромцева, т.-е., что разговор шел уже после нашей беседы. Если так, то опасения С. А. касаются моего участия уже в качестве простого члена кабинета. В таком случае, эти опасения могут относиться или к моей личности, или к моим взглядам. О первом не мне судить. Не могу отрицать, однако, что ходячее тогда мнение о моей «самодержавности» могло повлиять и на Муромцева, вообще мало меня знавшего.

Вероятнее, мне кажется, другое. Здесь сказалось хотя и неоткровенно высказанное понимание Муромцевым разницы в тех пределах компромисса, на которое мог бы пойти он, принимая на себя роль, подготовленную для него Шиповым, — и перед которыми мне пришлось бы остановиться. При действительной попытке осуществить кадетское министерство, в этом, конечно, была бы главная трудность. Тотчас вскрылась бы разница между условиями, предлагавшимися мной Трепову и Столыпину, и теми, которые Шипов предположительно излагал в своей беседе с царем. Фракция и большинство думы едва ли пошли бы в вопросе о программе кабинета за Шиповым и Муромцевым. И даже в случае, если бы С. А. был «призван», Столыпин мог бы (я думаю, должен бы был) восторжествовать несколькими днями позже.

Так, как стояло дело, — не понадобилось даже и выяснения этого вопроса, оставшегося в тумане. Для Столыпина даже

смягченная постановка вопроса Шиповым была неприемлема. Это ярко отразилось в беседе, которую вел Шипов со Столыпиным после своей аудиенции. Нетерпеливо выслушивая рассказ Шипова, Столыпин, видимо, с трудом скрывал свое раздражение. Он принужден был признать, что, «повидимому», об'яснения Шипова «произвели благоприятное впечатление и встречают сочувствие» у государя. Это не помешало ему, однако, кончить беседу загадочной, сухой, почти угрожающей, фразой: «теперь будем ожидать, что воспоследует». «Уходя от П. А. Столыпина,—замечает Шипов,—я уносил уверенность, что им будет сделано все возможное противодействие осуществлению мысли об образовании кабинета из руководящих элементов гос. думы».

Д. Н. Шипов не ошибся. Но надо сказать, что обстоятельства работали за Столыпина. Как раз в тот момент, когда в Петергофе, быть может, господствовало еще настроение нерешительности, в гос. думе был неосторожно поднят по почину В. Д. Кузьмина Караваева [57]) вопрос об обращении к населению, в ответ на правительственное сообщение по аграрному вопросу. Я узнал об этом уже тогда, когда дело было на ходу. Я предупредил фракцию об опасных последствиях этого шага для судьбы вопроса о кабинете. Но я мог только добиться некоторых смягчений в политическом толковании этого шага. Он, несомненно, *мог* сойти за конституционный повод к роспуску, которого не находил Шипов в беседе с государем. По словам Шипова, «от многих лиц он узнал», что возбуждение в думе этого вопроса, а также убийства Чухнина [58]) в Севастополе и Козлова [88]) в Петергофе послужили поводом к тому, что «реакционные течения в Петербурге и Петергофе возобладали и облегчили П. А. Столыпину осуществление его намерений».

Указ о роспуске был подписан 8 июля, и Столыпин сам был назначен тем премьером министерства роспуска думы, роль которого он пытался предоставить Шипову.

Трудно спорить о том, как пошло бы дело, если бы не случилось упомянутых эпизодов — и, вообще, никаких эпизодов этого рода.

Но уж из той шаткости положения, которую эти эпизоды обнаружили, можно сделать вывод, до какой степени мало соответствовали настроения власти намерению осуществить парламентарное министерство.

При таких настроениях власти было бы наивно думать, что парламентарное министерство не осуществилось, потому что нельзя было выдвинуть Муромцева на место Милюкова. Оно не осуществилось, потому что не только о парламентаризме, но и о конституции не могло быть и речи, потому что для поместного сословия не только Кутлер [59]), но и Витте были революционерами. Потому что тот же царь, который отпускал Шипова талейрановской [60]) фразой о равновесии «умственного и духовного» начала, становился искренен лишь тогда, когда торжественно заявлял своим верным слугам-дворянам, что самодержавие останется таким же, как было встарь, и что «солнце правды» снова засветит над Россией, как только «об'единятся» истинно-русские люди.

*

ЭПИЛОГ.

I

Водораздел.

Роспуск 1-й гос. думы был той гранью, на которой общественные деятели, уже распределившиеся после манифеста 17 октября по разным политическим группам, окончательно разошлись в разные стороны.

Тогда, как и теперь, граница между двумя лагерями прошла по партии народной свободы. Правый фланг ее, как Н. Н. Львов, кн. Е. Н. Трубецкой, отошли в «мирное обновление» [18]), слившись с не-кадетами и личными друзьями — гр. П. А. Гейденом, М. А. Стаховичем, и приблизившись к А. И. Гучкову.

Подавляющее большинство депутатов партии к.-д. осталось верно линии коалиции с левыми, взятой в 1-й думе, и поехало в Выборг. Кое-кто остался по-середине, не примыкая ни к тем, ни к другим. Такова была позиция кн. Г. Е. Львова; сюда же, пожалуй, можно отнести и Д. Н. Шипова. Отдельные фигуры из этого центра и правой, как Г. Е. Львов, М. А. Стахович, Н. Н. Львов, с'ездили в Выборг, показались в Бельведерской гостинице [61]) — и уехали, ограничив свое посещение информационными целями. Как теперь, формальной причиной расхождения явилось отношение к «революции» и к пределам прерогативы верховной власти, вызвавшее уход кн. Е. Н. Трубецкого от к.-д. Подразумеваемой причиной было кадетское решение аграрного вопроса *), заставившее Н. Н. Львова формально покинуть партию народной свободы.

Освободившись от связи с «левыми», общественные деятели старо-земского типа (или, как теперь выражается А. И. Гучков, «подлинные» земские и городские деятели) продолжали питать надежды на компромисс с победившей властью. «Левые» искали поддержки в настроении народных масс. Ошиблись и те и другие, но кто ошибся больше?

---

*) Т.-е. стоявшее в програме кадетов требование принудительного отчуждения частновладельческих земель с выкупом. *Ред.*

II

Смысл выборгского воззвания.

Прежде чем перейти к воспоминаниям Д. Н. Шипова о последней попытке создания «министерства общественного доверия», я хочу остановиться несколько на попытке «левых» опереться на народ. Не буду отрицать существования иллюзий, которые тогда были господствующими.

М. М. Винавер [62]) рассказал подробно, с каким настроением дума готовилась к возможному роспуску. Скажу лишь, что выборгский манифест, о котором наговорено столько нелепостей, был минимумом того, что можно было сделать, чтобы дать выход общему настроению. Для членов партии народной свободы это была попытка предотвратить вооруженное столкновение на улицах Петрограда, заведомо осужденное на неудачу, и дать общему негодованию форму выражения, которая не противоречила конституционализму, стоя на самой грани между законным сопротивлением нарушителям конституции и революцией. Пример такого сопротивления в Венгрии из-за конфликта по вопросам народного образования был налицо.

Согласившись с левым крылом Думы на совместное конституционное выступление в Выборге, конституционные элементы тотчас же после Выборга, на совещании в Териоках, отвергли революционное выступление, как последовавшие затем восстания в Кронштадте, Свеаборге [63]) и т. д.

Самое приглашение народу — не платить податей и не давать солдат — имело условное значение — в случае, если не будут назначены выборы в новую гос. думу, — и применение этих мер начиналось не немедленно, а по выяснении настроений в народе и не раньше осеннего призыва. Таким

образом, в сущности, выборгское воззвание осталось политической манифестацией и мерой на крайний случай, — который не наступил, ибо выборы во 2-ю думу были назначены.

Что касается к.-д., то они и формально отменили меры выборгского воззвания после летнего совещания в Финляндии, на котором выслушаны были доклады с мест, выяснившие, что хотя настроение на местах имеется и спорадически выборгский манифест может быть осуществлен, но на массовую демонстрацию этого рода рассчитывать нельзя. При таком положении выборгский манифест, потеряв уже свое политическое значение, — мог, очевидно, только дать сигнал к преследованиям отдельных жертв. Вот почему, вместо демонстраций в воинских присутствиях, члены партии и начали готовить выборы во 2-ю гос. думу.

Нельзя также сказать, чтобы инициаторы выборгского воззвания не предусматривали возможности неудачи. Я лично, на том утреннем совещании у И. И. Петрункевича, о котором рассказал М. М. Винавер, прочтя участникам совещания тут же составленный мною проект воззвания, где включена была основная мысль выборгского манифеста, поставил предварительный вопрос: отдают ли себе отчет мои товарищи, что последствием подобного воззвания может быть лишение их избирательных прав и что, в результате, получится то же обеднение представительства, на которое обрекли революцию члены французского учредительного собрания 1789—1791 г.г., когда лишили себя добровольно права быть выбранными в следующее законодательное собрание. Мои друзья решительно заявили, что эту возможность они вполне сознают и идут на нее. После этого проект был принят.

Наши друзья справа на всех этих тонкостях не останавливались. Для них совершенный в Бельведерской гостинице акт был уже актом революционным, — и они от него по-

спешно отгородились. Побывав в Выборге, они вернулись в Петроград. Здесь они продолжали вести переговоры с Столыпиным об участии — конечно, уже не Милюкова или Муромцева, а общественных деятелей собственной окраски — в «министерстве общественного доверия».

Выборгский манифест не вызвал народного сопротивления, но своих ближайших целей он достиг. Общественному негодованию был дан сравнительно свободный и законный выход; правительство же продолжало некоторое время пребывать в страхе, что те опасения, которые оно само питало, колеблясь решиться на роспуск думы, могут оправдаться. Не будь выборгского манифеста, наверное, не было бы назначения выборов, или они были бы назначены с тем нарушением избирательного закона, какое имело место после роспуска 2-й думы. Опасаясь волнений, правительство еще думало об «успокоении всех классов населения», и на этой почве П. А. Столыпин продолжал разговоры с общественными деятелями октябристского и мирнообновленческого толка.

Быстрая перемена тона этих разговоров и полный отказ от действительной общественной поддержки прекрасно характеризуют, как скоро правительство оправилось от страха, внушенного шагом первого народного представительства.

III

Игра П. А. Столыпина.

Перехожу теперь к воспоминаниям Д. Н. Шипова, в которых эта эволюция настроений власти отразилась очень наглядно.

На другой день после роспуска думы, 10 июля, Шипов уехал в Москву, «не предполагая в более или менее близ-

ком будущем возвратиться» в столицу. Однако 12 июля он получил повторные телеграммы Н. Н. Львова и М. А. Стаховича, к которым присоединился и гр. Гейден. Вечером 14 июля Шипов уже был в Петербурге. Вот что он там нашел:

«От гр. П. А. Гейдена, Н. Н. Львова, А. И. Гучкова и М. А. Стаховича я узнал, что П. А. Столыпин, занятый сформированием министерства, вступил в переговоры с первыми тремя из перечисленных лиц, в то же время он просил убедить меня принять участие в образуемом им кабинете и говорил, что с таким же приглашением он имеет в виду обратиться к кн. Г. Е. Львову. Я отнесся к мысли об участии моем в кабинете Столыпина отрицательно и высказал, что П. А. Столыпин и я совершенно различно понимаем задачи правительственной власти вообще и особенно в переживаемое время. Я вижу в нем человека, воспитанного и проникнутого традициями старого строя, считаю его главным виновником роспуска гос. думы и лицом, оказавшим несомненное противодействие образованию кабинета из большинства гос. думы; не имею вообще никакого доверия к П. А. Столыпину и удивляюсь, как он, зная хорошо мое отношение к его политике, ищет моего сотрудничества. Н. Н. Львов, А. И. Гучков и М. А. Стахович, примирившиеся с фактом роспуска гос. думы, видели в П. А. Столыпине человека, способного в сотрудничестве с общественными деятелями осуществить реформы, вызываемые манифестом 17 октября, и старались убедить меня в правильности их точки зрения.

Гр. П. А. Гейден скептически относился к этим предположениям, склонялся к моей оценке политической физиономии П. А. Столыпина, но, тем не менее, находил лучшим не уклоняться от переговоров с ним и постараться выяснить определенно его намерения и программу. Несколько дней

спустя, гр. П. А. Гейден очень метко и ярко определил, зачем Столыпину нужны были услуги общественных деятелей. «Очевидно,—заметил он Шипову, с характерным для него юмором,—нас с вами приглашали на роли наемных детей при дамах легкого поведения». Понимал это прекрасно и сам Д. Н. Шипов. «Для нас обоих, т.-е. для кн. Г. Е. Львова и меня, было совершенно ясно, что П. А. Столыпин желает привлечь нас к участию в кабинете не в силу того, чтобы предоставить нам возможность содействовать действительному проведению в жизнь начал, положенных в основу манифеста 17 октября, а лишь потому, что он, хотя человек очень самоуверенный и смелый, тем не менее опасается общественного противодействия своим начинаниям и в нашем участии в кабинете видит только средство для примирения возбужденного общественного настроения с правительством».

Тем не менее, ему и кн. Львову на следующий день пришлось видется с П. А. Столыпиным, в качестве деятелей общеземской организации для продовольственной помощи населению. Вот как это случилось:

«15 июля в С.-Петербург приехал кн. Г. Е. Львов, как председатель общеземской организации, для переговоров с министром внутренних дел по вопросу об организации продовольственной помощи населению. О своем приезде он сообщил тотчас же П. А. Столыпину, не зная еще ничего об его намерениях по образованию кабинета, и просил назначить время приема. В этот день все упомянутые выше общественные деятели собрались в гостиннице «Франция» за завтраком и в беседе между собой обсуждали занимавший всех нас вопрос. В это время кн. Г. Е. Львову доложили, что его просит по телефону председатель совета министров. Возвратясь в столовую, Г. Е. сказал, что П. А. Столыпин просит

его и меня, как членов управления общеземской организации, приехать к нему на дачу сегодня в 4 часа дня для переговоров по вопросу о продовольственной помощи населению при содействии общеземской организации. Я предчувствовал, что в этом приглашении готовится ловушка, но формально дело было поставлено так, что уклониться от этого свидания было невозможно».

IV

Бесплодные попытки.

Свидание Д. Н. Шипова с П. А. Столыпиным состоялось— и вышло беспорядочным и бурным. Обе стороны волновались, перебивали друг друга, перескакивали с предмета на предмет: вместо переговоров вышла словесная борьба. Д. Н. Шипов признает невозможность воспроизвести эту беседу в систематическом порядке.

Вот как Д. Н. Шипов рассказывает о ней:

«Как только мы вошли в кабинет, П. А. Столыпин обратился ко мне со словами: «Вот, Д. Н., роспуск думы состоялся; как теперь относитесь к этому факту?». Я отвечал что П. А. известно мое отношение к этому факту, и я остаюсь при своем убеждении. Такое начало не могло не отразиться на настроении вопрошавшего и на предстоящих переговорах. После моей реплики П. А. Столыпин сказал: «Я обращаюсь к вам обоим с просьбой войти в состав образуемого мной кабинета и оказать ваше содействие осуществлению конституционных начал, возвещенных манифестом 17 октября». Мы говорили, что прежде чем дать наш ответ, нам необходимо ознакомиться с политической программой председателя совета министров. П. А. заявил, что теперь не время для

слов и для програм; сейчас нужны дело и работа. Мы указывали на необходимость решительной перемены правительственной политики и скорейшего созыва новой гос. думы. П. А. говорил, что прежде всего для успокоения всех классов населения нужно в ближайшем же времени дать каждой общественной группе удовлетворение ее насущных потребностей и тем привлечь их на сторону правительства. Делу поверят скорее и больше, чем словам.

Иллюстрируя свою мысль, П. А. говорил, между прочим, что нужно будет привлечь и влиятельных евреев, выяснив с ними, что необходимо и возможно предоставить теперь же еврейству, в целях успокоения революционного в его среде настроения. Мы горячо возражали против такой политики и указывали, что, во всяком случае, никакие мероприятия, нуждающиеся в законодательной санкции, не могут быть осуществляемы помимо законодательных учреждений, и недоумевали, как правительство может предрешать после 17 октября 1905 года помимо народного представительства, какие именно реформы должны быть проведены в жизнь. П. А. Столыпин заявил, что ему совершенно ясно, какие мероприятия являются неотложными и требуют скорейшего осуществления. Он критически относился к законодательной способности гос. думы, особенно в первое время, и еще подтвердил свою уверенность, что правительство сумеет предоставить безотлагательно всем классам населения то, что им действительно нужно.

Мы обращали его внимание, что раз высочайшею властью населению предоставлено право самоопределения в государственной жизни, осуществляемое посредством избираемых им представителей, то как правительство его величества может нарушить это право? Если даже допустить всегда возможные ошибки законодательных учреждений, то пусть на-

селение будет знать, что эти ошибки — ошибки его избранников, и будет иметь это в виду при следующих выборах; ошибки же правительства будут только питать еще более неприязнь к нему населения. Я сказал П. А. Столыпину:

«Какая же будет разница между характером вашей политики и политики ваших предшественников; разве гр. Толстой [64]), Сипягин [65]), Плеве [5]) не желали блага России, как они его понимали; разве гр. Витте не говорил, что он знает, что нужно для счастья России? Если их политика была, однако, пагубна для страны, то они, по крайней мере, имели оправдание в том, что действовали при старом строе; но как можно итти теми же путями после акта 17 октября? Я не сомневаюсь, что такая политика приведет правительство на путь реакции и не только не внесет в страну успокоения, но заставит вас прибегнуть через два-три месяца к самым крутым мерам и репрессиям».

П. А. Столыпин был этими словами крайне возбужден и воскликнул:

«Какое право имеете вы это говорить!?» «Вы приглашаете меня вступить в ваш кабинет», отвечал я, «и я считаю себя обязанным откровенно высказать вам свое убеждение». В дальнейшем кн. Львов и я пытались выяснить те условия, при которых мы сочли бы возможным принять приглашение П. А. Столыпина, а именно: привлечение общественных деятелей в кабинет должно быть высочайшим актом об'яснено целью создания необходимого взаимодействия правительства и общества; общественным деятелям, об'единившимся между собой на одной политической программе, должна быть предоставлена половина мест в кабинете и в том числе портфель министра внутренних дел; новым кабинетом должно быть опубликовано правительственное сообщение, определяющее задачи, которые ставит себе кабинет; должны быть подгото-

влены к внесению в гос. думу законопроекты по важнейшим вопросам государственной жизни, регулирующие пользование свободами, дарованными манифестом 17 октября; применение смертной казни должно быть немедленно приостановлено впредь до разрешения вопроса законодательным порядком.

П. А. Столыпин выслушивал наши заявления невнимательно, иногда возражал или отзывался очень неопределенно и в заключение сказал, что теперь не время разговаривать о программах, а нужно общественным деятелям верить царю и его правительству и самоотверженно отнестись к призыву правительства при тяжелых обстоятельствах, в которых находится страна.

Видя, что мы не находим общего языка с П. А. Столыпиным и совершенно различно оцениваем значение переживаемого времени, кн. Г. Е. Львов и я сочли дальнейший обмен мнений с председателем совета министров бесполезным и, простившись с ним, удалились».

V

Попытка «обновления» строя.

Казалось, этой беседой-перебранкой вопрос об участии обоих посетителей в кабинете Столыпина был решен окончательно. Но Н. Н. Львов, М. А. Стахович и А. И. Гучков не хотели сдаваться.

Гр. Гейден, соглашавшийся признать, что Столыпин неискренен и что сговориться с ним невозможно, тем не менее тоже не обрывал переговоров. В ответ на рассказ Д. Н. Шипова и кн. Г. Е. Львова, — Н. Н. Львов, М. А. Стахович и А. И. Гучков «продолжали выражать доверие готовности и

способности председателя совета министров честно вступить на путь обновления нашего государственного строя, полагали, что между нами двумя с одной стороны и П. А. Столыпиным с другой — имели место в переговорах какие-либо недоразумения, вследствие которых мы плохо друг друга поняли, и сожалели, что и мы пришли к окончательному отрицательному решению».

Это уже была если не неискренность, то очевидная предвзятость. Однако, уступая друзьям, Шипов и кн. Львов 17 июля отправили Столыпину письмо, в котором еще раз, подробно и систематически, повторяли свои доводы и формулировали условия своего участия. Опять они утверждали, что ослабить революцию можно только «открытым выступлением правительства навстречу свободе и социальным реформам», осуждали политику «приготовления общества к свободным реформам маленькими уступками», требовали 7 портфелей из 13 (в том числе министра внутрен. дел), хотели, чтобы эти 7 лиц были «сплочены единством политических взглядов и об'единились на одной политической программе», требовали правительственного заявления о предстоящем внесении в думу законопроектов, в том числе аграрного с «принудительным отчуждением частновладельческих земель», хотя бы в отдельных случаях, приостановки смертных приговоров до созыва думы и амнистии участникам «освободительного движения», «не посягавшим на жизнь людей и частное имущество». Срок созыва думы они предлагали приблизить с февраля 1907 года на 1-е декабря 1906 года.

Д. Н. Шипов откровенно признает, что все эти предложения делались не только для очистки совести. Оба подписавшихся все еще думали, что или их заключение из беседы с Столыпиным «могло быть ошибочным», или Столыпин мог

их неправильно понять. К чувству ответственности примешивалась, очевидно, и некоторая доля наивности. «Весь день (17 июля) мы поджидали», говорит Шипов, «какого-либо отзыва на наше письмо, имея в виду, при желании П. А. Столыпина, вновь его посетить (после того как двумя днями раньше Д. Н. Шипов не хотел посещать ни разу). Допуская возможность такого предположения, мы на всякий случай составили список лиц, из которых мог бы быть составлен коалиционный кабинет». В списке фигурировали: кн. Львов (внутр. дел), Кони [66]) или Лопухин [67]), Мануилов [68]), М. Федоров [69]) или Тимирязев [70]), Шипов, Е. Н. Трубецкой и Гейден.

Мало того, гр. Гейден в течение того же 17 июля, когда продолжалось это ожидание, «был вновь у П. А. Столыпина, по его приглашению», и вновь пытался убедить Столыпина привлечь кн. Львова и Шипова в кабинет, ссылаясь на то, что государь, «судя по впечатлению, вынесенному Д. Н. Шиповым из аудиенции в Петергофе, одобряет определенный искренний переход к новому курсу государственной жизни». Очень любопытен ответ Столыпина на последний довод. Он всецело подтверждает изложенное мною толкование слов государя Шипову.

«По поводу предоставленной мне аудиенции, П. А. сказал, что государь только расспрашивал меня, но ничего не высказывал с своей стороны, и затем П. А. добавил, будто я во время аудиенции, уклоняясь от поручения по сформированию коалиционного кабинета, мотивировал свое решение несочувствием началам, возвещенным манифестом 17 октября, и преданностью идее самодержавия». Характерно это коварство, с которым использованы здесь верноподданнические заявления Шипова, известного противника конституционализма, «конституционалиста по приказу его величе-

ства». Один этот маленький штрих приподнимает завесу над той тонкой игрой, которой свои вовлекали чужих в невыгодную сделку, пытаясь связать их и скомпрометировать соучастием — и ничего не уступая взамен. Тут только и гр. Гейден пришел к приведенному выше меткому сравнению этой игры с приглашением общественных деятелей на роль мнимых детей при дамах демимонда.

VI

По пути «великих потрясений».

Не дождавшись ответа до позднего вечера 17 июля, Шипов уехал в Москву: его обычный жест в таких случаях. Однако же Столыпин знал приличия, и письмо было написано и даже послано в гостиницу «Франция». Как и следовало ожидать, Столыпин и не думал продолжать разговора о вступлении в министерство. Он просто принимал письмо за отказ и выражал «душевное сожаление», что не мог получить «ценного и столь желательного сотрудничества». Это было искренно, даже если понять «ценность» и «желательность» в смысле аналогии гр. Гейдена. Менее искренна была дальнейшая аргументация, изложенная в небрежно спешной и отрывочной форме. «Я не признаю никаких уступок, ни больших, ни маленьких». Смертная казнь, амнистия зависят от «свободной воли монарха»; портфель внутренних дел — от него же: «пока, видимо, государь еще не освободил меня от этой ноши». А приблизить созыв думы? «Конституционалист» Столыпин читает тут урок неконституционалисту Шипову: это «противоречило бы основным законам», столь же дорогим Столыпину, как и «свободная воля монарха». Не удерживается Столыпин и от ядовитого и насмешливого

напоминания: ведь был момент, когда он «говорил о сформировании вами (Шиповым) министерства». Нужно подразумевать: тот случай вы прозевали. А теперь, когда «я предлагал вам и кн. Львову войти в мой кабинет», вы тоже «рассудили иначе». Надо читать: на себя и пеняйте. «Я вам, во всяком случае, благодарен за откровенную беседу». Читайте: на которую, как и государь, я не ответил вам тем же.

В своих воспоминаниях Д. Н. Шипов продолжает полемизировать с письмом П. А. Столыпина. Он отмечает «отсутствие искренности и откровенности», «софизмы» и «недостойные отговорки». Но весь основной тон письма, тон торжествующей иронии, видимо, от него ускользает. Он добросовестно рад не только тому, что, наконец, с него снята ответственность за отказ, но даже и тому, что, повидимому, ему удалось убедить Столыпина, что брать Шипова и Львова в столыпинский кабинет не следует. «Письмо П. А. Столыпина успокоило наше самочувствие, выяснив определенно принципиальную невозможность нашего участия в формируемом им министерстве, что, очевидно, было понято им самим, так как, говоря в своем ответе, что «в общих чертах в программе мы мало расходимся» он, тем не менее, не вызывает нас более на продолжение переговоров». Друзей Шипова оказалось еще труднее убедить, что они — лишние. Из записок Шипова видно, насколько должен был еще возрасти цинизм Столыпина, чтобы сперва гр. Гейден, затем Н. Н. Львов и, наконец, М. А. Стахович пришли к столь, казалось бы, несложному заключению. 20 июля Стахович писал Д. Н. Шипову: «К общему удивлению, ты оказался наиболее правым (в прямом, а не политическом значении слова). А. Ф. Кони дважды отказывался, потом уступил, наконец вчера отказался окончательно. Столыпин поехал с этим известием в Петергоф и вернулся неузнаваемым. Об'явил, что

свободных только два портфеля; что Щегловитов очень нравится государю; что принимает программы только капитулирующее правительство, а сильное — само их ставит и одолевает тех, кто с ним не согласен; что если большинство совета будет у общественных деятелей, то, значит, он пойдет к ним на службу, и т. д., и т. д. Словом, ты прав: все хотят оставить по-старому, не задумываясь о грядущих выборах и не желая в сущности ни в чем обновиться, а радуясь семимесячной отсрочке. В результате всего этого, убежденные в своей мощи, которую наглядно подтверждают события в Свеаборге, в Самаре, в Кронштадте, бунты на броненосце «Память Азова», в Ревеле и где-то на Кавказе, кроме обычных грабежей и убийств, от которых правительство, конечно, не призвано защищать, — они приглашают в министры Н. Н. Львова и А. И. Гучкова, для чего последние вызваны сегодня в семь часов вечера в Петергоф. Едут, чтобы отказаться, но с намерением высказаться откровенно». Итак, теперь, после Муромцева, после Шипова, все еще «приглашают в министры» общественных деятелей третьей категории, — и даже они «едут, чтобы отказаться». Правда, они все еще собираются «высказаться откровенно», в расчете — не то кого-то в чем-то убедить, не то облегчить душу. Увы, и эта «откровенность» превращается в очень своеобразную форму уступчивости перед лицом власти. 25 июля об этом ехидно сообщает «Новое Время» в официальном сообщении. Оказывается, что общественные деятели не вошли в кабинет потому... что не столковались между собой! Они «желали составить группу лиц единомышленных, которые должны были войти в правительство, но это им не удалось; отдельные же общественные деятели, из которых Н. Н. Львов и А. И. Гучков были приняты его величеством в продолжительной аудиенции, полагали, что они, в целях

мирного проведения реформ, могут оказать большую пользу, не уходя в настоящую минуту от общественной деятельности, которая им свойственна и которая требует мобилизации всех трезвых общественных сил».

Другими словами, последние отказавшиеся из'явили готовность служить правительству не в качестве министров, а в качестве депутатов. Роль, сыгранная в этом направлении А. И. Гучковым, общеизвестна. Какова была та реальная обстановка, при которой власть отказалась от сотрудничества общественности в кабинете, а часть общественности пошла на сотрудничество с властью в формах «лжеконституционализма», — очень хорошо об'яснено в следующих словах Д. Н. Шипова. «Указываемое М. А. Стаховичем успешное подавление революционных вспышек, сравнительно спокойное настроение широких общественных кругов и полное отсутствие какого-либо влияния на население «Выборгского воззвания» устранили, повидимому, опасения П. А. Столыпина, возбужденные ожидавшимся им широким общественным противодействием его политике, и он поспешил отказаться от намерения привлечь в свой кабинет общественных деятелей».

VII

«Не запугаете» — «не обманете».

По поводу записок Д. Н. Шипова было недавно высказано предположение, что если бы русская интеллигенция оказалась более уступчивой и если бы старое земство сыграло ту роль умеренного центра, на которую ему давала право его деловая опытность, то весь ход русских событий мог бы сложиться иначе. Не буду отрицать вредных последствий интеллигентского максимализма, с которым и мне лично приходилось немало бороться. Но ведь говорящие так забывают, что

власть не могла сговориться не только с максималистами. Муромцев даже понравился своей умеренностью, Шипов от его имени обещал вполне приемлемую программу, был поощрен и обласкан, а в результате оказалось, что с ним вели просто двойную игру. Шипов, как кандидат, был еще более сговорчив; он не только не отказывался, но почти навязывал себя. Н. Н. Львов и Гучков были еще податливее и твердо уверовали в политическую честность и личную прямоту Столыпина. И все-таки из всей этой готовности служить — ничего не вышло.

Правда, нам говорят, что в промежутке «соотношение сил» изменилось. Был пропущен момент, и умеренные стали ненужны. Но ведь именно потому и не вышло ничего, что они были нужны только до первой перемены в «соотношении сил». Не говоря уже о том, что русские политические партии были слишком юны, и общественные силы слишком неорганизованы, чтобы иметь возможность гибко маневрировать и «не пропустить момента». Но и по существу победа, основанная только на ловле момента, была одинаково непрочна и для той, и для другой стороны. «Соотношение сил» в пользу старого было прочнее и постояннее быстротечной революционной кон'юнктуры. Однако же, и основанная на этом соотношении сил политика Столыпина могла лишь отсрочить революцию на десять лет, при чем эта отсрочка сопровождалась чрезвычайным углублением революционного процесса.

Только государственное предвидение могло предупредить надвигавшуюся катастрофу. В рядах общественности это предвидение вовсе не было такой уже редкостью. Мы видели, что Шипов ставил в беседе с Николаем II совершенно верный диагноз. Но эти предостережения натолкнулись на такую толщу непонимания и закоренелых предрассудков, которая не вполне пробита в этих слоях даже и теперь, после двух ре-

волюций. В придворных кругах полное незнание русской общественности создавало такие грубые ошибки перспективы, при которых самая элементарная интрига царедворца легко одерживала верх над государственной проницательностью. Вот почему и серьезный компромисс был невозможен, а несерьезный — бесполезен. Общественность тщетно указывала на мели и подводные камни на пути государственного корабля.

«Кормчий» (так называли Столыпина) слишком мало верил в силу нового и слишком полагался на силу старого, чтобы во-время заметить опасность. Он думал, что в самом деле, его только «пугают», и ответил своим знаменитым: «Не запугаете».

Многие тогда увлеклись красотой позы и поверили в убежденность оратора. Я не поверил и тогда же ответил Столыпину в печати: «Не обманете». Теперь уже ясно, что обман должен был быть двойной для полного успеха: обман вверх и обман вниз. Что касается первого, враги Столыпина наверху, не дожидаясь даже конца его эксперимента, стали разочарованно упрекать его: «Вы обещали успокоить Россию, а успокаивали только государя». Что касается обмана книзу, — обмана при посредстве «удовлетворения насущных нужд всех классов», (включая и «влиятельных евреев») при помощи А. И. Гучкова и созданного им правительственного большинства гос. думы, — этот обман был понят и разоблачен еще скорее. И великая Россия вместо того пути демократических реформ, на который звала подлинная (без кавычек) русская общественность, была направлена на путь «великих потрясений» — услужливыми руками царедворца и честолюбца, но не государственного человека — П. А. Столыпина.

* * *

ГРАФ С. Ю. ВИТТЕ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ *)

... Я решил ранее, чем решать дальнейшие вопросы о министерстве, призвать общественных деятелей, которым можно было бы предложить войти в министерство. Я остановился на Шипове [8]) (известном земском деятеле, затем бывшем членом государственного совета от московского земства), полагая предложить ему пост государственного контролера, Гучкове [7]) (нынешнем лидере октябристов в гос. думе, а до 17 октября шедшем вместе с кадетами Милюковым [23]), Маклаковым [71]), Герценштейном [72]) и пр.), полагая предложить ему пост министра торговли, кн. Трубецком [9]) (профессоре московского университета, тогда профессоре киевского университета, затем члене государственного совета), М. А. Стаховиче [11]) (предводителе орловского совета, ныне члене государственного совета), которому я предполагал предоставить место одного из товарищей министров, наконец, кн. Урусове [10]) (бывшем при Плеве кишиневским, а потом тверским губернатором, затем членом первой гос. думы), брате жены несчастного Лопухина [67]). Шипова я лично

*) Приводимый отрывок из воспоминаний Витте посвящен тому времени, когда, после обнародования манифеста 17 октября 1905 г., Витте был назначен председателем учрежденного тогда „совета министров" и приступил к составлению своего кабинета. *Ред.*

знал, хотя мало; во всяком случае, он такой человек, убеждения которого можно разделять или не разделять, но которого нельзя не уважать, так как он чисто и честно провел свою долговременную общественную жизнь.

Гучкова я лично совсем не знал, знал, что он из купеческой известной московской семьи, что он университетский, бравый человек и пользовался в то время уважением так называемого с'езда общественных (земских и городских) деятелей. Я после узнал, что это тот самый Гучков, которого я уволил из пограничной стражи Восточно-Китайской дороги, года два или три до моего с ним знакомства. Повидимому, этот эпизод оставил в Гучкове довольно кислое ко мне расположение.

Стаховича я ранее порядочно знал. Это очень образованный человек, в полном смысле «gentilhomme» *), весьма талантливый, прекрасного сердца и души, но человек увлекающийся и легкомысленный русскою легкомысленностью, порядочный жуир. Во всяком случае это во всех отношениях чистый человек. Он также все время участвовал в с'езде общественных деятелей до 17 октября и после, до 1-й думы, куда он был выбран от Орловской губернии членом. Зная и рассчитывая, что он будет выбран, он от всякого правительственного поста в разговоре со мной отказался, но все время участвовал в совместных совещаниях сказанных общественных деятелей со мною. Вероятно, у того или другого из этих деятелей есть мемуары о нашем совещании с об'яснениями, почему мы разошлись. Очень жаль, что я их не прочту, ибо я старее их летами.

Кн. Трубецкого я тоже лично знал, но он был брат другого профессора кн. Трубецкого, который государю сказал

*) Дворянин, джентльмен. *Ред.*

прогремевшую речь и стал этим весьма популярен. Я говорю о речи, сказанной им, когда он с некоторыми общественными деятелями, в том числе Петрункевичем [36]), был принят государем [73]) уже во время диктаторства Трепова [47]).

Независимо от престижа брата, кн. Трубецкой и лично пользовался в университетской среде прекрасной репутацией. Когда я затем, перед совещанием с вышепоименованными общественными деятелями, в первый раз увидел и познакомился с кн. Трубецким, сделал ему предложение занять пост министра народного просвещения и начал с ним об'ясняться, то сразу раскусил эту натуру. Она так открыта, так наивна и вместе так кафедро-теоретична, что ее нетрудно сразу распознать с головы до ног.

Это чистый человек, полный философских воззрений, с большими познаниями, как говорят, прекрасный профессор, настоящий русский человек, в неизгаженном (союз русского народа) смысле этого слова, но наивный администратор и политик. Совершенный Гамлет русской революции. Он мне, между прочим, сказал, что едва ли он, вообще, может быть министром, и, в конце концов, и я не мог удержать восклицания: «Кажется, вы правы».

О кн. Трубецком я, конечно, ранее слышал, но о кн. Урусове совсем не слыхал. Кн. Н. Д. Оболенский *), уже назначенный обер-прокурором святейшего синода, мне его усиленно рекомендовал в министры внутр. дел. Я расспрашивал о его карьере, она оказалась без каких бы то ни было из'янов, если не считать из'яном невозможность ужиться с бессовестно-полицейскими приемами Плеве, но у меня явилось сомнение в том, может ли он занять столь ответственный

*) Очевидно, опечатка. Следует читать: А. Д. Оболенский, см. прим. 16. *Ред.*

пост, как министра внутренних дел и полиции, в виду полной неопытности его в делах полиции, особливо русской полиции, особого рода после всех провокаторских приемов, насажденных Плеве и Треповым, которые теперь начали проявляться (шила в мешке не утаишь), т.-е. выплыли наружу (Азеф [74]), Гартинг [75]), несмотря на все желание Столыпина эти скандальные истории затушить.

Я высказал мои сомнения кн. Оболенскому, прося его не говорить кн. Урусову, что ему я намерен предложить именно пост министра внутр. дел, хотя кн. Оболенский старался парировать мои сомнения соображением, что кн. Урусов очень тонкий человек и сумеет овладеть деликатным полицейским делом в империи, преимущественно полицейской, а при теперешнем конституционном режиме Столыпина — империи архи-полицейской, ибо суд окончательно подчинился полиции.

Я решил всех вышеупомянутых деятелей вызвать сразу, дабы иметь общее собеседование, что и поручил сделать кн. Оболенскому, но приезд их замедлился, так как некоторые отсутствовали из их постоянного местожительства, а затем забастовка железных дорог задержала (например, кн. Урусова, который оказался в Ялте) с'езд на несколько дней.

Когда кн. Урусов приехал и я с ним познакомился, он на меня произвел прекрасное впечатление, но мое предположение о том, что он не может сразу занять в такое трудное время пост министра внутр. дел, подтвердилось из разговоров с ним. Было ясно, что он не будет иметь достаточный авторитет.

Я очень мало встречался с кн. Урусовым во время моего премьерства (он принял пост товарища министра внутр. дел), а после моего премьерства я его ни разу до сего вре-

мени не видал, но я не знаю ни одного до сего времени факта, который бы дурно рекомендовал его — кн. Урусова. Я его считаю человеком, порядочным, чистым, очень неглупым, но несколько увлекшимся. Но разве он один увлекся?..

По крайней мере, он увлекся не эгоистично, а идейно и остался верным себе. А г. Гучков, ведь он исповедывал те же идеи, был обуян теми же страстями, как и кн. Урусов, и проявлял их более демонстративно, как до 17 октября, так и после, а как только он увидал народного «зверя», как только почуял, что, мол, игру, затеянную в «свободы», народ поймет по-своему, и именно прежде всего пожелает свободы — не умирать с голода, не быть битым плетьми и иметь равную для всех справедливость, то в нем, Гучкове, сейчас же заговорила «аршинная» душа, и он сейчас же начал проповедывать: «Государя ограничить надо не для народа, а для нас, ничтожной кучки русских дворян и буржуа-аршинников определенного колера».

Возвращаюсь к образованию моего министерства после 17 октября. Из предыдущего изложения видно, что к замещению подлежали следующие посты: министра народного просвещения, министра внутр. дел, министра торговли, министра земледелия и государственного контролера, и что для замещения сих должностей мною были приглашены: кн. Е. Трубецкой, кн. Урусов, М. А. Стахович, Гучков и Д. Н. Шипов и что они с'ехались с некоторым замедлением вследствие забастовки на железных дорогах. Вот с этими лицами у меня состоялось несколько совещаний, продолжавшихся дня два или три.

В этих совещаниях, кроме перечисленных лиц, участвовал и кн. А. Д. Оболенский [16]), уже назначенный обер-прокурором святейшего синода, и более никто.

В настоящее время идут различные рассказы о том, что говорилось на этих совещаниях. Все эти рассказы не верны, и ими преследуются те или другие цели. Только перечисленные лица могут воспроизвести в точности, что на совещаниях этих говорилось.

Во время этих совещаний уже выяснилось, что министрами юстиции будет Манухин, иностранных дел — граф Ламсдорф, военным — генерал Редигер, морским — адмирал Бирилев, обер-прокурором синода — кн. Оболенский, финансов — Шипов (И. П.) и земледелия — Кутлер, так как Шванебах ушел, и Стахович ранее совещания заявил, что никакого места в министерстве не примет, желая выбираться в думу. На Кутлере я остановился, как на одном из наиболее деловых сотрудников моих во время управления мною финансами империи и как на человеке чистом и вообще весьма порядочном. Все перечисленные лица не сделали никаких возражений в сказанных совещаниях, т.-е. приглашенные мной общественные деятели не сделали препятствий быть коллегами сказанных лиц. Точно так при обмене мыслей относительно политики министерства также не произошло никаких несогласий, впрочем, на этом предмете долго не останавливались, так как политика моего министерства определялась моим всеподданнейшим докладом, опубликованным одновременно с манифестом 17 октября. Относительно этой политики больше всего разговора вызвал вопрос о выборах в гос. думу. Лица из общественных деятелей желали знать, какой политики я буду держаться относительно выборов в думу, и здесь также у нас не вышло никаких разногласий.

Было выяснено, что вопрос о выборах уже значительно предрешен п. 2-м манифеста 17 октября, который гласит: «Не останавливая предназначенных выборов в гос. думу, привлечь *теперь же* к участию в думе по мере возможности, со-

ответствующей краткости остающегося до созыва думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному порядку». Значит, создание новых начал для выборов против уже установленных законом 6 августа в бытность мою в Америке было невозможно, можно было только расширить круг избирателей, не нарушая основания выборного закона и не замедляя этим расширением созыва 1-й гос. думы, т.-е. осуществление на деле конституции.

Таким образом, в совещании с общественными деятелями, приглашенными принять участие в министерстве, был поднят только вопрос, в какой именно степени будет расширен закон, соблюдая п. 2 манифеста 17 октября. По этому предмету я передал присутствующим, что этот вопрос не предрешен именно потому, что министерство окончательно не сформировано, и что, если они войдут в министерство, то будут совершенно свободны высказывать свои мнения и принять активное и ответственное участие в составлении закона, расширяющего выборный закон 6 августа.

К этому времени уже выяснилось, что крайние левые не успокоились манифестом 17 октября и вообще буржуазной конституцией, что вообще смута в умах так распространилась, что еще придется переживать большие эксцессы с их стороны; но что было самое серьезное, это — то, что конституционно-демократическая партия (кадеты), затем изменившая для большей популярности кличку в партию «народной свободы», которая, конечно, в особенности тогда имела в своей среде людей наиболее культурных и серьезно образованных, не решалась явно порвать свои связи с крайними революционерами, исповедующими революционные насилия, до бомб включительно.

Такое положение вещей, конечно, требовало со стороны начальника полиции во всей империи большой опытности, в особенности в виду того, что в последние годы полиция везде была совершенно дезорганизована. Самое поверхностное знакомство с кн. Урусовым привело меня к заключению, что он в этом деле не имеет никакой опытности. Кн. Оболенский, который так усиленно мне рекомендовал кн. Урусова, после приезда сказанных общественных деятелей на совещание, сам выразил мне сомнение в том, может ли кн. Урусов занять пост министра внутренних дел. Это меня побудило в совещании высказать, что чем более я думаю, тем более прихожу к необходимости предложить пост министра внутренних дел П. Н. Дурново, но большинство членов совещания высказалось против Дурново, с своей стороны не указывая ни на кого, кто бы мог занять этот пост. Было кем-то упомянуто имя Столыпина, некоторые отнеслись к этому предложению сочувственно, но были и такие, которые сказали, что он очень неопределенный, умеет уживаться со всяким направлением. Насколько помню, это выражал Д. Н. Шипов. Я, с своей стороны, сказал, что Столыпина не знаю, но что, как губернатор, он пользуется хорошею репутацией. Затем члены совещания настаивали, чтобы я принял на себя министерство внутренних дел. Я на это согласиться не мог, так как, во-первых, чувствовал, что не буду иметь на это времени, и, действительно, занимая лишь пост председателя совета в это еще не столько революционное, как сумасшедшее время, я занимался по 16—18 часов в сутки, а во-вторых, главное потому, что министр внутренних дел есть министр и полиции всей империи и империи полицейской par excellence, я же полицейским делом ни с какой стороны никогда в жизни не занимался, знал только, что там творится много и много гадостей.

Не в такое время, как мы переживали во время моего министерства, можно было спокойно изучать и затем преобразовывать полицию. В это время нужно было действовать, и каждый день был дорог. Поэтому в крайности я согласился бы принять всякое министерство, не исключая даже военного, тем более, что многие мне были хорошо известны, но я никогда не согласился бы принять министерство внутренних дел, которое было и до настоящего времени у нас в России и есть по преимуществу министерство полиции. Отделять же в то время полицию от министерства внутренних дел и образовывать особое министерство полиции (в виде бывшего III отделения), значило бы в глазах общества итти совершенно вразрез принципам, провозглашенным манифестом 17 октября, т.-е. водворения гражданской свободы.

Вся предыдущая карьера П. Н. Дурново, как я высказывал присутствующим, не дает мне основания относиться к нему критически в такое трудное время. Во всяком случае я его предпочитаю сотрудникам Горемыкина [52]) (Рачковский [48]); директор департамента полиции, ныне сенатор, Зволянский [76]), сотрудникам Плеве (Лопухин, Зубатов [77]), Штюрмер [78]) и сотрудникам Трепова (тот же Рачковский, Гарин [79]), Зубатов).

Теперь же я сказал бы, что я его предпочитаю сотрудникам Столыпина (Курлов [80]), Толмачев, Азеф, Гартинг, Ландезен и проч.).

Кн. Оболенский поддерживал мои соображения относительно Дурново. Но кто меня удивил, это кн. Урусов, который высказал, что в такое время не следует вносить рознь из-за личных симпатий или антипатий, и, чтобы показать на деле, что он не имеет ничего против назначения П. Н. Дурново министром внутр. дел, он готов пойти к нему в товарищи.

После этого наше совещание было прервано, так как приглашенные решили ранее, чем сказать окончательно да или нет, переговорить и обдумать.

Тем временем я виделся с Дурново и высказал ему откровенно, что общественные деятели во всем находятся со мной в согласии и готовы вступить в министерство, но что разногласие произошло лишь по вопросу о назначении министра внутрен. дел, я высказался за назначение его — Дурново, а общественные деятели желают, чтобы я принял это министерство и во всяком случае, повидимому, не желают служить с ним. Он был очень сконфужен, просил меня, если он не будет назначен, скорее его освободить от временного управления министерством после ухода Булыгина и спросил: «Что они против меня имеют?» Я ему ответил, что они не об'ясняют, но, вероятно, все это женские его истории, довольно в свое время нашумевшие. На это он ответил: «Да, действительно, в этом я грешен». Так мы и разошлись.

В то время, когда общественные деятели совещались, войти ли им в мое министерство при министре внутр. дел Дурново или нет, я с своей стороны окончательно решил назначить Дурново. Решение это основывалось на том, что я решительно не видел, кого мне предложить назначить помимо его из таких деятелей, которые знали бы то дело, к которому призываются, не подпадали бы под влияние всей полицейской клики и не были бы манекенами в руках удалившегося, чтобы иметь еще большее влияние, генерала Трепова.

Между тем, когда я заговорил с государем о предстоящем совещании с общественными деятелями и о Дурново, то по поводу предложения о назначении кн. Урусова министром внутр. дел его величество ничего не сказал, а к назначению Дурново отнесся довольно отрицательно. Сам же во время этого разговора ни на кого не указал.

Когда же, уже будучи комендантом, меня спросил Трепов о моих кандидатах на пост министра внутр. дел, и я сказал, что вопрос этот еще не решен, но имеется в виду кн. Урусов, он отнесся к Урусову крайне враждебно, к Дурново недоброжелательно и советовал мне самому взять это министерство. Я ему ответил только, что это невозможно.

Такое отношение к Дурново в Царском селе служило мне также одним из доводов именно в пользу назначения Дурново, так как я уже тогда инстинктивно понимал, что Трепов стремится управлять министерством внутр. дел или, вернее, полицией во всех ее видах, а потому желает или чтобы министром внутр. дел был его человек, или был совершенным новичком и профаном в тех тайнах и пружинах, на которых основывается все полицейское управление империей.

Вечером того же дня, когда у меня было совещание, или на другой день, хорошо не помню, мы опять собрались в том же составе, при чем Д. Н. Шипов, А. И. Гучков и кн. Трубецкой высказались, что они не могут войти в министерство в случае, если министром внутр. дел будет Дурново; я же заявил, что принять министерство внутр. дел не могу и не вижу никого, кто бы мог быть назначен министром внутр. дел в настоящее время, кроме Дурново; кн. Урусов заявил, что он согласен принять место товарища Дурново по министерству вн. дел. На этом мы разошлись, при чем я был бы не искренен, если бы не высказал то, может быть, совершенно неосновательное, впечатление, что в то время общественные деятели побаивались бомб и браунингов, которые были в большом ходу против власть имущих, и что это было одним из внутренних мотивов, который шептал каждому в глубине души: «Лучше подальше от опасности».

Мы разошлись совершенно дружески, употребляя это слово в деловом смысле, и я просил этих лиц обсудить во-

прос о том, в каком смысле и об'еме можно расширить выборный закон, оставаясь в пределах манифеста 17 октября. Они мне сказали, что им удобнее исполнить эту работу в Москве, я просил их сделать это возможно скорее, так как исполнением ст. 2 манифеста замедляются выборы и, следовательно, созыв думы.

★ ★ ★

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПОЛЕМИКА ПО ВОПРОСУ ОБ «ОБЩЕСТВЕННОМ МИНИСТЕРСТВЕ»

1. В обществах и собраниях *)

Сегодня вечером состоялось под председательством А. И. Гучкова заседание центрального комитета союза 17 октября при участии членов партии, живущих в Москве. Заседание было посвящено главным образом речи Гучкова в память П. А. Столыпина.

Первый раз Гучков познакомился с личностью Столыпина, когда гр. Витте формировал кабинет, и шла речь о приглашении в него общественных деятелей. Тогда на совещание были приглашены: профессор кн. Трубецкой, Шипов и сам оратор. Им было предложено вступить в министерство. А. И. Гучков совершенно не хотел принимать портфеля, другие колебались, но во всяком случае все ставили известные условия. Прежде всего они хотели знать, кто будет их товарищем по кабинету, главное — кто будет министром внутр. дел. Гр. Витте говорил о Дурново. Против него решительно запротестовали все присутствовавшие общественные деятели. Гр. Витте предложил компромисс в виде назначения товарищами Дурново кн. Урусова и Лопухина, которые будут-де сдерживать Дурново, но общественные деятели решительно высказались против Дурново. Тогда кн. Оболенский, присутствовавший на собрании, выдвинул имя Столыпина, рекомендуя его с прекрасной стороны. После долгих переговоров и колебаний

*) «Новое Время», 15 сентября 1911 года

граф Витте взял телеграфный бланк и написал вызов Столыпину в Петербург. Общественные деятели ушли в полной уверенности, что в кабинете будет Столыпин, но на другой день гр. Витте собрал их и заявил, что передумал и остается при Дурново. Столыпин появляется уже после, когда перед созывом 1-й гос. думы Горемыкиным был сформирован кабинет. Тут состоялось и непосредственное знакомство Гучкова со Столыпиным. Когда во время 1-й гос. думы зашла речь о кадетском кабинете, и вопрос об образовании его был в принципе почти решен, П. А. Столыпин был тот, который восстал против этой мысли и которому удалось доказать нежелательность такой комбинации.

---

2. Опровержение Гучкова *).

А. И. Гучков прислал нам письмо, в котором просит заявить, что заседание центрального комитета союза 17 октября в Москве было закрытое, представители печати на нем не присутствовали, и этим, очевидно, об'ясняется, что сообщение нашего московского хроникера о произнесенных г. Гучковым речах совершенно не соответствует истине.

---

3. Опровержение Витте **).

Гр. С. Ю. Витте просит нас напечатать нижеследующее:

В «Новом Времени» от 15 сего сентября, в отделе «В обществах и собраниях» помещен отчет о заседании центрального комитета союза 17 октября...

В этом изложении содержится целый ряд сведений и утверждений, не соответствующих истине.

1. Гр. Витте в совещании, о котором идет речь, были приглашены следующие общественные деятели: Д. Н. Ши-

*) «Новое Время», 16 сентября 1911 года.
**) «Новое Время», 25 сентября 1911 года.

пов, которому был предложен пост государственного контролера; А. И. Гучков, которому был предложен пост министра торговли; кн. Е. Н. Трубецкой, которому был предложен пост министра народного просвещения; кн. Урусов, которому предполагалось предложить пост министра внутр. дел, и М. А. Стахович, которому ничего не было предложено, так как он сразу заявил гр. Витте, с которым находится доныне в самых дружественных отношениях, что желает баллотироваться в члены гос. думы и потому не считает удобным принять какой-либо правительственный пост; остальные же лица, *в том числе и А. И. Гучков,* не отказывались принять портфели и только ставили некоторые условия. Все эти деятели, кроме кн. Урусова, были известны гр. Витте, кн. же Урусов был рекомендован ему на пост министра внутр. дел кн. А. Д. Оболенским. Кроме вышеуказанных лиц и гр. Витте, в сказанном совещании принимал еще участие только кн. А. Д. Оболенский.

2. Из предварительных, до совещания, об'яснений с кн. Урусовым гр. Витте сделалось известным, что кн. совсем не знаком с организацией и функциями русской секретной полиции, и потому ему не был предложен пост министра внутр. дел. По той же причине гр. Витте не мог последовать совету совещания принять самому, оставаясь председателем совета министров, этот пост. Во время совещания кн. А. Д. Оболенским был также предложен на пост министра внутр. дел саратовский губернатор П. А. Столыпин. Некоторые из присутствовавших отнеслись к этому предложению сочувственно; двое заявили, что Столыпина не знают; один заявил, что, насколько ему известно, Столыпин в своих действиях и мнениях неопределенен и изменчив. Граф же Витте на это предложение никак не реагировал, никакой депеши Столыпину не давал и не предполагал давать, находя, что предлагаемый кандидат не может занять место министра внутр. дел, не будучи знаком с некоторыми частями министерства и, главным образом, так же, как и кн. Урусов, не будучи совсем знаком с организацией и функциями руской секретной полиции. Поэтому гр. Витте на пост министра внутр. дел *с самого начала* совещания предложил П. Н. Дурново и настаивал на этом предложении, сознавая всю ответственность,

которая на нем лежит, в случае катастрофы по неопытности министра внутренних дел, подобно той, которая произошла в Киеве и которая могла иметь еще *неизмеримо* более ужасные последствия, не произошедшие не вследствие распорядительности и опытности министра внутр. дел, а по божьей милости.

Если подобная катастрофа оказалась возможной через пять лет после оставления гр. Витте поста председателя совета и после засвидетельствования «успокоения», то тем паче их гр. Витте следовало опасаться во время *полной смуты* конца 1905 и первой половины 1906 годов, когда гр. Витте был премьером.

3. В первом заседании совещания между гр. Витте и вышеупомянутыми общественными деятелями последовало принципиальное согласие по всем главным вопросам, за исключением вопроса о назначении министра внутр. дел. Гр. Витте настаивал на назначении Дурново, а общественные деятели, за исключением кн. Урусова, высказывались против этого назначения. Кн. Урусов убеждал своих коллег по совещанию, ввиду трудного момента и невозможности медлить, согласиться на назначение Дурново и, с своей стороны, чтобы показать пример, заявил, что готов принять пост товарища Дурново по министерству. Вследствие такого разногласия, заседание совещания было отложено на несколько часов. В следующем заседании Шипов, Гучков и кн. Трубецкой заявили, что они не могут войти в министерство, где будет Дурново, а гр. Витте заявил, что он сожалеет, что лишается столь почетных коллег, но не может отказаться от назначения Дурново.

Поэтому образование министерства с общественными деятелями не состоялось, и Дурново был назначен, но только управляющим министерством внутр. дел, *хотя гр. Витте был представлен в министры.* Товарищем Дурново одновременно был назначен кн. Урусов, а о назначении Лопухина товарищем министра внутренних дел не было ни в совещании, ни вне его речи. Лопухин не мог входить в предположение гр. Витте уже потому, что он был правой рукой В. К. Плеве.

---

4. Письмо в редакцию «Нового Времени» *).

М. г. В № 12765 вашей уважаемой газеты помещено письмо гр. С. Ю. Витте с возражением против некоторых мест того доклада (кстати, с большими искажениями переданного в газетах), который был сделан мною в заседании центрального комитета союза 17 октября. В общем, гр. Витте излагает правильно ход дела с первой попыткой образовать правительство, как тогда называлось, из «общественных деятелей», и не вступает ни в какие противоречия с той версией, которая была сообщена мною в моем докладе. Однако, встречаются подробности, которые представляют известный интерес, но, за давностью времени, или запамятованы гр. Витте, или сохранились в его памяти в искаженном виде. И немудрено: ведь среди той кипучей работы по постройке новой России на основах манифеста 17 октября, которой, казалось, был поглощен новый председатель совета министров, те переговоры, которые он вел с группой общественных деятелей, представляли для него небольшой эпизод, который мог и не сохранить отчетливого следа в его памяти. Внимание его собеседников было более пристально и могло оставить более резкий отпечаток в их воспоминаниях об этих событиях.

Главным пунктом разногласия в переговорах явился действительно вопрос о замещении поста министра внутр. дел. Гр. Витте с самого начала весьма категорически высказал, что единственным его кандидатом на этот пост является П. Н. Дурново (тогда товарищ министра, заведывавший полицией). Главным доводом в пользу этого кандидата выставлялось его близкое знакомство с делами полиции, охраны, борьбы с революционными партиями: «он держит в руках все нити». Собеседники гр. Витте не менее категорически возражали против этой кандидатуры. Возражения их имели в виду не столько политическую, сколько моральную фигуру кандидата. Ведь политическая физиономия господина Дурново в то время еще мало обрисовалась, а я лично имел некоторые

*) «Новое Время», 27 сентября 1911 года.

веские данные, чтобы считать будущего борца против революции не столь непримиримым реакционером, каким он, видимо, перейдет в потомство. Я имел основание считать его достаточно гибким и покладистым, чтобы сделаться верным слугою всякого политического порядка, лишь бы этот порядок был прочен. На основании этих данных я легко мог себе представить господина Дурново в качестве министра внутренних дел при том конституционно-монархическом строе, который был заложен манифестом 17 октября, правда, при условии, чтобы этот строй был вне посягательств. Повторяю, главные возражения против этой кандидатуры относились к нравственной личности кандидата, к событиям из его прошлого, между прочим и к тому происшествию, которое нашло себе характеристику в одной высочайшей отметке. Горячим защитником кандидатуры господина Дурново явился, действительно, кн. С. Д. Урусов, впоследствии член 1-й гос. думы. «Дурново лучше, чем его репутация», — говорил нам этот защитник, который и поступил вполне последовательно, согласившись итти к господину Дурново в помощники, в то время, как другие собеседники наотрез отказались сделаться его коллегами.

Может быть, не изгладилась из памяти графа Витте еще одна подробность этого эпизода. Был момент, правда непродолжительный, когда он уступил своим собеседникам и отказался от своего кандидата. Все описываемое происшествие имело место сейчас же после манифеста 17 октября, — когда царствовала самая широкая, я бы сказал, необузданная свобода печати. Председателю совета министров было доложено, что в распоряжении некоторых редакций имеется ужасающий материал разоблачений из прошлого его кандидата, что громовые статьи готовы в наборе и ждут только появления указа о назначении нового министра, чтобы вылить ушаты грязи на него и на все правительство, принявшее ответственность за такое назначение.

То, чего не могли достигнуть наши доводы в томительные дни длящихся переговоров, то в миг было достигнуто призраком скандала. Надо отдать справедливость гр. Витте, что общественное мнение всегда представлялось ему силой, с которой следует ладить и за которой стоит ухаживать. Кан-

дидатура господина Дурново пала, и тогда-то начались поиски новых кандидатов. Впервые тогда для меня прозвучало имя П. А. Столыпина. Гр. Витте прав: имя это было названо кн. А. Д. Оболенским, который очень горячо отозвался о выдающихся способностях саратовского губернатора. Кое-кто подтвердил, кое-кто отозвался незнанием. Определенно помню: отрицательного отзыва, о котором пишет гр. Витте, никто не делал. Вероятно, гр. Витте впадает невольно в весьма естественную ошибку, перенося свое позднейшее отрицательное суждение о личности покойного председателя совета министров на тот момент первого знакомства с самым именем его. В это же время всплыла и кандидатура господина Лопухина, бывшего директора департамента полиции при Плеве, а впоследствии эстляндского губернатора. Лопухин был назван кн. Е. Н. Трубецким, который, в качестве его двоюродного брата, мог, конечно, лучше других судить о степени пригодности его к роли руководителя нашей внутренней политики. Кандидатура эта была, однако, можно сказать, одним взмахом устранена самим гр. Витте, который напомнил о трусливом поведении эстляндского губернатора, позорно капитулировавшего в дни свобод в Ревеле. Позднейшая печальная история бывшего директора департамента полиции только подтвердила справедливость отрицательного к нему отношения гр. Витте.

Вскоре, однако, произошла новая перемена. При возобновлении переговоров гр. Витте заявил собеседникам с прежнею категоричностью, что он не может обойтись в своем кабинете без П. Н. Дурново. Нам оставалось только предостеречь в последний раз против той злосчастной точки зрения, в силу которой в основу выбора лица для руководства нашей внутренней политикой и, следовательно, в основу всей этой политики ставились интересы охраны, политического сыска и борьбы с крамолой. Нам казалось, что при всей важности этих задач, они должны заслонить собой ту необ'ятную область вопросов внутренней политики, которая при нормальных условиях должна бы составлять главное содержание деятельности государственной власти.

В частности, возвращаясь к личности будущего министра внутр. дел, я говорил гр. Витте: «Призывая к власти нас,

людей с воли, вы ищете не хороших техников, не хороших ведомственных министров. Среди ваших чиновников вы найдете на эти роли людей лучше нас. Вам нужны общественные деятели, которые принесут с собой, как бы авансом, в кредит, известную долю общественного доверия со стороны тех кругов, которые они представляют. Если бы мы, уступая вашим доводам, согласились стать коллегами господина Дурново, общественное мнение в миг развенчало бы нас, мы потеряли бы общественное значение, а следовательно и всякую цену для вас. В таком случае возьмите ведомственных министров: они вам более подходящи». ,

Переговоры были прерваны. Кабинет составился при участии П. Н. Дурново. Гр. Витте, как видно, остался вполне доволен своим выбором, но и мне также не приходится раскаиваться в своем поведении.

А. Гучков.

---

5. Письмо С. Витте в редакцию «Речи» *)

Вследствие отказа редакции «Нового Времени» поместить полностью мое письмо в редакцию, прошу вас напечатать его в вашей газете.

Только что получил «Новое Время» от 27 сего сентября, в котором помещено письмо А. И. Гучкова по моему адресу.

А И. Гучков ныне признает, что мои раз'яснения в общем изложены правильно, а, следовательно, многие факты в речи А. И. Гучкова так, *как они были переданы* в «Новом Времени», не соответствуют действительности. «Но встречаются подробности, говорит А. И. Гучков, которые представляют известный интерес и которые запамятованы гр. С. Ю. Витте». Какие это подробности?

«Главным пунктом разногласия (в совещании с общественными деятелями), — говорит А. И. Гучков,—явился, действительно, вопрос о замещении поста министра внутренних дел. Гр. Витте *с самого начала* высказался, что единственным его кандидатом на этот пост является П. Н. Дурново

---

*) «Речь», 8 октября 1911 года.

(тогда товарищ министра внутренних дел, заведывающий полицией)» (sic!). «Главным доводом в пользу этого кандидата выставлялось его близкое знакомство с делами полиции, охраны, борьбы с революционными партиями: «он держал в руках все нити». «Собеседники гр. Витте (кроме кн. Урусова) не менее категорически возражали против этой кандидатуры». Далее А. И. Гучков говорит: «может быть, не изгладилась из памяти гр. Витте одна подробность этого эпизода. Был момент, *правда, непродолжительный*, когда он уступил своим собеседникам и отказался от своего кандидата». «Ему было доложено, что в распоряжении некоторых редакций имеется ужасающий материал из прошлого его кандидата, что громовые статьи готовы в наборе и ждут появления указа о его назначении, чтобы вылить ушаты грязи на него и на все правительство, принявшее ответственность за такое назначение».

Вот это есть первая подробность, которая мною запамятована...

В совещании с общественными деятелями, как я уже писал, я выставил единственного кандидата (по тому времени) на пост министра внутр. дел — П. Н. Дурново, и высказал тогда же доводы к такому моему бесповоротному решению. Но доводы эти были несколько иные, нежели те, которые изложены выше. А. И. Гучков или запамятовал, или ему не было известно, что П. Н. Дурново, хотя тогда и был товарищем министра внутренних дел, но *не заведывал полицией и не имел к ней касательства,* а потому я никак не мог указывать на это обстоятельство в пользу моего кандидата. П. Н. Дурново заведывал полицией в качестве директора департамента при министрах внутр. дел — гр. Толстом и Иване Николаевиче Дурново [81]), а затем был сделан сенатором. Потом, через несколько лет, он был приглашен на пост товарища министра внутренних дел Д. С. Сипягиным [65]) и оставался на этом посту при Сипягине, Плеве, кн. Святополк-Мирском [82]) и Булыгине [83]), но ни при одном из этих министров не заведывал полицией и не имел к ней прямого касательства, *а заведывал почтами и телеграфом.* При А. Г. Булыгине всею полицией, на особых правах, заведывал генерал Трепов, а ближайшими его помощниками были

директор департамента полиции, ныне сенатор, Гарин, а его действительным помощником — Рачковский.

В это ужасное время смуты и неурядицы, после 17 октября, я и принял пост председателя совета министров и собрал совещание с некоторыми общественными деятелями, которым было предложено войти в мое министерство. Доводы, которые я им тогда представлял в пользу моего решения представить на пост министра внутр. дел П. Н. Дурново, были следующие. Я высказал, что у нас со времени уничтожения при гр. Лорис-Меликове [84]) третьего отделения, к сожалению, заведывание всею, как секретной, так и наружной полицией соединено с обширнейшим министерством внутренних дел. Что на пост министра внутр. дел нашлись бы лица, которые удовлетворяли бы всех присутствовавших в совещании, но между ними нет лица, которому известны организация и функции русской секретной полиции. В настоящее время, говорил я, рез'единить полицию от министерства внутренних дел, что необходимо сделать в будущем, невозможно, хотя бы уже потому, что это даст повод кричать, что после 17 октября прежде всего восстановили ненавистное в свое время III отделение. С другой стороны, смута охватила всю империю, а потому, по лежащей на мне ответственности за безопасность царствующего дома и за жизнь граждан Российской империи, я считаю необходимым, чтобы министр внутр. дел, вступающий в управление в момент революции, мог бы сразу взять в руки весь полицейский аппарат и с надлежащей компетентностью им управлять: дабы не было Азефов, Богровых [85]) и других многочисленных по выражению погибшего министра внутр. дел, «идейных добровольцев», к которым он причислил также «Казанцева» [86]), и которые расплодились тысячами за последнее время. Для того, чтобы назначить на пост министра внутр. дел человека, которому сейчас же придется принимать решительные меры в области полиции, а не учиться и ссылаться на других, мне приходится выбирать, — говорил я, — или из сотрудников и учеников В. К. Плеве, или из сотрудников генерала Трепова, или предложить пост министра внутр. дел П. Н. Дурново, человеку твердому, решительному и знающему организацию русской секретной полиции.

Вот какие доводы в пользу выбора П. Н. Дурново мною были представлены, — выбора, который мною был бесповоротно решен до совещания, а потому я думаю, что А. И. Гучкову показалось, что во время совещания был *непродолжительный* момент, когда я отказался от своего кандидата. Но, во всяком случае, был ли такой момент ли нет, это такая подробность, которая едва ли имеет какое-либо значение для дела.

В заключение своего изложения рассматриваемого эпизода А. И. Гучков замечает: «Переговоры были прерваны. Кабинет составился при участии П. Н. Дурново. Гр. Витте, как видно, остался вполне доволен своим выбором, но и мне не приходится раскаиваться в своем поведении».

Я, действительно, остался доволен своим выбором в том отношении, что во время полнейшей смуты, когда я находился во главе правительства, не было такой поразившей весь мир своими сказочными особенностями катастрофы, которая произошла в Киеве [87]), не было покушений не только на лиц царствующего дома, но и на более или менее видных деятелей и проч. и проч., а между тем, в мое время также не было института исключительного порядка смертных казней, установленного и получившего, так сказать, право гражданства во время расцвета 3-й гос. думы, то-есть расцвета «нового политического строя», — по выражению А. И. Гучкова, такого применения смертной казни, о котором не мечтали до 17 октября и во время моего премьерства даже самые крайние реакционеры. Если же замечание А. И. Гучкова о моем полном довольстве выбором относится до течения общей политики того времени, то я разошелся с тем течением политики, которое явилось после некоторого времени моего премьерства и к которому склонился и П. Н. Дурново, а потому, собравши гос. думу, я просил государя императора оказать мне милость и сложить с меня председательствование в совете министров.

Другая подробность, на которую указывает А. И. Гучков, как на такую, которую я запамятовал, касается того, что в сказанном совещании никто не высказался о предложенном на пост министра внутр. дел П. А. Столыпине отрицательно, — между тем, я сказал, что один из присутствующих

в совещании заявил, что, «насколько ему известно, Столыпин в своих действиях неопределителен и изменчив». Смею утверждать, что это не я запамятовал. Я не считаю себя вправе в печати указать, кто именно из уважаемых членов совещания, видный общественный деятель, высказал отрицательное мнение о Столыпине, но если А. И. Гучкову угодно, ему лично я это напомню.

Граф Витте

Биарриц, 30 сентября 1911 г.

---

6. Союз графа Витте и П. Н. Дурново с кадетами *)

(Справка) **)

Возникшая между А. И. Гучковым и гр. С. Ю. Витте газетная полемика уже в достаточной мере обнаружила своеобразную забывчивость гр. Витте в вопросах, касающихся известных переговоров бывшего премьера-министра с группой общественных деятелей.

Вполне доверяя, что иные эпизоды могли быть легко забыты гр. Витте, нам кажется, что он сознательно умалчивает о многом, что не могло изгладиться из его памяти. Между тем, для освещения известных исторических моментов нужна абсолютная правда, невзирая на то, какую тень она бросает на тех или иных деятелей данной эпохи. Во имя этого принципа нам думается, что теперь своевременно напомнить гр. Витте одну очень характерную деталь обстоятельств, при которых П. Н. Дурново был назначен министром внутр. дел.

В дни переговоров гр. Витте с общественными деятелями кн. Е. Н. Трубецкой состоял членом конституционно-демократической партии. Не желая вводить гр. Витте в какое-либо заблуждение, кн. Трубецкой счел себя обязанным предупредить его, что о всех его переговорах с общественными

---

*) «Голос Москвы» 14/X 1911 г.

**) Изложенные в этой заметке сведения получены нами из вполне осведомленного и безусловно достоверного источника с ручательством за полное соответствие приведенных данных действительности. *Прим. ред. «Голоса Москвы»*.

деятелями он, кн. Трубецкой, будет поставлять в известность бюро своей партии, ежедневно собиравшееся для обсуждения текущих дел в квартире проф. Петражицкого.

Когда кн. А. Д. Оболенским была выдвинута кандидатура в министры внутр. дел П. А. Столыпина, кн. Трубецкой сообщил об этом руководителям к-д. партии. Против кандидатуры П. А. Столыпина особенно горячо восстал г. Петрункевич, указавший, что Столыпин, только что арестовавший каких-то земских врачей в Саратовской губернии, является лицом, совершенно не удовлетворяющим требованиям момента, что его назначение будет принято «третьим элементом», как вызов, и что, в крайнем случае, надо посоветовать гр. Витте назначить министром внутр. дел скорее Дурново, чем Столыпина. Прочие деятели к.-д. партии вполне согласились с мнением Петрункевича, и кн. Трубецкому было поручено передать гр. Витте заключение общественных деятелей, заседавших в квартире г. Петражицкого.

На следующее утро кн. Е. Н. Трубецкой поехал к гр. Витте и в точности передал отзыв бюро к.-д. партии об обоих кандидатах.

Гр. Витте сказал, что он вполне присоединяется к мнению Петрункевича и К°, и тогда же он об'явил окончательно, что министром внутр. дел может быть только П. Н. Дурново.

Как известно, это решение заставило Д. Н. Шипова и А. И. Гучкова прекратить дальнейшие переговоры о вступлении в министерство гр. Витте, который, с расчетом или бессознательно, пошел по указке кадетской партии.

Знал ли П. Н. Дурново, что на министерское кресло его посадили кадеты, — об этом надо спросить исполнителя кадетских предначертаний — гр. Витте.

---

7. Беседа с кн. Трубецким *)

(По телефону от нашего корреспондента)

Ваш корреспондент беседует сегодня с кн. Е. Н. Трубецким по поводу интервью с ним, появившегося в «Новом Времени».

*) «Речь» от 19 октября 1911 г.

Как известно, кн. Трубецкой подтвердил корреспонденту «Нового Времени» достоверность напечатанного в «Голосе Москвы» сообщения о переговорах гр. Витте с общественными деятелями в 1905 г.

— Не ошибся ли корреспондент «Нового Времени», приписав вам утверждение, что все сообщенное «Голосом Москвы» совершенно точно? — спросил ваш корреспондент кн. Трубецкого.

— Нисколько не ошибся, — ответил кн. Трубецкой. — Я могу сказать даже больше, — сообщение «Голоса Москвы» настолько точно, что у меня является сильное подозрение, не подслушал ли кто-либо мой частный разговор о событиях, интерес к которым подогрела полемика Гучкова с Витте. Иначе, если не признать это сообщение делом чьей-то нескромности, трудно понять, кто другой мог с такой точностью изложить мою роль в этом деле.

— Таким образом, вы подтверждаете точность сообщения «Голоса Москвы» в той его части, где говорится, что вы, с ведома гр. Витте, осведомляли о переговорах с ним бюро партии, собиравшееся в квартире проф. Петражицкого?

— Это совершенно верно. Вот только слово «бюро», пожалуй, не годится. Следовало бы сказать — «руководителей партии».

— Может быть, вы найдете какие-нибудь неправильности в другой части сообщения «Голоса Москвы», касающейся роли И. И. Петрункевича? Газета утверждает, что г. Петрункевич горячо восставал против кандидатуры Столыпина и рекомендовал, в крайнем случае, посоветовать гр. Витте назначить министром внутр. дел Дурново.

— Нет, и в этой части сообщения все верно, кроме одной детали, мною уже оговоренной в «Новом Времени», и вам, очевидно, известной. И. И. Петрункевич утверждал, что, если выбирать между Столыпиным и Дурново, то следует остановиться на последнем, потому что личные качества в данном случае имеют меньшее значение, чем качества политические. Дурново, как политик, — величина неизвестная. Столыпин же в этом смысле вполне определился высылкой из Саратовской губернии земских врачей, вооружившей против него третий элемент. В той части сообщения «Голоса

Москвы», о которой я говорю, я заметил сейчас, проглядывая номер, еще одну маленькую неточность. Там сказано, что мнение руководителей к.-д. партии о г. Дурново было передано гр. Витте на другое утро. Ну, может быть, и не на другое утро, а через два или три дня.

— Не можете ли вы чего-либо добавить к сообщению «Голоса Москвы»?

— Следовало бы возразить на одно из утверждений Гучкова. Он говорил, что общественные деятели не вступили в кабинет только из-за Дурново. Это не совсем так по отношению ко мне, и если не ошибаюсь, к Шипову. Я и Шипов выражали согласие вступить в состав кабинета при условии предварительной выработки программы, но Витте убеждал нас вступить в министерство, не ставя этого условия. В этом и заключается наше отличие от Гучкова, который, сколько помнится, такого условия не ставил.

---

8. Историческая «справка» «Голоса Москвы» и историческая правда *)

Газетная полемика гр. Витте с А. И. Гучковым вновь подтвердила старую истину, что воспроизведение событий, имеющих за собою более или менее значительную давность, на основании исключительно личных воспоминаний, не фиксированных в свое время записью, часто ведет не к выяснению истины, а к ее затемнению или даже к извращению. Повидимому, имеется один свидетель, который мог бы пролить свет на предмет спора, — это Д. Н. Шипов, принимавший непосредственное участие во всех фазисах вопроса о приглашении некоторых общественных деятелей в состав первого конституционного министерства графа Витте, так как Д. Н. Шипов, по его словам, заносил тогда же в свои мемуары все происходившее. Но Д. Н. Шипов находит несвоевременным обнародование своих мемуаров, открывая широкое поле освещению одной из интереснейших страниц пережитого Россией политического кризиса тусклым светом воспоминаний, сохранившихся в не всегда твердой памяти.

*) «Речь» от 19 октября 1911 г.

Чем сенсационнее такие воспоминания, тем они, конечно, интереснее, но едва ли тем достовернее.

К числу таких сенсационных воспоминаний принадлежит сообщение, напечатанное в 236 № «Голоса Москвы» под пикантным заглавием: «Союз графа Витте и П. Н. Дурново с кадетами». В подстрочном примечании к этой исторической «справке» редакция октябристской газеты, уже неоднократно обнаруживавшая склонность к уткам, особенно, если дело касается ее партийных противников, принимает на себя ручательство не только в том, что новая утка получена ею «из вполне осведомленного и безусловно достоверного источника», но и в том, что утка настоящая, живая, соответствующая действительности. Утка показалась настолько интересной, что московский корреспондент «Нового Времени» в тот же день навестил кн. Е. Н. Трубецкого, получил от него полное подтверждение содержания напечатанной в «Голосе Москвы» «справки», несколько дополнил ее, и петербуржцы на следующий день могли прочитать одновременно не только интересную историческую справку, но и сообразить, что она воспроизведена со слов кн. Е. Н. Трубецкого его анонимным собеседником.

Однако, мы усомнились в точности передачи анонимным собеседником кн. Е. Н. Трубецкого воспоминаний последнего и просили корреспондента «Речи», в свою очередь, посетить князя и выяснить вопрос. Беседа нашего корреспондента сегодня напечатана в «Речи», и мы можем теперь рассматривать историческую «справку», опубликованную «Голосом Москвы», как личное воспоминание кн. Е. Н. Трубецкого, несмотря на то, что князь считает оглашение обстоятельств, сопровождавших назначение П. Н. Дурново министром внутр. дел, несвоевременным и что, по словам корреспондента «Нового Времени, князь об этом *«никому ни слова не говорил»*, ибо нашему корреспонденту князь Евгений Николаевич выразил подозрение, что его «частная беседа по этому вопросу кем-то подслушана».

Итак, князь Евгений Николаевич утверждает, что, принадлежа к конституционно-демекратической партии, он считал необходимым предупредить гр. Витте, что, ведя с ним переговоры о портфеле, он, князь, сообщает о ходе перего-

воров «бюро к.-д. партии», которое ежедневно собиралось для обсуждения текущих вопросов в квартире проф. Петражицкого. Здесь память изменила князю. Не только «ежедневно», но никогда бюро к.-д. партии не собиралось у профессора Петражицкого, так как последний в то время не входил в состав лиц, руководивших делами партии, притом же бюро партии в то время находилось в Москве, а некоторые члены его, находившиеся в Петербурге, не были уполномочены входить в какие-либо переговоры, а тем более в «союзы» с гр. Витте, г. Дурново, или с кем-либо другим.

Мне неизвестно, сколько раз бывал у г. Петражицкого кн. Е. Н. Трубецкой, но лично я был у О. Л. Петражицкого *один* раз, и в этот раз, действительно, происходила беседа о возможности кандидатуры князя Е. Н. Трубецкого в министры народного просвещения, при чем все присутствовавшие выражали убеждение, что князь может занять предлагаемый пост лишь под условием ясной и определенной программы всего министерства, вполне соответствующего условиям политического момента, притом министерства, которому общество могло доверять. Весьма может быть, что при этом оценивались личные и политические качества различных кандидатов, в том числе и П. Н. Дурново и П. А. Столыпина, но ни моя память не сохранила моей «горячей» речи, убедившей всех присутствовавших, ни память последних, к воспоминаниям которых я обратился.

Повидимому, и память кн. Трубецкого не сохранила твердого воспоминания: беседовал ли он с бюро к.-д. партии или с некоторыми руководителями партии. А между тем, это обстоятельство имело для него в то время существенное значение, так как мнение партийного бюро было для него, как для члена партии, обязательно, мнение же «руководителей» имело для него значение лишь постольку, поскольку он сам соглашался с ним. Тем не менее, мнение «руководителей» партии к.-д. имело значение для гр. Витте, если он вообще когда-либо придавал значение мнению людей, которых он совершенно не знал. Если память не изменила кн. Е. Н. Трубецкому и в этом случае, то надо думать, что гр. Витте, выслушав князя и ознакомившись с соображениями «руководителей» к.-д. партии и ее кандидата в ми-

нистры, понял, что ему нет более нужды вести переговоры с князем и ограничился словами: благодарю вас. Если кн. Трубецкой, а за ним и московская октябристская газета утверждают теперь, что кадеты в 1905 г. заключили союз с гр. Витте и П. Н. Дурново и что лично я способствовал этому «союзу», то это можно об'яснить лишь тем, что в свое время князь не занес в свою записную книжку мнение своих старых соратников, своих личных наблюдений над действиями своей партии и ее руководителей и своей собственной оценки всего этого, а время, новые отношения и новые события преломили воспоминания князя и дали изображение, бесконечно далекое от действительности. Достаточно последовательно прочесть «справку» «Голоса Москвы», беседу с корреспондентом «Нового Времени» и беседу с нашим корреспондентом, чтобы убедиться, что кн. Е. Н. Трубецкой многое запамятовал и что конституционно-демократическая партия не только не заключала никогда союза с гр. Витте и П. Н. Дурново, но и не допустила члена своей партии кн. Е. Н. Трубецкого вступить в министерство, которое партия не могла поддерживать.

И. И. Петрункевич.

---

9. Письмо в редакцию кн. Е. Трубецкого *)

С большим удивлением я прочитал в № 241 «Русских Ведомостей» перепечатанное из «Речи» письмо И. И. Петрункевича, касающееся моих газетных интервью по вопросу о попытке гр. Витте образовать «общественный кабинет».

Прежде всего, никаких бесед с корреспондентами «Голоса Москвы» и «Нового Времени» я не вел. «Голос Москвы» почерпнул свои сведения из неизвестного мне источника. Впоследствии, отвечая на вопросы корреспондента «Утра России» и «Речи», я признал касающиеся меня фактические сведения «Голоса Москвы» верными, за исключением некоторых неточностей, которые я просил исправить. По всей вероятности, этими сведениями «Голос Москвы» обязан нескромности какого-либо моего собеседника, передавшего газете, без

---

*) «Речь» от 27 октября 1911 г.

моего разрешения и ведома, мой частный разговор, не предназначавшийся для печати.

Вследствие другой нескромности мое интервью, данное корреспонденту «Утра России», появилось, также без моего согласия и ведома, в «Новом Времени», — газете, которой я не имею обыкновения сообщать какие-либо сведения.

Переходя к существу заметки И. И. Петрункевича, я должен отметить, что она основана на сплошном недоразумении.

Не получая «Речи» и не имея возможности достать ее в деревенской глуши, где я живу, я не мог ознакомиться с передачей в ней моего интервью; но я категорически заявляю, что я просил корреспондента исправить ту часть сообщения «Голоса Москвы», которая говорит о «комитете» к.-д. партии. Я сообщил корреспонденту, что я передавал о моих переговорах с гр. Витте не «комитету», а видным деятелям партии народной свободы, которые собирались частным образом у проф. Петражицкого. Не знаю, было ли это мое сообщение передано «Речи».

На недоразумении основано и то, что И. И. Петрункевич говорит о «союзе» между гр. Витте и партией народной свободы. Если И. И. Петрункевич даст себе труд перечитать заметку «Голоса Москвы», он легко убедится, что заявление о существовании такого союза не принадлежит к числу фактических сведений газеты о моих отношениях с гр. Витте и к.-д. партией, а представляет собою лишь умозаключение этой газеты, которое, в качестве такового, остается на ее ответственности.

В моих интервью с корреспондентами «Утра России» и «Речи» я говорил лишь о точности фактических сведений «Голоса Москвы», выводами же этой газеты нисколько не интересовался. К тому же мысль о «союзе» совершенно исключается двумя фактами: во-первых, моим сообщением корреспонденту «Речи», что я вел переговоры не с комитетом к.-д. партии, а только с видными ее деятелями, и, во-вторых, моим отказом войти в кабинет гр. Витте. Предположение о том, будто я, отказавшийся войти в этот кабинет, был посредником в заключении какого-то «союза» гр. Витте с к.-д. партией, достаточно нелепо, чтобы не нуждаться в опровержении.

В заключение я положительно подтверждаю факт, забытый И. И. Петрункевичем, что *именно он* советовал предпочесть Дурново Столыпину. Но это был, разумеется, только добрый совет, в котором давший его едва ли имеет основание раскаиваться, так как правильность его впоследствии достаточно подтвердилась. Нужно иметь пылкое воображение, чтобы усмотреть тут какой-либо намек на «союз».

Примите уверение в совершенном моем почтении.

Кн. Евгений Трубецкой.

---

10. Письмо в редакцию «Речи» И. Петрункевича *).

Из вышеприведенного письма кн. Е. Н. Трубецкого видно, что вывод, сделанный газетой «Голос Москвы» из воспоминаний князя, воспроизведенных газетой без ведома и согласия автора их, под сенсационным заглавием: «Союз графа Витте и П. Н. Дурново с кадетами», представляется князю Евгению Николаевичу постольку нелепым и незаслуживающим опровержения, что ответственность за него никоим образом на князя падать не может. Я очень рад узнать это, но не могу, однако, не выразить сожаления, что беседуя с репортером «Утра России» (он же, повидимому и «собственный корреспондент «Нового Времени»), князь не принял во внимание, что факты, изложенные в «Голосе Москвы», интересны лишь постольку, поскольку из них можно было сделать тот или другой вывод, и что один вывод уже сделан: «Союз графа Витте и П. Н. Дурново с кадетами». Подтверждая точность изложенных фактов и умалчивая о *сделанном уже* из них выводе, несмотря на его «очевидную нелепость», князь не мог не знать, что его молчание будет использовано, как подтверждение правильности вывода, сделанного «Голосом Москвы». Факты не замедлили доказать это.

Вот источник того сплошного недоразумения, о котором говорит княз. Но, признав вывод «Голоса Москвы» о союзе кадет с реакцией нелепым, князь Евгений Николаевич не устраняет его, так как продолжает утверждать достоверность некоторых фактов, подлинность которых отвергается

---

*) «Речь» от 27 октября 1911 г.

не только мною, но и всеми теми лицами, к которым я имел возможность обратиться и которые присутствовали на совещании у проф. Петражицкого. Так, князь утверждает, что я советовал предпочесть Дурново Столыпину и что под моим влиянием руководители партии поручили князю довести об этом до сведения гр. Витте.

Как ни лестно для меня мнение князя о моей проницательности в оценке двух кандидатов на руководительство судьбами России и в убедительности моей речи, но я не могу принять то, что не заслужено мною. На совещании у проф. Петражицкого мы обсуждали кандидатуру на министерский портфель кн. Е. Н. Трубецкого, а не г. Дурново и не г. Столыпина. Для нас представлял важность вопрос: при каких условиях и в каком составе возможно участие кн. Е. Н. Трубецкого в министерстве гр. Витте, так как князь Евгений Николаевич не считал возможным, принимая министерский портфель, отказаться от принадлежности к партии, а последняя не могла допустить вступления ее представителя одинаково ни с г. Дурново, ни с г. Столыпиным, и отказ кн. Е. Н. Трубецкого был обусловлен как отсутствием общей программы у гр. Витте, так и очевидным его намерением передать пост министра внутр. дел лицу, политика которого находится в полном противоречии с программой конституционно-демократической партии.

Могли ли мы при таких обстоятельствах давать советы гр. Витте в выборе министров и брать на себя перед родиной нравственную ответственность за действия людей, которые не только не были связаны с нами какими-либо обязательствами, но по своим воззрениям и по своей прошлой деятельности находились в полном противоречии с нашим пониманием государственных интересов? Если князь Евгений Николаевич допускает, что я мог давать членам нашей партии такие неразумные советы, то я не сомневаюсь, что мои единомышленники и сам князь Евгений Николаевич Трубецкой не взяли бы на себя такого поручения. Остается думать, что память князя обманула его.

Ив. Петрункевич.

* * *

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. *Столыпин, Петр Аркадьевич* — знаменитейший усмиритель первой русской революции 1905—1907 гг. По происхождению — помещик и дворянин, в 1902 г., при Плеве (см. прим. 5), был назначен саратовским губернатором и отличился усмирением крестьянского движения в этой губернии; в 1906 г., перед созывом 1-й гос. думы, после ухода в отставку Витте, Столыпин назначается министром внутр. дел в кабинете Горемыкина; когда дума оказалась оппозиционной, он склоняет царя к разгону ее, а после разгона, 18-го июля 1906 г., становится председателем совета министров, усмиряет вспыхнувшие в разных местах восстания и ознаменовывает первые месяцы своей власти учреждением военно-полевых судов для так наз. «политических преступлений». Организованный им в этой форме контр-революционный террор превратил смертную казнь в «бытовое явление» и стоил жизни многим тысячам революционеров из среды рабочих, крестьян и интеллигенции. После того как избранная в начале 1907 г. 2-я дума оказывается еще более оппозиционной по отношению к царскому правительству, чем 1-я, Столыпин совершает так называемый государственный переворот 3-го июня 1907 г. (см. прим. 3), разогнав думу и опубликовав с нарушением «основных законов» новый закон о выборах. С помощью этого закона, а также организованной «святейшим» синодом беззастенчивой агитации черносотенного духовенства среди темного, запуганного репрессиями крестьянства, наконец, с помощью прямого давления и беззаконий на выборах Столыпин создал послушную царскому правительству «третьеиюньскую» думу, в которой большинство принадлежало крепостническому дворянству и крупному торгово-промышленному и землевладельческому капиталу. После этого Столыпин берет курс на полное восстановление старого крепостнического самодержавия и становится в полном смысле «главой правительства контрреволюции» (характеристика Ленина): он душит политическое и профес-

сиональное движение рабочего класса, пулями и розгами окончательно усмиряет крестьянские восстания, с помощью неслыханных репрессий и массовой провокации расстраивает и почти уничтожает революционные партии, обуздывает печать, «оздоровляет» армию и флот; не жалея денег, насаждает черносотенные организации и черносотенную прессу; для расширения социальной базы самодержавия за пределы крепостнического землевладения Столыпин старается, с одной стороны, привлечь подачками и поощрением на сторону царского правительства крупный торгово-промышленный капитал, с другой — своим аграрным законодательством и поддержкой «хозяйственного мужика» развивает кулацкое хозяйство в деревне, вырывая в то же время жало у средне- и мелко-буржуазной оппозиции призраком еще не совсем задушенной революции. Не сумев разрешить неразрешимую задачу — дать прочное и устойчивое сочетание свободного и мощного развития капитализма с крепостнически-самодержавным характером политического строя, Столыпин пал на своем «славном посту» от руки полупровокатора, полутеррориста Богрова 5-го сентября 1911 г., когда уже глухо громыхали далекие раскаты неотвратимо надвигавшейся новой революции.

2. *Событие 1-го сентября (1911 г.).* Именно в этот день в Киеве, в театре, где Столыпин присутствовал на спектакле вместе с царем, Богров выстрелом из револьвера нанес ему смертельную рану, от которой Столыпин скончался через несколько дней, 5-го сентября.

3. *Государственный переворот 3-го июня 1907 г.* 2-я гос. дума, собравшаяся 20-го февраля 1907 г. вместо разогнанной 8-го июля 1906 г. 1-й думы, оказалась еще более враждебной правительству, чем эта последняя. Желая найти повод покончить с ней, Столыпин выдвигает против с.-д. фракции думы сфабрикованное с помощью провокации обвинение в «заговоре» и пред'являет думе невыполнимое даже для кадетов требование о выдаче правительству для ареста 55 членов этой фракции. Дума не посмела сразу отказать правительству в этом позорном требовании, но сдала его «в комиссию». Этого было достаточно для того, чтобы на следующий день, 3-го июня 1907 г., дума оказалась распущенной. Тотчас же был отдан приказ об аресте с.-д. фракции, члены которой, после комедии суда, были отправлены на долгие годы на каторгу и в ссылку, от которой их освободила только Февральская революция 1917 г. Одновременно с роспуском думы, 3-го же июня 1907 г., был опубликован заранее сфабрикованный новый закон о выборах в гос. думу, по которому избирательные права рабочих, кре-

стьян, малоимущей мелкой буржуазии, а также окраин России, были до крайности ограничены, а выборы от крестьян, сверх того, были поставлены под надзор и опеку начальства. Закон этот, обеспечивший победу на выборах помещикам и крупной буржуазии, был издан с открытым нарушением «основных законов», утвержденных самим же царем после революции 1905 г.: согласно этим «основным законам», впредь ни один закон не мог получить силы, не будучи предварительно рассмотрен и утвержден гос. думой и государственным советом. Потому-то издание этого беззаконного закона 3-го июня о выборах в гос. думу и получило название «государственного переворота», а новая дума, избранная на основании этого закона, была названа «третьеиюньской думой».

4. *1-я гос. дума* открылась в конце апреля 1906 г. С самого начала ее работ началась и ее борьба с правительством Горемыкина (см. прим. 52). Главными пунктами, вокруг которых происходила эта борьба, были вопросы 1) об амнистии политическим заключенным и осужденным, на которую никак не соглашалось правительство, и 2) о земле. В частности, по этому последнему вопросу дума требовала наделения крестьян землей путем принудительного отчуждения помещичьих земель. Уже 5-го мая, *в ответе на «тронную речь» царя,* дума заявила: «Наиболее многочисленная часть страны — трудовое крестьянство — с нетерпением ждет удовлетворения своей острой земельной нужды, и первая русская государственная дума не исполнила бы своего долга, если бы она не выработала закона для удовлетворения этой насущной потребности путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих».

Заявление это носило робкий и половинчатый характер, так как дума не решилась выдвинуть требование *конфискации помещичьих земель без выкупа,* — требование, выставленное РСДРП и особенно подчеркнутое большевистской ее частью. Более того, так как большинство 1-й думы состояло из кадетов и примыкающих к ним, то дума никогда и не решилась бы выдвинуть такое требование, ибо аграрная программа кадетов требовала отчуждения помещичьих земель за выкуп «по справедливой оценке».

Эта нерешительность думы была тогда же подчеркнута российской социал-демократией, прежде всего большевиками. Так, Петербургский Комитет партии особой резолюцией выразил пожелание, «чтобы в вопросе об обращении гос. думы к народу в ответ на аграр-

ное заявление правительства с.-д. фракция держалась самостоятельной тактики, отнюдь не присоединяясь к робким и неполным кадетским формулам, а непременно предложила бы самостоятельный текст обращения, подчеркнув в нем революционные требования, в особенности конфискацию помещичьих земель, т.-е. отчуждение их без выкупа, а также выдвинув требование о том, чтобы действительное разрешение земельного вопроса было произведено не теперешней кадетской думой, а местными комитетами и учредительным собранием, выбранным на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования».

Однако, крепостническое правительство не могло уступить даже робким требованиям кадетской думы, усматривая в них посягательство на «священное начало» помещичьей собственности. *В декларации 13-го мая* перед думой правительство отказалось признать необходимость принудительного отчуждения частновладельческих земель.

Декларация эта послужила поводом к дальнейшему обострению борьбы между правительством и думой. Последняя выразила правительству недоверие и сама приступила к выработке земельного закона, для чего выбрала комиссию из ста человек. Вслед затем дума приняла *обращение к народу по земельному вопросу*, где рассказывала историю своей борьбы с правительством и приводила начала, положенные в основу намеченного ею земельного закона.

В ответ на эти шаги думы горемыкинское министерство опубликовало *правительственное сообщение по аграрному вопросу* от 20-го июня 1906 г., где оно отстаивало интересы крупных помещиков и резко полемизировало с крамольной гос. думой, посягающей на священные устои земельной собственности. Сообщение призывало крестьян надеяться не на думу, а на чиновников, которые без нарушения интересов помещиков сумеют утолить земельный голод крестьянства при помощи Крестьянского банка.

Параллельно с этим обострением борьбы между правительством и думой идет нарастающее революционизирование страны вне думы: «Маленьким расширением свобод народ пользуется вдесятеро больше кадетов. Кадетская дума моментально оказывается *позади* народа по своему настроению и решительности... Растет пресса эсдеков и эсеров, усиливается революционное крестьянское движение, брожение в войсках, оживляется пролетариат, истощенный декабрем. Эпоха кадетского конституционализма оказывается эпохой не кадетского и не конституционного, а революционного движения» (Ленин, «Роспуск думы и задачи пролетариата», сочинения, т. VII, ч. 2, стр. 10).

Помещичье правительство как огня боялось того земельного закона, который намерена была выработать дума, так как опасалось укрепления таким путем связи думы с народными массами. Еще больше оно боялось нараставшей внутри страны революции. Поэтому Горемыкин убедил царя разогнать думу, которая и была распущене 8-го июля 1906 г.

5. *Плеве, Вячеслав Константинович* — наиболее видный представитель полицейско-бюрократической реакции в эпоху Александра III и Николая II. В 80-х годах упорно борется с остатками народовольчества, в 90-х годах воюет с независимостью и свободной культурой финляндского народа. После убийства Сипягина в 1902 г. становится министром внутренних дел, сталкивает Витте с влиятельного поста министра финансов и на некоторое время делается полицейским диктатором России; он давит рабочих, старается развратить их «зубатовщиной», усмиряет крестьянское движение 1902—1903 гг. порками, душит студенчество, земство, травит «инородцев» и «иноверцев», организует еврейские погромы; в короткое время Плеве сумел изолировать самодержавие от самых умеренных слоев общества. Чувствуя надвигающуюся революционную грозу, Плеве всемерно поддерживал придворную клику, провоцировавшую войну с Японией. Убит 15-го июля 1904 г. социалистом-революционером Е. Сазоновым.

6. *Витте, Сергей Юльевич, граф* — один из самых выдающихся и талантливых русских министров конца XIX и начала XX века. Будучи незнатного происхождения (титул «графа» он получил лишь в 1905 г. за Портсмутский мир, см. ниже) и не имея связей в высших сферах, он благодаря своему уму и недюжинным дарованиям быстро делает бюрократическую карьеру и в конце царствования Александра III, в 1892 г., получает пост министра финансов, а потом — председателя кабинета министров. На посту министра финансов Витте много содействовал развитию капитализма в России покровительственной таможенной политикой, привлечением иностранных капиталов, развитием железнодорожной сети, введением золотой валюты вместо бумажного рубля; в то же время он значительно укрепляет государственные финансы осторожной бюджетной политикой, введением знаменитой казенной винной монополии и постепенным накоплением бюджетных «излишков». В области политики колеблется от ярой защиты самодержавия и совета уничтожить земство до умеренного либерализма. В конце первого периода своей государственной деятельности склоняется к либеральному курсу и создает «особое совещание о нуждах сельско-хозяйственной промышленности», которое вместе

с подчиненными ему губернскими и уездными совещаниями становится на время средоточием земской оппозиции. Когда в самом начале XX века дворцовая камарилья, с самим Николаем II во главе, стала упорно стремиться к войне с Японией, Витте, как трезвый и умный политик, всячески противодействует таким стремлениям и на этой почве впадает в «немилость» у Николая II. Хитрый временщик Плеве воспользовался этим, чтобы свалить Витте, и последний в 1903 г. увольняется с влиятельного поста министра финансов и назначается на „почетный", но лишенный значения пост председателя кибинета министров. Однако, всего полгора года спустя Россия оказывается побитой в нелепо затеянной войне с Японией, и среди русских бюрократов и дипломатов не оказывается никого, кроме Витте, кто был бы способен взять на себя ликвидацию авантюры.

Для мирных переговоров с Японией назначается Витте, которому и удается заключить мир в американском городе Портсмуте на условиях, сравнительно, весьма выгодных для России. За этот успех Витте получает титул «графа». Ко времени возвращения его в Россию, осенью 1905 г., революция была уже в полном разгаре. Для спасения шатающегося престола Николай II опять таки приглашает Витте, который становится во главе правительства, издает «конституционный» манифест 17-го октября (см. прим. 33), но в то же время приглашает в состав правительства, на пост министра внутр. дел, бывшего директора департамента полиции П. Н. Дурново (см. прим. 15), который ознаменовал свое правление арестом Петербургского совета рабочих депутатов, карательными экспедициями и зверскими расстрелами, кровавым усмирением московского декабрьского восстания и варварским подавлением революционных выступлений. Перед созывом 1-й гос. думы Дурново стал одной из самых ненавистных фигур в глазах всего общества и народа, а Витте совершенно утратил свой престиж, и их обоих пришлось убрать, чтобы создать какую-нибудь возможность «примирения» между правительством и думой. Примирение это, однако, так и не состоялось. Витте же, назначенный членом государственного совета, снова перекидывается в правый лагерь. Следует отметить, как один из интереснейших исторических документов, написанные Витте «Воспоминания» (3 тома, Госиздат, Москва — Ленинград), в которых он, между прочим, разоблачает двуличие Николая II, его умственное и нравственное убожество.

7. *Гучков, А. И.* — один из виднейших вождей крупной умеренно-либеральной русской буржуазии. Происходит из известной москов-

ской купеческой семьи, назван Витте «аршинником»; вождь правой части земско-городских съездов 1904—1905 гг.; один из организаторов партии «октябристов», так наз. «Союза 17 октября» (см. прим. 14), в первые две гос. думы не был избран вследствие своей реакционности, но в качестве «общественного деятеля» выступал энергичным защитником контр-революционной политики Столыпина и «военно-полевой юстиции». После государственного переворота 3-го июня 1907 г., лишившего избирательных прав широкие массы населения (см. прим. 3), был избран в 3-ю гос. думу и стал ее председателем. В годы империалистической войны Гучков организует военно-промышленные комитеты, ставившие себе целью поддержать боевую способность армии. В созданное после февраля буржуазное правительство Гучков входит как военный министр, являясь в нем, вместе с Милюковым, наиболее ненавистной фигурой для революционных масс. Стремление удержать режим палки вызывает против него такой взрыв ненависти, что он вынужден вскоре (30-го апреля) выйти в отставку. После октября 1917 г.— организатор контр-революционных заговоров.

8. *Шипов, Д. Н.*—земский деятель, в течение ряда лет—председатель Московской губернской земской управы, пользовавшийся огромным авторитетом в среде русских либералов в последнем десятилетии прошлого века и вплоть до революции 1905 г. Один из виднейших участников и организаторов развивавшегося в конце 90-х годов прошлого века либерального земского движения, постоянный член предшествовавших революции земских съездов 1904—1905 гг., на которых принимались враждебные правительству резолюции. Отстаивая «единение царя с народом» или «союз власти и мнения», Шипов был убежденным монархистом и даже сторонником самодержавия, а потому был вождем правого меньшинства земских съездов. Лишь после манифеста 17 октября он становится «конституционалистом по приказу его величества», вступив сначала в «Союз 17 октября», а затем—в так наз. «партию мирного обновления», стоявшую между октябристами и кадетами (см. прим. 13). После революции 1905 г., будучи избран членом государственного совета от Московского земства, вскоре перестает играть сколько-нибудь видную политическую роль.

9. *Трубецкой, Евгений Николаевич, князь* — известный профессор Киевского, потом Московского университета, видный участник земских съездов 1904—1905 гг., умеренно-либеральный кадет, затем мирнообновленец, очень опасавшийся «того антихристианского демо-

кратизма, для которого народ есть кумир» и приглашавший нашу церковь «отличить» от этого антихристианского демократизма «истинный демократизм», «дабы демократия не выродилась в массовый деспотизм». После земских с'ездов не играл политической роли.

10. *Урусов, С. Д., князь* — полулиберальный губернатор, при Плеве попавший в опалу из-за нежелания устраивать еврейские погромы, потом — товарищ министра внутр. дел в кабинете Витте (1905—1906 гг.), потом — кадет, депутат гос. думы, обличавший департамент полиции за организацию провокации.

11. *Стахович М. А.* — либеральный орловский предводитель дворянства; прославился речью в защиту свободы совести, произнесенной на миссионерском с'езде в Орле в 1901 г., в период полицейско-православного мракобесия и черносотенной реакции (см. о нем заметку Ленина в V томе соч. «Две предводительские речи»); участник земских с'ездов начала 1900-х годов, где входит в правое их крыло; один из организаторов «мирнообновленческой» партии (см. прим. 13). В период Февральской революции 1917 г. — финляндский губернатор, потом — дипломат.

12. *Кадеты* — общеупотребительное сокращенное название членов так наз. конституционно-демократической партии, впоследствии принявшей название «партии народной свободы». Партия эта образовалась в октябре 1905 г. из левого крыла земских с'ездов, так наз. земцев-конституционалистов, т.-е. либеральных помещиков, и из членов возникшего незадолго до революции нелегального «Союза Освобождения», т.-е. представителей буржуазно-демократической интеллигенции. По своей социальной природе кадетская партия явилась выразительницей интересов среднего капиталистического (не крепостнического) землевладения и средней городской буржуазии. Вобрав в себя обеспеченную «старшую» интеллигенцию, в том числе и бывших «легальных марксистов», сосредоточив в своих кадрах ряд блестящих имен ученых, профессоров, инженеров, журналистов, партия эта явилась в период «лжеконституционализма», начиная от первой революции до второй, наиболее организованной оппозиционной силой старого режима. В своей программе, принятой в пору еще не укрощенной революции, кадеты выдвинули требования конституционной парламентской монархии, принудительного отчуждения земли у помещиков, но не иначе, как за выкуп «по справедливой оценке», и введения 8-часового дня там, где это «возможно». По своей тактике кадеты явились типичной партией буржуазного либерализма, открыто

враждебной всякому революционному движению, а следовательно, и всякому вообще действительно широкому политическому движению народных масс, которое в условиях русского царистского режима только и могло быть революционным. Осуществления своих требований кадеты старались добиться путем сделок с крепостническим правительством и давления на него посредством «парламентской борьбы» в стенах обрезанной в своих правах гос. думы; к народу же они обращались лишь в целях его «успокоения», хотя и не прочь были попугать правительство призраком революции. Так кадеты вместо партии народной свободы были в действительности партией предательства народной свободы. Во время мировой войны 1914—1918 гг. кадеты были выразителями империалистических (захватнических) стремлений русской буржуазии, отстаивая «войну до победного конца», захват Константинополя, проливов и Галиции. Во время Февральской революции эта партия борется не только против большевизма, но и против керенщины, поддерживает Корнилова и Каледина. После Октября кадеты — во главе белогвардейцев и повсюду, где образовались контр-революционные противо-советские правительства, поддерживают борьбу с Советской властью и интервенцию. После победы Советов в гражданской войне кадетские вожди — в эмиграции за границей, где раскололись на правых, поддерживающих монархистов, и левых, во главе с Милюковым, ищущих союза с правыми эсерами. С 1921 г. некоторая часть кадетов превратилась в «сменовеховцев» (по имени выпущенного ими сборника статей «Смена вех») и поддерживает Советскую власть на почве «национального единства» с большевиками, возрождающими «сильную Россию».

13. «*Мирнообновленческая партия*» или, как она называлась официально, «партия мирного обновления» — ублюдочная малочисленная группа, оформившаяся после роспуска 1-й гос. думы и занявшая позицию между октябристами (см. след. прим.) и кадетами (см. прим 12). «Партия» эта состояла вначале в сущности из 3 вождей: М. А. Стаховича, гр. Гейдена и Н. Н. Львова с крайне немногочисленными их приверженцами. Подчеркивая, что она стоит за сильную монархическую власть, за «возрождение» и «преобразование» страны исключительно мирными путями и средствами, что она «враждебна насилию и произволу, откуда и от кого бы они ни исходили», и призывая в то же время к примирению с актом разгона 1-й думы, «партия мирного обновления» показывала, что она — только против революционного насилия и является еще более контр-революционной группой,

чем кадеты. Фальшивость и неискренность выдвинутой ею программы — «ответственного министерства», «обязательного отчуждения потребного количества частновладельческих земель для создания прочного крестьянского землевладения» и прочих хороших вещей — была ясна даже для кадетов. Заняв межеумочное положение между партией либерального буржуазного слова (кадеты) и черносотенного буржуазного дела (октябристы), мирнообновленцы никогда не были в состоянии стать сколько-нибудь заметной политической силой и быстро сошли вовсе со сцены, ознаменовав свое появление в истории лишь забеганием с заднего крыльца к власть имущим для переговоров об «общественном министерстве», да обогащением русского политического словаря новым, правда, весьма выразительным термином.

14. *Октябристы* — члены так наз. «Союза 17 октября» или, как его чаще называют, октябристской партии. Это — партия крупного торгово-промышленного и землевладельческого капитала, образовавшаяся в 1905 г. после издания манифеста 17-го октября и избравшая свое название в честь этого манифеста. Она составилась из правого крыла земско-городских с'ездов и тотчас после своего возникновения выступила как открыто враждебная революции сила. Поэтому в первых двух думах, пока еще действовал довольно «либеральный» избирательный закон, и контр-революция еще не успела одержать победы, октябристы были представлены очень слабо и не играли никакой роли. Лишь закон 3-го июня 1907 г., изданный посредством государственного переворота (см. прим. 3), доставил октябристам вместе с правыми, т.-е. открытыми черносотенцами и старорежимщиками, господство в думе. В 3-й думе их вождем является представитель крупного купечества Гучков, а в 4-й — крупный помещик Родзянко. Став наиболее многочисленной партией в думе, октябристы всецело поддерживают главу правительства контр-революции Столыпина в его стремлениях раздавить революцию, вплоть до одобрения военно-полевой юстиции, и ищут новых путей развития страны в союзе крепостнического царизма с крупной буржуазией и кулацким элементом крестьянства. В империалистическую войну октябристы выступают ярыми защитниками войны до победного конца и захватнических стремлений буржуазии. Лишь оргия победившего всех своих врагов царизма, полная неспособность царского правительства вести войну и осуществить империалистические цели буржуазии, да безумное стремление последнего русского самодержца и окружавшей его преступной клики — раздавить все и всяческие «общественные силы» и

управлять страной с помощью кучки преданного чиновничества,— загнали незадолго до революции 1917 г. и октябристов в оппозицию — вместе с дворянством и даже великими князьями. Победа Февральской революции смела октябристов с политической арены и загнала их в контр-революционное подполье. После Октября октябристы — организаторы и участники комплотов (заговоров) и выступлений на всех противосоветских фронтах и главная составная часть монархической эмиграции.

15. *Дурново, Петр Николаевич* — один из отвратительнейших представителей старого режима. При Александре III — директор департамента полиции, выкравший с помощью своих полицейских агентов из стола испанского посла частную переписку с целью раскрыть похождения своей «дамы сердца.» Когда посол написал об этом Александру III, последний наложил резолюцию: «убрать этого мерзавца в 24 часа», и Дурново.... был назначен сенатором, в каковом качестве, по словам Витте, отличался «либеральными взглядами». При Сипягине и последующих министрах Дурново занимал должность товарища министра внутр. дел. В бытность у власти широко пользовался услугами казенного сундука для покрытия своих частных расходов и проигрышей на бирже. — После манифеста 17-го октября 1905 г. Дурново был назначен Витте министром внутр. дел и на этом посту отличился подавлением революции с помощью неслыханных до того репрессий. Ему принадлежит «честь» ареста Петербургского Совета рабочих депутатов, подавления московского вооруженного восстания в декабре 1905 г., организации карательных экспедиций, десятками и сотнями расстреливавших без суда и следствия революционеров в охваченных восстанием местах. Перед открытием 1-й гос. думы в апреле 1906 г. Дурново был уволен вместе с Витте и назначен членом государственного совета, где выступал вождем «правых».

16. *Оболенский, Алексей Дмитриевич, князь*—бюрократ, близкий к Витте и назначенный последним после Октябрьской революции 1905 г., с увольнением в отставку Победоносцева, обер-прокурором синода. Участвовал вместе с Витте в переговорах с общественными деятелями о вступлении их в министерство Витте.

17. *Курии*—группы, на которые реакционные законодательства разделяют избирателей по имущественным или сословным признакам при выборах в представительные учреждения (парламенты) или муниципальные органы (городские думы). По куриям были организованы у нас при царизме и выборы в гос. думу. Куриальная

система (т.-е. система выборов по куриям) имеет целью доставить особо значительные преимущества имущим классам населения сравнительно с неимущими предоставлением им права избирать сравнительно гораздо большее количество депутатов (напр., от помещиков—одного депутата на 500 чел., а от крестьянской курии—одного на 50.000 чел.), а также запрещением неимущим классам голосовать за партийных вождей, не принадлежащих к их куриям (например, фабричные рабочие не могли бы голосовать за Ленина, так как он не был фабричным рабочим и, следовательно, не принадлежал к их курии). К первой курии в городах принадлежала крупнейшая буржуазия.

18. *«Речь»*—выходившая в Петербурге с 1906 до 1918 г. ежедневная газета, центральный орган кадетской партии (см. прим. 12). Главными редакторами ее были П. Н. Милюков и И. В. Гессен. Во время революции 1917 г. «Речь» вела ожесточенную кампанию против большевиков, а со времени выхода Милюкова из состава правительства—и против Керенского, поддерживала Корнилова и Каледина. После победы Советской власти в гражданской войне, когда кадеты вынуждены были либо отказаться от политической деятельности, либо эмигрировать за границу, они выпускают там газеты «Последние Новости» в Париже—орган Милюкова, т.-е. левого крыла, и «Руль» — в Берлине, орган правого крыла, под редакцией Гессена.

19. *«Русские Ведомости»* — московская профессорская газета, издававшаяся в течение нескольких десятилетий, вплоть до 1918 г. При царизме эта газета, сосредоточившая вокруг себя блестящие научные и либеральные силы, была любимейшим органом русской либеральной и радикальной интеллигенции. После 1905 г. газета заняла кадетскую позицию, с которой не сошла и в течение своего кратковременного существования при Советской власти, став, таким образом, одним из органов контр-революции; газета была закрыта с ликвидацией всей буржуазной печати в 1918 г.

20. *Струве, Петр Бернгардович*—один из выдающихся идеологов и политических вождей русской буржуазии. В эволюции Струве наиболее ярко отразились этапы развития политической идеологии последней. В начале 90-х годов Струве активно участвовал в идейной борьбе с народниками, под флагом марксизма выпустив в 1894 г. нашумевшую книгу «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». Но уже тогда, объявляя себя критически-

мыслящим марксистом, Струве усердно призывает итти на выучку к капитализму, что вызвало критику слева со стороны В. И. Ленина. В 1898 г. Струве еще стоит в рядах социал-демократии; он является автором знаменитого манифеста I съезда РСДРП, в котором он писал пророческие слова о том, что чем дальше на Восток, тем буржуазия делается все подлее. Через 1—2 года Струве выступает уже критиком марксизма и с.-д. по всему фронту. В политической экономии он критикует теорию трудовой ценности, в социологии и философии — материалистическую диалектику (особенно революционные скачки), в политике—позицию «Искры». До 1905 г. Струве выступает в качестве лидера союза радикальных интеллигентов с либеральными земцами и перед революцией является одним из организаторов знаменитого «Союза Освобождения»—предтечи кадетской партии—и редактором его нелегального органа — «Освобождения»; последний издавался за границей, но пользовался огромной популярностью и широким распространением в России не только среди либеральной и радикальной интеллигенции, но и среди фрондирующего чиновничества. Революция 1905 г. откидывает Струве еще более вправо и постепенно приводит его к октябристам. В годы столыпинщины Струве подводит идейный базис под третье-июньскую монархию и империалистические вожделения крупного капитала, ратует за союз науки и капитала и оплевывает революционное прошлое русской интеллигенции. Революция 1917 года сразу делает Струве активным контр-революционером. После Октября Струве занимает пост министра во врангелевском правительстве. В последние годы издает в Софии, затем в Праге и Берлине реакционно-мистический журнал «Русская Мысль».

21. «*Веховцы*» — сторонники буржуазно-идеалистического направления общественной мысли, получившего свое название от пресловутого сборника статей либерально - октябристской профессуры и интеллигенции «Вехи», вышедшего в эпоху столыпинской реакции, в 1909 г. В этом сборнике оплевывалась революционная деятельность интеллигенции в прошлом, революционеры третировались, как худший враг страны и народа. Авторы этого сборника П. Струве и К⁰ (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон, А. С. Изгоев, Б. А. Кистяковский, С. Л. Франк) открыто провозглашали, что основной задачей настоящей интеллигенции является идейная поддержка существующего строя помещиков и капиталистов. В свое время «Вехи» встретили резкий отпор со стороны революционных кругов, в первую голову, разумеется, со стороны социал-демократии.

22. *Антоний Волынский* — епископ, один из столпов черносотенного православия.

23. *Милюков, Павел Николаевич* — наиболее яркий и влиятельный из вождей кадетской партии, ученый историк, автор ряда исследований и популярных работ по русской истории, талантливый журналист и публицист. В половине 90-х годов — политический эмигрант, перед революцией 1905 г.—один из организаторов и деятельных участников «подпольной» радикально-буржуазной организации «Союз Освобождения»; в революцию 1905 г.—один из виднейших вдохновителей либеральной оппозиции правительству, организатор и признанный вождь кадетской партии. В борьбе между революцией и самодержавием всегда выступает решительным сторонником «реальной» политики, выказывая полуироническое отношение к бредням слишком увлекающихся левых кадетов об учредительном собрании и всячески добиваясь соглашения с правительством с целью совместной ликвидации революции на почве конституции, т.-е. дележа власти между царем (иначе говоря, крепостническим дворянином-помещиком) и либеральной буржуазией. В этих попытках неизменно терпит неудачу,— так как самодержавие и эту цену считает слишком высокой и предпочитает раздавить заодно и революцию, и либералов. Поэтому Милюков всегда выступает, как вождь решительной буржуазной оппозиции черносотенному правительству, которую, однако, он сам совершенно правильно характеризует, как «оппозицию его величества» (т.-е. «верноподданническую»). В области внешней политики — неизменный сторонник империализма, и если критикует правительство, то не за империалистичность его политики, а за глупость ее. В империалистическую войну Милюков — упорный сторонник «борьбы до победного конца», т.-е. до захвата Константинополя, проливов и Галиции. В первые дни Февральской революции Милюков всячески старается спасти монархию в форме передачи престола наследнику Алексею при регентстве Михаила, и только решительный напор революционных рабочих и солдатских масс превращает на время его, а за ним и кадетскую партию в республиканцев. В первом после революции временном правительстве Милюков занимает пост министра иностранных дел и, раболепствуя перед буржуазией Антанты, старается заверить ее в готовности России вести войну «до победы». Составленная им в этом смысле нота, отправленная правительствам Антанты 18-го апреля 1917 г., вызывает первую враждебную временному правительству демонстрацию рабочих и солдат; демонстрация эта носила

явно большевистский характер и вызвала первый кризис временного правительства, после которого Милюков вынужден был выйти из его состава. С этих пор Милюков — в лагере контр-революции, интригует и ведет борьбу против правительства Керенского, ищет сближения с октябристами и монархистами, поддерживает Корнилова и Каледина. После Октября уезжает на юг и вдохновляет белогвардейское противо-советское движение, добиваясь интервенции то со стороны монархической Германии, то со стороны «держав-победительниц». После победы Советской республики эмигрирует за границу и там неустанно проповедует интервенцию. В настоящее время — вождь левого крыла заграничных кадетов, редактор их выходящего в Париже органа «Последние Новости», стоит за сближение с правыми эсерами. Выпускает под заглавием «История второй русской революции» многотомный исторический памфлет, имеющий целью изничтожить с помощью науки заодно как большевизм, так и социал-демократию.

24. *«Дума»* — право-кадетский орган, выходивший в мае 1906 г.

25. *Крыжановский, С. Е.* — товарищ министра внутр. дел при Столыпине, во многих случаях выступавший его вдохновителем, ловкий бюрократ-карьерист, от либерализма переметнувшийся к черносотенству, составитель закона 3-го июня 1907 г. о выборах в гос. думу, — закона, изданного посредством государственного переворота. Впоследствии — государственный секретарь.

26. *Муромцев, Сергей Андреевич* — председатель 1-й гос. думы, профессор Московского университета, юрист, долголетний земский деятель, участник земских с‘ездов 1905 г., член к.-д. партии, умеренного ее крыла; сыграл видную роль в организации думы и ее работ; был посредником в переговорах между старой властью и к.-д. относительно образования думского министерства. После выборгского воззвания был лишен, как и все другие депутаты, его подписавшие, избирательных прав и после того не играл политической роли. Умер в 1910 г., оставив о себе память, как о морально-чистом представителе либеральной интеллигенции (об отказе черносотенной 3-й думы почтить память Муромцева, а также оценку политической роли Муромцева см. в ст. Ленина «О демонстрации по поводу смерти Муромцева», Сочинения, т. XI, ч. 2-я, стр. 119).

27. *Сферы* — «цензурное» название царя и придворной клики, его окружавшей и делавшей политику.

28. *Гейден, П. А.*, граф — видный представитель земского либерализма; президент Вольно-экономического общества в 90-х годах,

участник земских с'ездов, вождь правого, октябристского крыла в 1-й гос. думе; после разгона думы — один из организаторов партии мирнообновленцев.

29. *Львов, Николай Николаевич* — богатый помещик, дворянин, участник либерального земского движения первой половины 1900-х годов, член 1-й гос. думы, кадет, потом — один из организаторов так наз. партии «мирного обновления», стоявшей между кадетами и октябристами (см. прим. 13). После разгрома 1-й гос. думы 8-го июля 1906 г. вел переговоры со Столыпиным о вступлении в министерство. После Октябрьской революции — один из черносотенных журналистов в полосе деникинской оккупации, занявший националистическую позицию и проводивший яростную кампанию против Советской республики.

30. *Пуришкевич, В. М.* — вышел из среды бессарабских помещиков, наиболее черносотенной части дворянства, давшей целую плеяду вождей монархического движения. В эпоху царизма был одним из руководителей и главных ораторов монархического блока в гос. думе. С трибуны последней он не раз призывал к беспощадной борьбе с революционерами и евреями. Организатор одной из черносотенных погромных клик, так назыв. «Общества Михаила Архангела». У либеральной прессы Пуришкевич был главной мишенью для насмешек и нападок. Витте совершенно правильно назвал его «политическим хулиганом». В эпоху разложения царизма перед революцией задумал спасти монархию и династию устранением Распутина и с этой целью организовал убийство его в декабре 1916 г. совместно с кн. Ф. Ф. Юсуповым и вел. кн. Дмитрием Павловичем. При Советской власти был арестован за контр-революционную деятельность, но затем освобожден. Умер на Кавказе.

31. *Марков II* — думский депутат, один из «разбойников и негодяев реакционного болота» (выражение Витте), курский помещик, «жидоед» и погромщик, истинный представитель черной сотни, вождь и вдохновитель реакционнейшей части монархического дворянства, названной «зубрами» (по имени вымирающей породы диких быков).

32. *Толмачев* — один из реакционнейших царских сатрапов, бывший одесский градоначальник, прославившийся на этом посту административным самодурством и погромной деятельностью.

33. *Манифест 17-го октября.* — 17-го октября 1905 г., в результате железнодорожной, а затем всеобщей забастовки и охватившего всю страну революционного движения, царь согласился подписать предложенный Витте манифест, делавший на словах огромные уступки

революции, так как по существу отменял самодержавие и вводил взамен его представительное правление с законодательной думой и все «демократические свободы», т.-е. конституцию. Одновременно с манифестом был опубликован утвержденный царем доклад Витте, как председателя комитета министров, подробнее развивавший положения манифеста и не оставлявший сомнения в том, что царем «дарована» конституция. Однако, слово «конституция» не было при этом произнесено, и вскоре со стороны окружавших царя крепостников-помещиков, а также и самого царя делаются попытки истолковать манифест 17-го октября в том смысле, что и после него царское самодержавие осталось таким, «как было встарь». Потому-то водворившаяся у нас политическая система и получила название «лжеконституционализма» (см. прим. 39.)

Ввиду измены буржуазии, вступившей в незаконное сожительство с самодержавием, спор о существе введенного манифестом 17-го октября государственного строя был на время разрешен в пользу самодержавия, пока решение это не было радикально пересмотрено Февральской и Октябрьской революцией 1917 г., которая смела, заодно с самодержавием, и самую монархию вместе с династией.

Ввиду огромной исторической важности манифеста 17-го октября и сопровождавшего его доклада Витте, мы воспроизводим здесь полностью оба документа.

Манифест 17-го октября

«Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великою и тяжелою скорбью преисполняют сердце наше. Благо российского государя неразрывно с благом народным и печаль народная — его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целости и единству державы всероссийской. Великий обет царского служения повелевает нам всеми силами разума и власти нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелев надлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, мы, для успешнейшего выполнения общих предназначаемых нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым об'единить деятельность высшего правительства.

На обязанность правительства возлагаем мы выполнение непреклонной нашей воли: 1) Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов. 2) Не останавливая предназначенных выборов в государственную думу, привлечь теперь же к участию в думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку (т.-е., согласно закону 6-го августа 1905 г., думе и государственному совету). 3) Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед родиной, помочь прекращению неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле».

Доклад Витте

«Волнение, охватившее разнообразные слои русского общества, не может быть рассматриваемо, как следствие частичных несовершенств государственного и социального устроения или только как результат организованных крайних партий.

Корни того волнения залегают глубже. Они в нарушенном равновесии между идейными стремлениями русского мыслящего общества и внешними формами его жизни. Россия переросла форму существующего строя и стремится к строю правовому на основе гражданской свободы.

В уровень с одушевляющею благоразумное большинство общества идеею и следует поставить внешние формы русской жизни.

Первую задачу для правительства должно составлять стремление к осуществлению теперь же, впредь до законодательной санкции через государственную думу, основных элементов правового строя: свободы печати, совести, собраний, союзов и личной неприкосновенности. Укрепление этих важнейших основ политической жизни

общества должно последовать *путем нормальной законодательной разработки,* наравне с вопросами, касающимися уравнения перед законом всех русских подданных независимо от вероисповедания и национальности. Само собой разумеется, предоставление населению прав гражданской свободы должно сопровождаться законным ее ограничением для твердого ограждения прав третьих лиц, спокойствия и безопасности государства.

Следующею задачею для правительства является установление таких учреждений и законодательных норм, которые соответствовали бы выяснившейся политической идее большинства русского общества и давали бы положительную гарантию в неотъемлемости дарованных благ гражданской свободы.

Задача эта сводится к устроению правового порядка.

Соответственно целям водворения в государстве спокойствия и безопасности, экономическая политика правительства должна быть направлена ко благу народных широких масс, разумеется, с ограждением имущественных и гражданских прав, признаваемых во всех культурных странах.

Намечаемые здесь основания правительственной деятельности для полного осуществления своего потребуют значительной законодательной работы и последовательного административного устройства.

Между постановкою принципа и претворением его в законодательные нормы, а в особенности, проведением этих норм в нравы общества и приемы правительственных агентов, не может не пройти некоторое время.

Начала правового порядка воплощаются лишь поскольку население получает к ним привычку—гражданский навык. Сразу подготовить страну со 135-миллионным разнородным населением и обширнейшею администрациею, воспитанными на иных началах, к восприятию и усвоению норм правового порядка, не под силу никакому правительству. Вот почему правительству далеко недостаточно выступить с одним только лозунгом гражданской свободы. Чтобы водворить в стране порядок, нужны труд и неослабевающая последовательность. Для осуществления этого, необходимыми условиями являются однородность состава правительства и единство преследуемых им целей. Но и министерство, составленное, по возможности, из лиц одинаковых политических убеждений, должно будет приложить неимоверные старания, дабы одушевляющая его работу идея сделалась идеею всех агентов власти, от высших до низших.

Заботою правительства должно являться практическое водворение в жизнь главных стимулов гражданской свободы. Положение дела требует от власти приемов, свидетельствующих об искренности и прямоте ее намерений. С этой целью правительство должно себе поставить непоколебимым принципом полное невмешательство в выборы в государственную думу и искреннее стремление к осуществлению мер, предрешенных указом 12 декабря.

В отношении к будущей государственной думе заботою правительства должно быть поддержание ее престижа, доверие к ее работам и обеспечение подобающего сему учреждению значения.

Правительство не должно являться элементом противодействия решениям думы, поскольку решения эти не будут коренным образом расходиться с величием России, достигнутым тысячелетней ее историей. Правительство должно следовать мысли, высказанной в высочайшем манифесте об образовании государственной думы, что положение о думе подлежит дальнейшему развитию в зависимости от выяснившихся несовершенств и запросов времени.

Правительству надлежит выяснить и установить эти запросы, формулировать гарантию гражданского правопорядка, руководствуясь, конечно, господствующею в большинстве общества идеею, а не отголосками хотя бы и резко выраженных требований отдельных кружков, удовлетворение коих невозможно уже потому, что они постоянно меняются. Но удовлетворение желаний широких слоев общества путем той или иной формулировки гражданского правопорядка необходимо.

Весьма важно преобразовать государственный совет на началах видного участия в нем выборных элементов, ибо только при этом условии возможно установить нормальные отношения между этим учреждением и государственной думой.

Не перечисляя дальнейших мероприятий, которые должны находиться в зависимости от обстоятельств, я полагаю, что деятельность власти на всех ступенях должна быть охвачена следующими руководящими принципами.

1) Прямота и искренность в утверждении на всех поприщах даруемых населению благ гражданской свободы и установление гарантий сей свободы.

2) Стремление к устранению исключительных законоположений.

3) Согласование действий всех органов правительства.

4) Устранение репрессивных мер против действий, явно не угрожающих обществу и государству, и

5) Противодействие действиям, явно угрожающим обществу и государству, опираясь на закон и в духовном единении с благоразумным большинством общества.

Само собой разумеется, осуществление поставленных выше задач возможно лишь при широком и деятельном содействии общества и при соответствующем спокойствии, которое бы позволило направить силы к плодотворной работе.

Следует верить в политический такт русского общества, так как немыслимо, чтобы русское общество желало анархии, угрожающей, помимо всех ужасов борьбы, расчленением государства».

34. *«Голос Москвы»* — октябристская газета, издававшаяся в Москве.

35. *Петражицкий, Л. И.* — профессор Петербургского университета по кафедре философии права, член 1-й гос. думы от Петербурга. Кадет умеренного крыла.

36. *Петрункевич, И. И.* — старый участник земского либерально-конституционного движения (еще в 1879 г. за конституционные выступления в Черниговском земстве был выслан в Костромскую губ.), участник левого крыла земско-городских с'ездов 1902 — 1905 гг., участвовал в депутации земцев к царю 6 июня 1905 г. организатор и видный член к.-д. партии, член 1-й гос. думы, где произнес первую речь об амнистии.

37. *«Новое Время»* — петербургская газета, основанная в 1876 г. знаменитым по своей продажности и «растленному перу» публицистом А. С. Сувориным. Вначале — либеральный орган, но затем быстро сближается с правящей бюрократией и становится ее подголоском, без стеснения переходящим от одних мнений к резко противоположным, сообразно изменению «веяний» в правительственных сферах. За это «Новое Время» было осмеяно Щедриным под названием газеты «Чего изволите». Специальностью газеты была проповедь крайнего шовинизма и травля инородцев. Как орган, близкий к правительству, «Новое Время» пользовалось до революции 1917 г. огромным влиянием среди русской бюрократии. При Керенском газета служила злостным органом контр-революционной агитации и травли большевизма.

38. *«Год борьбы»* — название сборника статей Милюкова (СПБ, 1907 г., изд. «Общественной Пользы»), пи анных в 1900—1906 г.г.

Статья Ю. К., о которой говорит Ленин, есть статья Л. Б. Каменева «Год борьбы русского либерализма», перепечатанная в его

сборнике «Между двумя революциями» (изд. „Новая Москва", 1922 стр. 85—125).

39. *Псевдоконституционализм или лжеконституционализм.* Конституционным государственным строем или короче конституционализмом, в противоположность самодержавию или абсолютизму, называют такую политическую систему, при которой власть монарха в государстве ограничена народным представительством (парламентом). Название «псевдоконституционализма» или «лжеконституционализма» (по-немецки Scheinkonstitutionalismus) получила специально русская политическая система, утвердившаяся после манифеста 17 октября 1905 г., когда хотя и существовало народное представительство в виде гос. думы, однако же, царь заявлял, что он продолжает считать себя самодержавным, а своими действиями (напр., государственным переворотом 3 июня 1907 г., см. прим. 3) воочию показывал, что его воля выше всякого «народного представительства» и всякого закона и что наша «конституция» есть лишь «клочок бумаги».

40. *Трубецкой П. Н., князь* — либеральный московский предводитель дворянства в 1905 г.; брат профессоров-либералов С. Н. и Е. Н. Трубецких.

41. *Земские съезды.* Попытки создать объединение деятельности земств в форме земских съездов или совещаний делались неоднократно, начиная со второй половины 90-х годов (1896 г.). Совещания эти организовывались по большей части по инициативе Московской губ. земской управы и в особенности ее многолетнего председателя Д. Н. Шипова и вначале посвящались обсуждению специальных земских вопросов. Несмотря на это, правительство вело с ними упорную борьбу и старалось их не допускать. После убийства Сипягина в мае 1902 г., в связи с работами организованного Витте «Особого Совещания о нуждах сельско-хозяйственной промышленности», из состава которого земство было почти совершенно исключено, Шипов созвал в Москве совещание председателей губ. земских управ и гласных, принявшее уже явно оппозиционный характер; оно предложило всем земствам рассмотреть самостоятельно вопрос о нуждах сельско-хоз. промышленности и требовать предоставления «самодеятельности» населению, «освобождения крестьян от административной опеки», отмены телесного наказания, всесословного земства, большей гласности и т. п. Участникам съезда было объявлено «высочайшее неудовольствие», и съезды были снова запрещены. Лишь после убийства Плеве, при министре внутр. дел Святополке-Мирском, был впервые разрешен

или, вернее, «допущен» общеземский с'езд, но лишь как «частное совещание», происходившее в Петербурге 6–9 го ноября 1904 г. Съезд этот, ставший знаменитым в истории российского либерализма, уже открыто потребовал «конституции», включив в свою резолюцию следующий пункт:

«... Для создания и сохранения всегда живого и тесного общения и единения государственной власти с обществом... и для обеспечения правильного развития государственной и общественной жизни безусловно необходимо правильное участие народного представительства, как особого выборного учреждения, в осуществлении законодательной власти, в установлении государственной росписи доходов и расходов и в контроле за законностью действий администрации».

Резолюция в такой форме была принята «левым большинством» съезда. Правое же его меньшинство, во главе с Д. Н. Шиповым, хотя и признавало необходимость народного представительства, но считало возможным соединить его с самодержавием, очищенным от «самовластия» и «абсолютизма», а потому не считало нужным особо оговаривать права будущего народного представительства. Впоследствии левое большинство земских съездов составило ядро кадетской партии, а правое крыло их — ядро «союза 17-го октября.»

Расцвет земских съездов падает на 1905 г., когда состоялось несколько таких съездов. Наиболее знаменитым из них был общеземский съезд 24—25-го мая, произошедший спустя несколько дней после разгрома нашей эскадры японцами при Цусиме. Съезд этот принял конституционную резолюцию и соответствующую ей петицию-адрес и избрал делегацию для представления этой петиции царю (см. прим. 73).

Последний съезд земских и городских деятелей происходил уже после манифеста 17-го октября, в ноябре 1905 г.; на нем резко обрисовалось правое крыло во главе с Гучковым и кн. Волконским и левое — из представителей окраин, Кавказа и Сибири, с требованием учредительного собрания; кадеты представляли неустойчивый, оппортунистический центр.

К этому времени участники земских съездов, прежде объединенные, как будто бы, единым направлением, распались на определенные партийные группировки (кадетская и октябристская партии), а потому съезды эти прекратили свое существование, сменившись партийными съездами.

42. *Львов, Г. Е., князь*—прогрессивный земец, один из видных представителей оппозиционного земского движения, участник земских съездов первой половины 1900-х годов; впоследствии, во время империалистической войны,—глава «Всероссийского земского союза»—буржуазной либерально-патриотической организации помощи войне. В этом качестве Львову пришлось неоднократно выступать в последние годы перед революцией в первых рядах легальной оппозиции против самодержавия и на этой почве он приобрел широкую популярность в среде «общества», т.-е. либеральной буржуазии, которою и был выдвинут после революции на пост председателя первого, а затем и второго временного правительства; на этом посту он оставался вплоть до июля 1917 г., когда его сменил Керенский.

43. *Головин, Ф. А.*—либеральный земец — конституционалист, председатель Московской губернской земской управы после Д. Н. Шипова (1904 — 1905 гг.), впоследствии кадет, избранный председателем 2-й гос. думы при поддержке трудовиков, сторонник лозунга «бережения думы».

44. *Кокошкин, Ф. Ф.*—земец, один из талантливейших кадетов и организаторов кадетской партии, после революции 1917 года—один из министров временного правительства. Убит в январе 1918 г. в больнице, где находился на излечении, группой ворвавшихся туда матросов и солдат.

45. *Партия народной свободы*—то же, что кадеты, см. прим. 12.

46. *Куриальное представительство*—см. «курии», прим. 17.

47. *Трепов, Д. Ф.*—сын Спб. градоначальника Трепова, в которого стреляла В. Засулич, московский обер-полицейместер, ближайший помощник в. кн. Сергея Александровича и сотрудник Зубатова. После 9-го января 1905 г. назначен Спб. генерал-губернатором. В октябрьские дни 1905 г. в приказе полиции бросает знаменитую фразу: «патронов не жалеть» и становится во главе высокопоставленных черносотенных погромщиков. Во дни 1-й думы—либерал, ведет переговоры с Милюковым о создании кадетского министерства. Умер в 1906 г.

48. *Рачковский* — один из известнейших полицейских слуг царского самодержавия, еще при Александре III назначенный заведывающим всей русской тайной полицией за границей. Прославился организацией провокации. В 1905 г., при Трепове, он был, по словам Витте, «душой департамента полиции». Один из организаторов «тайной типографии» в департаменте полиции, где в 1905 г., печатались

черносотенные прокламации с призывом к еврейским погромам После ухода Витте в 1906 г. становится правой рукой нового председателя совета министров Горемыкина, с падением последнего вновь уезжает за границу.

49. *Гессен, И. В.* — один из виднейших кадетских публицистов, бессменный редактор главного органа кадетской партии «Речь», член 1-ой гос. думы; после Октябрьской революции — эмигрант; редактирует в Берлине известную белогвардейскую газету «Руль», орган правого крыла кадетской партии, ведущий озлобленную кампанию против Советской власти.

50. *Ермолов, А. С.* — царский министр земледелия, проводник крепостнических дворянских тенденций в сельско-хозяйственной промышленности. В книге «Неурожай и сельское хозяйство» он доказывал, что нет надобности разрешать переселение в Сибирь тем крестьянам, которые могут найти заработки у местных помещиков. Содействовал хищническому переходу казенных земель в Сибири в руки дворянства и крупной буржуазии.

51. *Извольский, А. П.*— один из бездарных министров иностранных дел при Николае II (после Витте), проводивший политику сближения с Англией. Затем — посол в Париже, где и умер после Октябрьской революции.

52. *Горемыкин, И. Л.* — один из виднейших столпов самодержавия; в 90-х годах — министр внутр. дел, прославившийся борьбой с рабочим движением и всякого рода «крамолой». В 1906 г., перед созывом 1-ой гос. думы, Горемыкин сменяет Витте на посту председателя совета министров и ознаменовывает свое пребывание у власти борьбой против думы, выставившей требования амнистии и наделения крестьян землей. После разгона 1-ой думы Горемыкин, как сделавший свое дело мавр, увольняется в отставку и заменяется Столыпиным, с этого времени утратив политическую роль, но числясь в архиве преданных самодержавию черносотенных бюрократов. Поэтому в годы империалистической войны и разгула реакции внутри страны Горемыкина, по его собственным словам, «второй раз вытаскивают из нафталина» и ставят на пост председателя совета министров; здесь он посильно борется с «прогрессивным», т.-е. октябристско-кадетским блоком 4-й гос. думы, но через несколько месяцев бесславно уходит в порядке очереди героев «министерской чехарды», чтобы окончательно уже сойти с политической арены.

53. *Хомяков, Н. А.* — октябрист, председатель 3-й гос. думы.

54. *«Столыпинский галстух»*—выражение, употребленное кадетом Ф. И. Родичевым в гос. думе и обозначающее веревку на шее повешенного: намек на массовые казни «политических преступников», практиковавшиеся введенными Столыпиным военно-полевыми судами.

55. *Адрес 1-ой гос. думы*—см. прим. 4.

56. *«Правительственная декларация 13-го мая 1906 г.»*—(в 1-й гос. думе) и «правительственное сообщение по аграрному вопросу от 20-го июня 1906 г.» см. прим. 4 «Первая гос. дума».

57. *Кузьмин-Караваев, В. Д.* — умеренно-либеральный генерал, профессор военно-юридической академии и литератор, член 1-й гос. думы, один из организаторов мертворожденной «партии демократических реформ», стоявшей правее кадетов и не игравшей никакой политической роли.

58. *Чухнин* — адмирал, командовавший черноморским флотом, кровавый усмиритель ноябрьского восстания 1905 г. солдат и матросов в Севастополе—того самого восстания, которым руководил знаменитый лейтенант Шмидт, впоследствии расстрелянный. За кровавую расправу над повстанцами и за казнь Шмидта Чухнин был убит революционными матросами.

59. *Кутлер, Н. Н.* — министр земледелия в кабинете Витте в 1905—1906 гг., уволенный за составленный им проект наделения крестьян землей с принудительным отчуждением частно-владельческих земель, впоследствии—правый кадет, член гос. думы. При Советской власти—член правления Государственного банка, оказавший значительные услуги Республике в деле упорядочения финансов. Умер в 1924 г.

60. *Талейран* — знаменитый французский дипломат конца XVIII и начала XIX века, служивший с одинаковым искусством сначала французской революции, потом монархии Наполеона, потом—Людовику XVIII и наконец, после второй французской революции (1830 г.),—новому королю Людовику-Филиппу. Образец коварства и вероломства.

61. *Выборгское воззвание.*— Непосредственно вслед за разгоном 1-й гос. думы члены ее, главным образом, кадеты, собрались в Выборге, в Бельведерской гостинице, и на совещании, состоявшемся 9-го и 10-го июля, приняли следующее обращение к народу, известное под именем Выборгского воззвания:

Народу от народных представителей.

Граждане России!

Указом 8-го июля государственная дума распущена. Когда вы избирали нас своими представителями, вы поручили нам добиваться земли и воли. Исполняя ваше поручение и наш долг,— мы составили законы на обеспечение народу свободы. Мы требовали удаления безответственных министров, которые, безнаказанно нарушая закон, подавляли свободу. Но прежде всего мы желали создать закон о наделении землей трудящегося крестьянства путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих. Правительство признало такой закон недопустимым, а когда дума еще раз настойчиво подтвердила свое решение о принудительном отчуждении,— был объявлен роспуск народных представителей.

Вместо нынешней думы правительство обещает созвать другую через 7 месяцев. Россия должна оставаться без народных представителей в такое время, когда народ находится на краю разорения, промышленность и торговля подорваны, когда вся страна охвачена волнениями, когда министерство окончательно показало свою неспособность удовлетворить нужды народа.

Целых 7 месяцев правительство будет действовать по своему произволу, будет бороться с народным движением, чтобы получить послушную, угодливую думу. А если ему удастся совсем задавить народное движение, — оно не соберет никакой думы.

Граждане! Стойте крепко за попранные права народного представительства. Стойте за государственную думу. Ни одного дня Россия не должна остаться без народного представительства. У вас есть способы добиться этого. Правительство не имеет права без согласия народного представительства ни собирать налоги с народа, ни призывать народ на военную службу, и потому теперь, когда правительство распустило государственную думу, вы вправе не давать ему ни солдат, ни денег. Если же правительство, чтобы добыть себе средства, станет делать займы, то такие займы, заключенные без согласия народных представителей, отныне не действительны, и русский народ никогда их не признает и платить по ним не будет.

Итак, до созыва народных представителей не давайте ни копейки в казну, ни одного солдата в армию. Будьте тверды в своем отказе.

Стойте за свое право, как один человек. Пред единой и непреклонной волей народа никакая сила устоять не может.

Граждане! В этой вынужденной, но неизбежной борьбе ваши выборные люди будут с вами.

62. *Винавер, М. М.* — присяжный поверенный и литератор, кадет, видный член 1-й гос. думы.

63. *Свеаборгское и Кронштадтское восстания* произошли в связи с подъемом революционного движения после разгона 1-й думы. Свеаборгское восстание вспыхнуло 17—20-го июля 1906 г. и было организовано под непосредственным руководством офицеров эс-дэков Емельянова и Коханского.

Ход восстания: 17-го июля — возмущение минной роты; 18-го июля — восставшие овладели почти всей крепостью, арестовали офицеров и начали бой с судами, стоявшими на рейде; выступление финляндской Красной гвардии на помощь восставшим. 19-го июля восставшие заняли ряд укрепленных островков и оттеснили шесть рот пехоты. Появление учебного отряда судов Балтийского флота с дальнобойными орудиями вынудило крепость 20-го июля в полдень сдаться; восставшие частью успели скрыться на лодках из крепости и затем эмигрировать в Швецию, частью были преданы военно-полевому суду и казнены.

Восстание в Свеаборге вызвало восстание в Кронштадте, где работала Петербургская военная организация; 20-го июля вспыхнуло восстание среди 4 и 5 морских экипажей под руководством эс-эра матроса Егорова; к восставшим примкнула часть сапер; попытка поднять весь гарнизон крепости не удалась. После обстрела форт, где заперлись восставшие, сдался, и военно полевой суд закончил дело усмирения.

64. *Толстой Д., граф* — министр внутренних дел при Александре III, злейший реакционер и мракобес, яркий представитель дворянской монархии.

65. *Сипягин, Дм. Серг.* — один из известнейших реакционных бюрократов старого режима, министр внутр. дел с 1899 по 1902 г., по выражению Витте, «без царя в голове», что не мешало ему вести усердную борьбу на всех фронтах как с революционным движением, так и с малейшими проявлениями либерализма в земстве, печати и проч. Убит 2-го апреля 1902 г. эс-эром студентом Балмашевым, впоследствии казненным.

66. *Кони, А. Ф.* — один из известнейших умеренно-либеральных юристов и писателей, председатель Петербургского окружного суда

во время процесса В. И. Засулич в 70-х годах; в 900-х годах — член государственного совета.

67. *Лопухин, А. А.* — директор департамента полиции при Плеве, потом, при Витте — эстляндский губернатор, уволенный за «трусость», обнаруженную в отношении революционного движения. Прославился разоблачением перед Бурцевым знаменитого провокатора Азефа, за это разоблачение был отдан Столыпиным под суд и сослан в Сибирь.

68. *Мануилов, А. А.* — московский либеральный профессор — экономист, затем ректор университета, кадет, после Февральской революции — министр народного просвещения первого временного правительства; на этом последнем посту он, между прочим, утвердил и пытался ввести в школы выработанное Академией Наук новое правописание (впоследствии введенное Советской властью), чем вызвал негодование всего контр-революционного лагеря.

69. *Федоров, М. М.* — управляющий министерством торговли в кабинете Витте (1905—1906 гг.); его Витте характеризирует, как «человека культурного, либерального и безусловно чистого». Между прочим, после падения Витте он по собственному желанию вышел в отставку, отказавшись войти в кабинет Горемыкина по несогласию с программой последнего, — поступок, почти неслыханный в среде российских бюрократов.

70. *Тимирязев, В. И.* — министр торговли в кабинете Витте (1905—1906 гг.), выставлявший на показ свой либерализм. Делец и карьерист. Прославился скандалом на почве выдачи им аферисту Матюшенскому 30.000 руб. на восстановление гапоновских организаций, и за этот скандал был уволен. После того был участником разных торгово-промышленных организаций и членом государственного совета. При Столыпине снова был некоторое время министром торговли и уже выказывал себя крайним монархистом.

71. *Маклаков, В. А.* — видный кадет. В эпоху царизма Маклаков был одним из лидеров прогрессивного блока в царской думе и неоднократно выступал с либеральной критикой правительства. В эпоху керенщины Маклаков неоднократно намечался на пост министра, но был назначен послом в Париж. Вплоть до 1924 г. Маклаков использовал там свое положение бывшего посла для контр-революционных интриг против Советской власти.

72. *Герценштейн* — профессор Московского сельско-хозяйственного института, экономист, кадет, член 1-й гос. думы, где выступал в защиту наделения крестьян землей путем принудительного отчу-

ждения помещичьих земель; убит 18-го июля 1906 г. в Финляндии членами черносотенного «союза русского народа».

73. Речь идет здесь о знаменитом *приеме царем депутации либералов* 6-го июня 1905 г., произошедшим при следующих обстоятельствах.

24—25-го мая в Москве состоялся объединенный съезд представителей земств и городов (см. об этих съездах прим. 41), на котором выступали представители трех течений: правого (будущие октябристы), центра (будущие мирнообновленцы) и левого («освобожденцы», вошедшие в кадетскую партию).

После страстной борьбы все эти течения, «влекомые пламенной любовью к отечеству и к привилегиям буржуазии» (характеристика Ленина), сошлись на «теории соглашения» с самодержавной монархией. Именно в этом духе была принята съездом резолюция следующего содержания:

> «Совещание об'единенных групп земских и городских деятелей, проникнутое, несмотря на различие мнений по отдельным политическим вопросам, общим убеждением, что коренной причиной настоящего тяжелого внутреннего и внешнего положения России является доныне не отмененный приказный строй, отрицающий личную и общественную свободу, подавляющий народное самосознание и народную самодеятельность, устраняющий население от участия в государственной жизни и порождающий ничем не ограниченный и все усиливающийся произвол безответственной администрации, что этот строй, в течение многих лет вносивший насилие, ложь и разложение в нашу внутреннюю жизнь, ныне роковым образом привел к грозной внешней опасности, вовлекши государство в гибельную войну, вызывая и поддерживая в течение ее междоусобную вражду и доведя страну до ряда поражений, завершившихся беспримерным в русской истории истреблением наших морских сил, полагая, что дальнейшее существование этого строя угрожает не только внутреннему миру, порядку и благосостоянию народа, но также твердости престола, целости и внешней безопасности России, — признает безусловно необходимым для спасения страны:
>
> 1. Безотлагательный созыв свободно избранного всенародного представительства для совместного с монархом решения вопроса о войне и мире и установления государственного правопорядка.

2. Немедленную отмену законов, учреждений, постановлений и распоряжений, противных началам свободы личности, слова, печати, союзов и собраний, и об'явление политической амнистии.

3. Немедленное обновление состава администрации путем призвания к руководству центральным управлением лиц, искренно преданных делу государственного преобразования и внушающих доверие обществу».

Кроме резолюции, съезд принял также адрес (обращение) к царю, в котором лживо сваливал вину за все несчастья России на советчиков царя, которые якобы искажают его предначертания и не дают «голосу правды» доходить до престола. В заключение адрес обращался к царю с просьбой «без замедления созвать народных представителей, избранных для сего равно и без различия всеми подданными», которые должны *в согласии с царем* решить вопрос о войне или мире и «установить обновленный государственный строй».

Для представления адреса царю съезд избрал депутацию, в которую вошли, между прочим, князь Серг. Ник. Трубецкой (московский либеральный профессор, брат Е. Н. Трубецкого), Петрункевич и другие.

В «сферах» долго колебались,—принимать или не принимать депутацию, предъявляли к этой последней всевозможные требования (одним из таких требований, от которого, после торговли, «сферы» отказались, было исключение из состава депутации кадета И. И. Петрункевича, как якобы «революционера») и, наконец, сторговались: депутация была принята царем 6-го июня.

На этом приеме кн. С. Н. Трубецкой обратился к царю со своею, прославленной затем в либерально-буржуазных кругах, речью, в которой увещевал царя не быть «царем дворян, или царем крестьян, купцов, царем сословий», а быть «царем всея Руси», т.-е. дать всенародное, а не сословное представительство, — очевидно, потому, что последнее не удовлетворило бы народные массы и не могло бы предотвратить революцию, которой либералы боялись наравне с царем.

74. *Азеф, Евно* — знаменитейший провокатор, долгие годы стоявший во главе боевой организации партии эсеров и в то же время служивший в качестве агента в департаменте полиции. Участник убийства Плеве и вел. кн. Сергея Александровича. Разоблачен уже при Столыпине бывш. директором департамента полиции Лопухиным, выдавшим эту важнейшую «государственную тайну» Бурцеву.

75. *Гартинг-Ландезен* — один из видных агентов-провокаторов деп. полиции, подвизавшийся преимущественно за границей.

76. *Зволянский* — один из директоров департамента полиции при Николае II.

77. *Зубатов* — начальник Московского охранного отделения в начале 1900-х годов. Прославился замечательным опытом «полицейского социализма»—попыткой отвлечь рабочий класс от революционного движения и политической борьбы и примирить его с самодержавием, открыв ему некоторые возможности легальной борьбы с буржуазией за улучшение своего экономического положения, при чем руководителями рабочих в этой экономической борьбе должны были выступать агенты полиции. С этой целью Зубатовым, привлекшим на свою сторону московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича, в начале 1902 г. было организовано в Москве «Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве». В обществе этом принимал непосредственное участие московский обер-полицмейстер, впоследствии, в революцию 1905 г.,—знаменитый петербургский генерал-губернатор Д. Ф. Трепов, а также некоторые представители верноподданной профессуры (напр., проф. Озеров), развращавшие сознание рабочих, внушая им мысль о возможности улучшения их положения в рамках полицейски-самодержавного режима. Зубатову удалось даже привлечь на свою сторону нескольких попавших к нему в лапы революционеров. Для более широкой постановки „работы" Зубатова перевели в Петербург. С помощью своих агентов он основал «зубатовские» рабочие организации в некоторых западных и южных городах. При поддержке полицейских агентов, подражавших социал-демократическим агитаторам, был проведен рабочими ряд экономических забастовок. Тогда наша буржуазия завопила. Особенно крупный скандал и даже дипломатическое вмешательство вызвала забастовка на фабрике, принадлежавшей французскому гражданину Гужону. Плеве подставил ножку Зубатову, и в 1903 г. он был арестован и сослан во Владимир, а со стачками рабочих стали расправляться старыми методами полицейских репрессий. Однако же, массовые забастовки 1903 г., отчасти проходившие при участии и поддержке зубатовских агентов, были грозными предтечами революционного рабочего движения 1905 г. В конечном счете зубатовская затея способствовала лишь обострению классовой борьбы и скорейшему очищению политического сознания рабочих от пережитков веры в царя и самодержавие.

После Зубатова стали называть *«зубатовщиной»* направление, стремящееся развратить революционное рабочее движение, обезвредить его и примирить с полицейским режимом путем поддержки и покровительства сверху мирным и послушным полиции экономическим организациям и экономической борьбе рабочего класса.

78. *Штюрмер* — один из верных псов царского самодержавия, чиновник, приобревший известность борьбой с земским либерализмом в качестве «назначенного» председателя Тверской губернской земской управы, потом служил ярославским губернатором. В 1916 г. по проискам Распутина был назначен главой правительства (председателем совета министров) и прославился на этом посту бездарностью, стяжательством и глупой вызывающе-реакционной политикой, озлобившей против правительства не только октябристскую думу и органы самоуправления, но и дворянство. В конце 1916 г., был сменен на посту председателя совета министров Треповым — главой предпоследнего царского правительства.

79. *Гарин* — директор департамента полиции в 1905 г., затем сенатор, производивший интендантские ревизии и, по словам Витте, исполнявший обязанности делопроизводителя при дворцовом коменданте Трепове.

80. *Курлов* — один из охранителей царского самодержавия, в 1905 г.— минский губернатор, при Столыпине — товарищ министра внутр. дел по полиции, широкой рукой насаждавший провокацию, пользовавщийся поддержкой и покровительством черносотенного «союза русского народа» и «с полной бесшабашностью» (выражение Витте) тративший деньги из секретного фонда на собственные нужды. После убийства Столыпина в 1911 г. был уволен в отставку и с тех пор стоял не у дел, как скандально-реакционная фигура, вплоть до назначения министром внутр. дел Протопопова, при котором Курлов был назначен «негласным» товарищем министра внутр. дел по делам полиции. Арестованный после революции 1917 г., он был освобожден после Октября, и в 1918 г. бежал за границу, где выпустил книгу воспоминаний, переизданную в России («Конец русского царизма» Госиздат, 1923 г.).

81. *Дурново, Иван Николаевич* — реакционный министр внутр. дел в 1889—1895 гг., один из ярых проводников «народной политики» Александра III, введший институт земских начальников. (Не смешивать с Петром Николаевичем Дурново, министром внутр. дел в кабинете Витте 1905—1906 гг., см. прим. 15.)

82. *Святополк-Мирский, Петр Дмитриевич, князь.* — После убийства Плеве 15-го июля 1904 г. (см. прим. 5), «власть» некоторое время колебалась,—продолжать ли репрессии или вступить на путь уступок. Нараставшее революционное движение заставило правительство избрать последний путь, и в августе 1904 г., министром внутр. дел был назначен Святополк-Мирский, открывший эру уступок речью, произнесенной им в сентябре, при представлении ему чинов министерства. В этой речи он заявлял о необходимости «доверия» власти к населению и взаимного «доверия» населения к власти. Поэтому кратковременное пребывание его у власти получило полуироническое название «эпохи доверия». а также «весны». Это время ознаменовалось ослаблением цензуры, допущением оппозиционного земского съезда, широким развитием буржуазного оппозиционного движения в виде так называемой «банкетной кампании». Утратил влияние в декабре того же 1904 г., после того как Николай II, повидимому, не без влияния со стороны Витте, вычеркнул из подготовленного уже к опубликованию указа 12-го декабря сообщение о привлечении к законодательной деятельности выборных представителей общественных учреждений. Ушел в отставку после 9-го января 1905 г.

83. *Булыгин* — министр вн. дел после Святополка-Мирского по октябрь 1905 г.; при нем было издано положение 6-го августа 1905 г. о гос. думе, получившей название «булыгинской». По этому положению гос. дума должна была стать законосовещательным органом, избиравшимся на основе высокого имущественного ценза. «Булыгинская» гос. дума не осуществилась, так как вызванный революцией 1905 г. манифест 17-го октября превратил думу из законосовещательного в законодательное учреждение, а изданный после того новый избирательный закон (11-го декабря 1905 г.,) значительно расширял круг избирателей, вводя в него мелкую буржуазию и рабочих.

84. *Лорис-Меликов, граф*—«либеральный» министр внутр. дел. при Александре II, автор проекта неопубликованной «конституции» (гораздо более реакционной, чем положение о «булыгинской» думе) После убийства Александра II (1-го марта 1881 г.) и восшествия на престол Александра III был уволен в отставку за либерализм.

85. *Богров* — полуэсер, полуохранник, единолично решивший убить Столыпина и тяжело ранивший его выстрелом из револьвера 1-го сентябрт 1911 г., в Киевском театре. 5-го сентября Столыпин от раны умер. За убийство Столыпина Богров был казнен.

86. *Казанцев* — агент охранного отделения при Столыпине и член союза русского народа, участник убийства Герценштейна (см. прим. 72), организатор убийства кадетского депутата 1-й гос. думы Иоллоса, для чего он обманным образом завлек, в качестве исполнителя, революционно настроенного рабочего Федорова; организовывал покушение на убийство Витте. Убит 29-го мая 1907 г. тем же Федоровым, которому левые члены гос. думы раскрыли глаза на личность Казанцева и на истинный смысл убийства Иоллоса и покушения на Витте.

87. *Киевская катастрофа* — убийство Столыпина (см. прим. 1, 2).

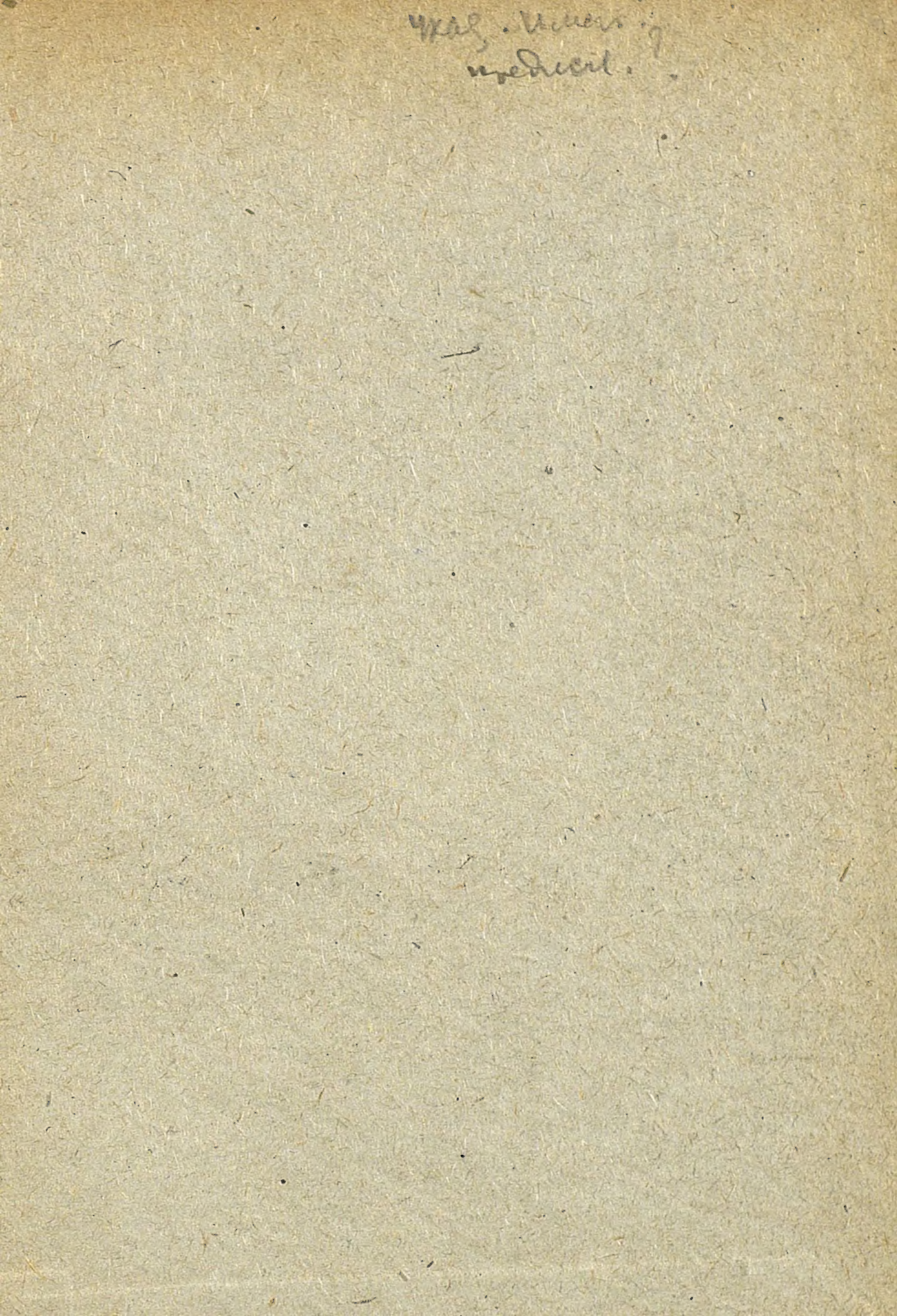
88. *Козлов* — генерал, убитый 1-го июля 1906 г. Васильевым по ошибке вместо Д. Ф. Трепова, на которого Козлов походил наружностью. Васильев был за это казнен.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПОГРЕШНОСТЬ.

	Напечатано:	*Следует исправить:*
Стр. 137. 17—18 строки св.	финляндский губернатор, потом—дипломат.	финляндский генерал-губернатор, потом — посол в Мадриде. Умер в 1923 г. в эмиграции.

предмет.

